

ТАИР АЛИ МИШОППА

Роман*

Глава девятая

Дворец, Колодец и Змея

– У меня только пять... – виновато сказал Искендер. – Больше не смог.

Они встали у стеклянного входа на станцию метро «Мэмар Аджечи».

– Как же так? Предупредил же, десять нужно! А ты только половину принес! Ох-ох-ох...! – завертелся на месте мишоппа, то стаскивая, то натягивая обратно на бронзовую лысину лыжную шапочку. – Ведь все дело испортил! Какой же ты бестолковый...! Кинул меня, вот как это называется!

Он все вертелся, рассерженно топая черными солдатскими ботинками, и совершенно не обращал внимания на удивленные взгляды пассажиров, входящих и выходящих из дверей станции.

– Так дела не делают...! Как теперь быть? Лучше бы мне на голову булыжник упал в тот день, когда я с тобой связался! Целый «КамАЗ» булыжников...! Давай возвращаться!

Искендер, смущенный вниманием прохожих, улучив момент, ухватил его за рукав куртки:

– Я потом принесу, обещаю, пойдём...

И тут мишоппа вдруг успокоился, поправив съехавшую на ухо шапочку, сказал деловито:

– Пять манатов, говоришь? Ладно, давай сюда, пока не потерял. Получается, ты мне еще десять должен. Не забудь.

– Почему десять?

Абабиль постучал себя в лоб костяшками пальцев:

– А проценты? Забыл? Сейчас без них никому в долг не дают. Дураков нет. Я же не сберкасса. Придется свои докладывать. Радуйся, что всего два процента.

– Где же два? – удивился Искендер. – Было десять, я пять отдал и опять десять должен? Так, что ли?

Мишоппа безнадежно покачал головой:

– Совсем не соображаешь. Конечно, десять! Пять на два делает сколько? Десять, так что все точно! А если бы сорок было? Ты б мне тогда двести должен был...!

Арифметические доводы Абабиля не показались Искендеру сколько-нибудь убедительными. Хотя он и сам не слишком разбирался в процентах и долях, но был точно уверен, что два процента от пяти никак не делают десять.

– И не спорь! – легко сорвавшись с места, воскликнул мишоппа, бросившись вприпрыжку к ярко освещенным киоскам вниз по улице. – Я сейчас...!

Что оставалось делать? Ждать. Ставив со спины рюкзак, Искендер поставил его себе под ноги.

Как долго отсутствовал мишоппа, сказать трудно. Но вернулся он, торжественно держа перед собой на весу литровую бутылку зеленой газировки.

– Будешь?

*Окончание. Начало см. № 6.2022г.

После всей беготни Искендеру действительно хотелось пить.

– Тархун! – сообщил Абабиль, с тревогой наблюдая за тем, как, морщась от колючих пузырьков, Искендер отпивает из горлышка. – Не пролей... – Искендер протянул газировку обратно, мишоппа немедленно приложился к ней и уже не отрывался, пока не влил в себя все до последней капли. – О-о-о-х! – протяжно рыгнул он. – Благодарный напиток... Жалко, денег в обрез, я бы еще бутылочку взял. Ладно, твоя очередь рюкзак нести.

– Так я и так его весь вечер таскаю... – возмутился Искендер.

– Любишь ты спорить, брат! Слова тебе не скажи, в кого ты такой уродился? И жадный, между прочим...! Пошли, от Вторника самая малость осталась! – не дожидаясь Искендера, с пустой бутылкой в руках скользнул он за стеклянные двери и, примерившись, запрыгнул на эскалатор.

Новенький вагон оказался полупустым. Во всяком случае, свободные места были.

С того момента, как перед турникетом полицейский проверил металлоискателем их рюкзак, мишоппа заметно преобразился. Куда-то подевались его привычная болтливость и забавные ужимки. Видимо, под впечатлением от всех подземных красот мишоппа заметно приосанился и с уважением поглядывал на обшитые мрамором колонны и бронзовые люстры, напоминающие гигантские еловые шишки. При этом, судя по всему, в метро Абабиль уже бывал. И, скорее всего, не один раз. Знал он весь необходимый этикет, куда идти, как пользоваться эскалатором, у него даже оказалась с собой проездная карта «BakIKART», обернутая в кусок целлофана, на которой он лишь пополнил баланс в платежном терминале, со знанием дела скормив ему мятый манат. Короче, совсем неплохо для того, кто живет в самоходном дереве, да еще и с разговаривающей полумышью.

Двери закрылись, состав, наконец, тронулся.

– ...можешь толком объяснить, что за колодец такой?

Не глядя на Искендера, мишоппа процедил сквозь зубы:

– Тише говори. Молочный.

– Так это я уже понял, что молочный! Только это и повторяешь! А где такой находится...?

Абабиль в очередной раз обвел полупустой вагон цепким взглядом, ответил шепотом:

– Во дворце.

– Где?

– Дворец, – еще неразборчивее произнес мишоппа.

Набирая скорость, состав с воем несся в туннеле.

– Чего...? Дворец...?

– Угу.

– Какой еще дворец?

Мишоппа не ответил, уставившись неподвижно в темное окно напротив.

– Объясни же ты по-человечески... какой еще дворец? Где он...? Там, что, реально колодец с молоком...? Да ты заснул, что ли? – Искендер стал теревить его за рукав куртки, но мишоппа упрямо не отвечал и только сурово шевелил кустистыми бровями. Пришлось Искендеру оставить его в покое. Так проехали они две станции, не сказав ни слова. Лишь на «Академии», когда пустовавший до этого вагон быстро заполнился пассажирами, Абабиль вдруг резко пихнул Искендера локтем в бок.

– Не говори ни слова... – прошипел Абабиль ему на ухо, скосив глаза к дальней двери, в которую, среди прочих, вошел очень высокий гражданин в черной кепке. Оказавшись в вагоне, он стал сразу же без церемоний протискиваться между пассажирами и, когда поезд снова тронулся, уже стоял перед Искендером и Абабилем, вцепившись в поручни тощей, как плеть, рукой. При этом рукав его широкого плаща,

скатившись до локтя, повис вниз вороновым крылом, который покачивался в такт движения поезда. Лицо у гражданина тоже было примечательное: не лицо, а настоящий череп, обтянутый дряблой кожей с ввалившимися вовнутрь глазами, выцветшими до белизны, как у дохлой рыбы.

– Здорово, брат! – неприятно ухмыльнулся он, наклонившись к Абабилю. – Ка-таемся?

– Давно не виделись, – с достоинством кивнул ему мишоппа, но, не удержавшись, заерзал на месте, будто сидел на пчелином улье.

– С прошлого праздника получается, – с той же ухмылкой сказал мужчина и перевел взгляд на Искендера. Взгляд у него был тяжелый, холодный, какой-то неподвижный. Ну, точно дохлая рыба! По спине Искендера пробежали холодные мурашки.

– Родственник?

– Племянник.

– Похож. Ты уж не обижайся, все вы мишоппы на одно лицо.

Уши Абабиля покраснели до самых кончиков, однако он ничего не сказал. Между тем мужчина сунул свободную руку в карман плаща, достал оттуда длинные четки из мелкого черного камня и принялся быстро перекидывать их между пальцами.

– А дерево твое все, что ли, накрылось?

– Ничего не накрылось. Стоит. Цветет и пахнет. – Уши Абабиля из просто красных сделались багровыми.

– Чего ж ты тогда под землю шастаешь? Тут, брат, не твоя территория? Может, забыл?

В голосе неприятного гражданина Искендеру послышалась скрытая угроза. Он хотел поднять голову, поглядеть на него, но почему-то не мог оторвать взгляда от черных бусинок, перетекающих между его пальцами. И пальцы с желтыми ногтями, и кисти рук его были тоже необычайно длинными. Бусинки летели одна за другой свободно, плавно, будто намазанные маслом.

– В гости позвали.

– В гости...? Смотри-ка! А меня никто не зовет. Я сам прихожу. Когда хочу. – Мужчина говорил, не напрягаясь, но, несмотря на вой мчащегося поезда, его было отчетливо слышно, словно он нашептывал тебе в уши. – Потому что сам себе хозяин, мне какое-то паршивое растение не указ. И когда я прихожу – лучше, чтобы стол был уже накрыт. Еще и на дорогу с собой соберут мне, и побольше...

– Так это чтобы ты поскорее убрался, брат! – неожиданно весело воскликнул мишоппа, торчащие уши которого так потемнели и набухли, что казалось, вот-вот лопнут. По вагону от одного конца до другого метнулась скрюченная страшная тень, моргнули светильники.

– Зря зубы скалишь, Абабил, скоро мой вторник, погуляю от души! – послышался Искендеру злой шепот мужчины. От этого шепота его прямо всего передернуло, но он все не мог оторвать взгляда от летящих бусинок.

– Гляди, как племяннику мои четки приглянулись, может, подарить...?

– А ты... – зашипел в ответ мишоппа, но в этот момент в динамиках заиграла бравурная увертюра и женский голос сообщил, что они прибывают на станцию «Ни-зами».

– Моя остановка, жалко, поговорили бы еще... – сказал мужчина, начиная протискиваться к выходу. – Но ничего, встретимся еще! Мовсюму передай, пусть больше орехов грызет, чтобы кошкам было что на зуб положить...

Не соображая, что делает, Искендер привстал с места и, следуя за четками, как привязанный, покорно двинулся за неприятным гражданином. Хорошо, мишоппа успел ухватить его за шиворот.

– Куда! Ума лишился?

– Фу! – растерянно выдохнул Искендер. – Четки...

– Никогда не гляди на четки в чужих руках, уведут за собой, и пикнуть не успеешь.

– Кто он, Абабиль? Объясни, будь человеком...!

– Я человеком быть не могу, потому что я есть законный мишоппа. Не Вахаб какой-нибудь, мишоппа в законе, – важно заявил Абабиль.

– Он кто?

Мишоппа задумался. Тем временем двери вагона опять закрылись, поезд стал набирать скорость, в окне мелькнул ухмыляющийся череп с выцветшими глазами.

– Скажу так: если где встретишь, лучше переходи на другую сторону улицы, понял? А не получится – беги и не оглядывайся. Больше тебе знать не надо. Много будешь знать, облысеешь, как я, раньше времени...

Сделав пересадку, доехали они до конечной станции и вышли из большой стеклянной пирамиды у крепостной стены.

– Б-р-р-р...! Жуть! Сначала нужно продуть легкие как следует... – Встав в сторонке от входа в метро, Абабиль принялся шумно прокашливаться и стучать себя кулаком по груди. Судя по цвету ушей, он уже не злился.

– После метро, брат, всегда так делай. Если весь подземный воздух из легких не выдавишь, он там на дне застоится, забродит, и все – туберкулез!

– Да ладно, – пожал плечами Искендер, – миллион человек в метро ездят, и ничего.

– Правильно, ездят, но зараза эта не сразу проявляется. Со временем только! Сначала просто покашливаешь, ни о чем не догадываешься, а внутри уже такое творится, прямо туберкулезный мох в тебе растет. Когда, наконец, к доктору попадаешь – поздно. Получай, брат мишоппа, первоклассный туберкулез! Сам подумай, кому под землей хорошо? Только червям и покойникам.

Через крепостные ворота вошли они в старый город.

– ...в Индии, например, покойники согласны на костер лезть, лишь бы в землю не ложиться. Ты на наших не смотри, мы в этом деле сильно отстали. Нашим обязательно урвать чего-нибудь, местечко хоть и на кладбище, а свое, собственное. Еще и оградку поставят вокруг. А индусы грязь разводить не любят.

– Да у них там этой грязи...

– Я же говорю, спорить любишь, – стал горячиться мишоппа, – вначале думай, потом говори! Грязь у них много из-за обезьян и слонов! Бегают везде, гадят, где палом, провода обрывают, народ на базарах топчут, трогать их нельзя, законом запрещено. Штрафы...

– Абабиль, – оборвал его на полуслове Искендер, – а дворец, он какой из себя?

– Дворец...? – мишоппа оглянулся на нарисованную морду тигра на стене у входа в антикварную лавку. – Как тебе сказать, дворец как дворец. Каменный весь. Старый.

– И там, что, колодец с молоком?

– Тише ты! Туристов вокруг полно. Сам сейчас увидишь. Недалеко тут.

– А молоко коровье?

– Молоко-то? Кто его знает...! Я как-то не думал даже. Но точно не коровье. Надо будет у Агоппы выяснить. Говорят, сладковатое. Может, птичье какое-нибудь... Да что ты пристал, на месте разберемся.

Петляли они по улицам старого города, следуя за рогатым месяцем, который не становился ближе, а только крутился по темному небосводу вместе с россыпью звезд напротив его заостренных рогов, еще довольно долго. Наконец, вышли они на маленькую мощеную площадь перед музейным комплексом Ширваншахов. Месяц теперь оказался аккуратно насаженным прямо на верхушку минарета. В этот час площадь была безлюдной.

– Вот и дворец! – сообщил мишоппа так, как будто сам его строил.

– Этот? – воскликнул разочарованно Искендер. – Это ж музей...! Я думал, настоящий дворец...

– Глупости ты говоришь, братец! Другого дворца здесь нет. Все остальные так, ненастоящие. Подделка, «маде-ин-чина», как кроссовки твои. А это оригинал. Фирменная вещь! Хоть курятником его обзови, хоть музеем, а все равно дворец. Понял?

Прав был, наверное, мишоппа: если и существует в этом городе колодец с молоком, то где ему еще быть, как не здесь. Прошли они мимо фонарей через каменный мост, подошли к резным воротам музея в массивной арке, Абабиль опасно оглянулся по сторонам, а потом, засунув по два пальца обеих рук в рот, засвистел каким-то необычным сложным манером: вышла у него самая настоящая птичья трель. В ответ ни звука, лишь обрывками доносится издали музыка да тихо поскрипывают старые деревья за оградой. Высвободил Абабиль даже уши из-под шапочки.

– Спит, что ли, ослиный сын?

Свистнул мишоппа еще раз. Но ответили ему только с четвертой попытки таким же заковыристым мудреным свистом, только с вопросительной интонацией. А дальше стали они пересвистываться между собой. Звучало это приблизительно так:

– Фьют-фьют-фьют-фью?

– Фью-фью-фьити-фью-фьют-фьют...

Ну и так далее. Всего не упомнишь, да и свиста этого, кроме них, все равно никто не разбирает.

– Все, договорился! – весело сообщил мишоппа, закончив пересвистываться. – Сейчас откроет. Агоппа – парень душевный, но очень уж упрямый. Сам понимаешь, ишак он и есть ишак.

– Как это ишак? – недоверчиво спросил Искендер.

– Ну, ишак, обыкновенный ишак. Таким уродился. Генетика, брат. Только он водяной.

– Водяной ишак – это как? Издеваешься?

Абабиль покачал головой:

– Когда это я над тобой издевался...? Правду говорю – не веришь, в спор лезешь. Как это не бывает? Очень даже бывает! Что, никогда не слышал про водяную собаку...? Или водяного льва, водяного козла? А этот – водяной ишак! Что зубы скалишь? Ничего смешного, между прочим...! У каждого своя судьба. Один мишоппой рождается, другой – дураком. Веди себя прилично, а то не видать нам молока. И главное, не вздумай его ишаком называть, обидится на всю жизнь. Не смейся, говорю...!

– Водяной ишак... – не унимался Искендер, – во дворце живет...!

– Да кто его, ишака, во дворце жить оставит? Где такое видано? – возмутился мишоппа. – Его не в каждый хлев пускают. На Шихово, около рыбного ресторана он живет. Чтобы поближе к воде. Я же говорю – водяной! А здесь просто сторожем работает. Это дядя его пристроил.

– Тоже ишак...?

– Тише, услышит! Совсем ума нету... Конечно! Дядька у него ишак, и еще какой! Самый настоящий! Матерый. Таких еще поискать! Признавать никого не хочет, нос воротит. Потому, видите ли, что он ишак при должности! Целый академик! Выучился на нашу голову. Водяной, а сам даже не моется. Ага...! Это с тех пор, как собака его в Новхане на пляже покусала. Воды теперь, как огня, боится. Водобоязнь у него образовалась. Хроническая. Но, уж поверь на слово, ишак все еще тот! Тьфу! Говорить даже про него не хочу... Да где он там застрял?

Как раз в этот момент громко лязгнул металлический засов на воротах. Мишоппа шикнул на Искендера, и тот, как ни распирало его от смеха, попытался придать лицу серьезное выражение. Створка ворот слегка приоткрылась, и наружу, к разочарованию Искендера, высунулась никак не ослиная, а самая обыкновенная кудрявая голова мужчины с крупными навывкате глазами.

– С кем это ты? – спросил он высоким грудным голосом.

– Все свои, Агоппа! Это племянник мой – тетки Моминат внук. Прислали на воспитание. Из наших краев гостинцев привез. А я думаю, праздник, навещу-ка я Агоппу, гостинцами поделюсь, а заодно с племянником познакомлю...Вон, целый мешок притащили, – показал он на рюкзак на спине Искендера. – Мы хоть и не родня с тобой по крови, но из одного теста замешены. А город большой, страшный, мало ли что со мной может случиться! Нападет какая-нибудь зараза, и все, нет Абабиля, одни копыта и косточки остались. А ты и поможешь в трудную минуту. Можно советом... Хороший совет много стоит! За хороший совет и сто манатов не жалко!

Пока мишоппа говорил елейным голосом, Агоппа только слушал, часто хлопая ресницами, которые были у него необычайно пушистые, длинные, почти дамские, так что казалось, будто вместо глаз у него на лице хлопают крыльями два огромных мотылька.

– Ладно, – не слишком охотно вздохнул человек-осел, открывая шире створку ворот, – заходите, раз уж пришли. А вообще-то, Абабиль, тебя никакая зараза не возьмет, ты нас еще всех переживешь...

– Что ты, что ты, братец! Это только так кажется, весь больной насквозь!

Прошли они во двор. Агоппа, заперев ворота, повел их сразу налево между какой-то приземистой остроконечной башней и самим дворцом. И хотя кругом было много фонарей и сами здания были красиво подсвечены, Искендер немного оробел. Еще бы, видел он, конечно, все это и раньше, но на фотографиях и при солнечном свете. А ты попробуй погулять по нежилому дворцу, когда отовсюду из-за витых решеток на тебя глядят темные стрелчатые окна, когда в каждой каменной завитушке, в каждом углу и за каждым поворотом в узком дворике, словно мухи, роятся таинственные тени, а в руинах овдана недобро ухаает сова (уж не та ли самая, что так напугала славного Гюльхоша Мамедовича?). Молодой месяц, который за стенами дворца выглядел веселой запятой над городскими крышами, здесь, насаженный на острие минарета, висит огромным светящимся серпом. И так близко, что кажется, приставь пожарную лестницу, и можно уцепиться за один из его рогов.

– Ты уж извини, что в бане принимаю, гостей никак не ожидал. – Обернулся водяной ишак к Абабилю. – Сегодня сам знаешь, какой день, поближе к воде нужно быть.

– Да что ты, дорогой! В самый раз...! Не обращай внимания, занимайся своими делами, мы ненадолго, только гостинцы передать и домой.

Обращаясь к Агоппе, мишоппа почему-то все время лебезил, заглядывал лгливо ему в глаза и поддакивал, хотя человек-осел совсем не выглядел ни опасным, ни даже надменным. Правда, говорил он с Абабилем, пожалуй, излишне суховато, без сердечности, но и только. Правда и то, что Агоппа действительно чем-то напоминал осла. По крайней мере, походка у него была точно ослиная. Да и одет он был очень уж странно для сторожа в музее: были на нем обтягивающие брюки с отливом, из которых вовсю выпирал его огромный, прямо-таки ослиный зад, а поверх желтой водолазки на узкие плечи был накинута велюровый пиджак с крупной брошью на лацкане.

– Наверное, скучно одному тут сидеть? Все, кому ни лень, празднуют, а ты один-одинешенек среди этих дурацких камней...

– Чего мне скучать? Телефон есть, слушаю модную музыку.

– Конечно! Конечно! Музыка сейчас очень хорошая стала, не то, что раньше! А ты сам как же? Не записал ничего нового? Такой у него голос...! – пихнул мишоппа локтем Искендера. – Соловьи от стыдадохнут!

– Скажешь тоже! – опять обернувшись к мишоппе, жеманно хлопнул Агоппа пушистыми ресницами. – Обычный голос.

– Не наговаривай на себя, дорогой! Я привык правду говорить: ты же великий талант, чего тут скромничать...!

Даже в темноте стало видно, как гладкие щеки человека-осла зарделись от удовольствия.

Прошли они, между тем, через резной портал, поднялись на несколько ступеней вверх на залитую лунным светом площадку, откуда показались руины ханской бани. О том, что баня была ханская, Искендер, конечно, не знал, да и на баню это не очень походило: полуразрушенные, словно обгрызанные стены, темные ниши без дверей, остатки плоской крыши в одном углу. На площадке стоят пляжный шезлонг с перекинутым через него махровым полотенцем и большой красный таз с водой.

– Ты уж извини, стульев у меня нет, – сказал Агоппа, присаживаясь в шезлонг. Протестуя, Абабиль замахал руками:

– Что ты, что ты, дорогой! Мы привычные, так, на корточках посидим! – вообще-то усаживаться на единственный стул, когда принимаешь гостей, пусть даже и незваных, показалось Искендеру крайней невоспитанностью, а с другой стороны – чего еще ожидать от ишака, пусть и водяного! Водяной или сухопутный – ишак есть ишак. Стал он оглядываться, где бы примоститься. Сидеть на корточках, раскорячившись, как какая-нибудь птица на ветке, Искендер не любил. Однако устав таскаться с тяжелым рюкзаком на плечах, теперь был рад хотя бы такой передышке.

Агоппа аккуратно снял белые туфли с пряжкой. Под ними оказались такие же желтые, как его водолазка, носки, которые он тоже стянул, после чего с видимым наслаждением опустил короткие, похожие на копыта ноги в таз, от которого поднялся горячий пар.

– Можете тоже попариться, приглашаю! – как у всех жвачных, передние резцы у Агоппы были мощные. – Знаешь, что у меня тут? Омолаживающий коктейль: свежие водоросли, розовая вода, кардамон, щепотка корицы, утиное яйцо для связок и молодой камыш с гидростанции...

Загигал он пухлые пальцы.

– ...в интернете говорят, через ноги лучше всего усваивается. Очищает печень, волосы делает шелковистыми...

– Ах, ах, ах! – воскликнул мишоппа. – Какая красота! Жалко, что я ноги сегодня уже и мыл, и парил по-всякому! Если бы знал заранее...

– Как хотите, – поелозил копытами в тазу Агоппа. – Мне больше достанется. А что за подарки? Ты же знаешь, как я люблю подарки!

Мишоппа подвинул к себе рюкзак, выложил из него две связки чеснока, при виде которых Агоппа удивленно вскинул бровь, а следом достал туго набитый холщовый мешочек.

– Вот! – сказал он, протягивая его водяному ишаку. – За столько километров везли! Только понюхай...! До конца жизни благодарить будешь!

Распустив узел мешка, Агоппа принюхался и восхищенно поцокал языком:

– Ох...! Прямо медом пахнет! Правду говоришь, только в наших краях такое найдешь!

– И без всякой химии! На чистом говне...С правого берега, между прочим. Хотели с левого подсунуть, но я им сразу сказал: для моего друга только лучшее!

– С правого? – мечтательно протянул Агоппа, закатывая глаза. – Ах, Абабиль, знаешь ты, чем согреть одинокую душу!

– Знаю, дорогой друг! – кивнул мишоппа, но глаза у него при этом, как заметил Искендер в косом свете фонаря, были донельзя хитрые и довольные. Что же это такого, спрашивается, впарил он ишаку, что тот на глазах прямо разомлел от удовольствия? С правого берега чего...?

– Мы с тобой одной веревкой повязаны, брат Агоппа, из одной реки воду для самовара набирали. А как здоровье твое? Ничего не беспокоит? – в голосе Абабиля неожиданно зазвучали тревожные нотки. Человек-осел погрустнел. Взмахнув пушистыми ресницами, глубоко вздохнул и потупился.

- Ешь, надеюсь, хорошо?
- Ем хорошо, – опять невесело вздохнул Агоппа.
- Сон как?
- Сплю крепко.
- Может, – подозрительно прищурился мишоппа, – думаешь много? Ты не стесняйся, говори, как есть! Меня твое здоровье, брат, очень беспокоит!
- Да что ты, Абабиль, не думаю я совсем! – почти испуганно воскликнул осел.
- Чего мне зря думать! От мыслей, говорят, морщины появляются.
- Вот и правильно, брат. От мыслей не только морщины, но и понос случиться может. – Он задумчиво почесал лоб. – Ты пойми, я ведь не просто спрашиваю. Не из глупого любопытства, ты же знаешь, как я к тебе отношусь! Просто тут слух прошел...
- Какой? – не поднимая глаз, с придыханием спросил Агоппа.
- Какой...? Неужели правда? Ай, ай, ай...! – вдруг вскочил с места мишоппа и завертелся юлой. – Лучше бы я не слышал этого...! Лучше бы я в детстве умер! Беда! Беда! Такой голос посадил...! Неужели совсем...?
- Да нет, сейчас уже лучше, только верхняя октава западает, и когда исполняю бельканто...
- Не дослушав, мишоппа так треснул себя по лысине, что по руинам ханской бани пробежало звучное эхо.
- Лучше бы я сам голос навсегда потерял...! Онемел до конца жизни... Лучше бы я всех пальцев лишил, чем такое услышать...! Как же это?! Я все надеялся, что врут завистники проклятые... Думал, болтовня, наши соврут – недорого возьмут! А вот, оказывается, – правда! Бельканто испортили! – Абабиль швырнул шапочку себе под ноги. – Сглазили, мерзавцы! Точно сглазили, гады!
- Жена дяди то же самое говорит.
- Правильно говорит! Близкие люди сердцем чувствуют. Сглазили тебя, дорогой мой Агоппа, сил смотреть нет! Ты даже как будто с лица спал. Вот ведь народ подлый! Ну, еще бы – такой красавец! Все при тебе! Такой талант! Они, небось, ядом изошли. Да на тебя, когда первый клип, наконец, снимешь, – весь город молиться будет! Все свадьбы твои будут. Ах, какое горе... – Абабиль зачерпнул со ступенек горсть палых листьев вперемешку с мусором и немедленно посыпал этим голову.
- Да не убивайся ты так, Абабиль, мне уже лучше. Я же говорю, только верхняя октава пока не дается, и бельканто...
- Сглаз надо снять! Сглаз! Не соображаешь? Если его не снять, будет только хуже! Погубишь себя...
- Да я вот уже... – Агоппа откинул ворот куртки и показал торчащую из внутреннего кармана синюю веточку могильника. – Колючка... и соль все время в кармане ношу... Думал, подковы набить, но в них в метро неудобно, цокают очень...
- Мало! Мало! Какие, на фиг, подковы! Дедовские методы. Пользы от них на два маната.
- ...еще горло фурацилином полоскаю...утренней мочой брызгаюсь...
- Мало! Мало! Даже если стаканам ее хлебать будешь, не поможет! Неужели не понимаешь? Глаз особо ядовитый, в самое нежное твое место попал, в октавы! Не хотят, понимаешь, они, чтобы ты нас песнями радовал! Бельканто выделявал. Талант им твой спать не дает. Я тебе всю правду скажу, Агоппа, можешь обижаться потом, сколько хочешь: тебе на «Евровидение» ехать надо. Чтобы тебя весь мир узнал. Представляешь, выходишь ты на сцену в «Кристалл Холле» в серебристом наряде... Ой, мамочки, прямо дух захватывает! А мерзавцы эти от зависти лопаются...! Времени до конкурса мало осталось, надо побыстрее бельканто твое починить. Тут, брат, только одно средство и поможет, сам знаешь, не хуже меня. – Мишоппа выдержал драматическую паузу
- Какое? – проблеял человек-осел, вытянув бантиком пухлые губы.

– ...молоко из колодца!

Агоппа ошарашенно вылупился на Абабиля:

– Что ты говоришь? Туда уже сто лет никто не лазил!

– Ну и что? А если бы и полезли? Чего нашли бы? Грязь и мусор! Потому и не лезут, что знают. В обычный день, конечно, там делать нечего. А сегодня какой? Спрашивается, когда еще такая возможность будет...? Сам решай, мне-то что? Но говорю тебе, пока будешь горло фурацилином полоскать, на «Евровидение» вместо тебя опять какую-нибудь финтифлюшку пошлют!

От этих слов Агоппа часто задышал, раздувая по-лошадиному ноздри, и принялся беспокойно ерзать задом в шезлонге.

– Ну, как же туда лезть! – заламывая руки, воскликнул он. – Это же какой ужас! Это же просто сердце на куски разорвется! Нет, нет, невозможно это...! Не смогу...! Да и не пролезу я, Абабиль! Посмотри на меня! Я еще тут немного по бокам прибавил... все из-за стресса этого... – ткнул Агоппа пальцами в жирные бедра, а потом вскочил с места и, расплескивая воду с водорослями, затопал ногами в тазу: – Нет, нет! Даже не уговаривай! – отчаянно взревел он на всю ханскую баню. – Не полезу я туда! Ни за что! Больше ты меня не обманешь, Абабиль! Больше я тебе никогда не поверю! Ищи другого дурака! Все...!

– Да что ты, дорогой? Когда это я тебя обманывал? – невозмутимо развел руками мишоппа. – Нехорошо, братец, наговаривать на бедного мишоппу.

– Вся жизнь только и делаешь, что обманываешь! – продолжал реветь в голос Агоппа. – Думаешь, я забыл? Кто меня в зоопарк хотел продать? Не ты?

– Ну, это ты совсем зря! Во-первых, не в зоопарк, а в престижный аквапарк в Новхане. Туда, между прочим, не всякого пускают. Во-вторых, – что значит «продать»? Серьезные люди к тебе со всем уважением, хотели долгосрочный контракт предложить. Ты же артист, в конце концов! Трудно тебе было русалкой побыть? Данные у тебя подходящие, вода – дом родной. Подумаешь, поплавал бы в аквариуме с рыбами за стеклом... Такой красивый купальник пошили, синий, блестящий, с чешуей. Тебе же самому понравилось.

– Да? – взвизгнул Агоппа. – Вранье! Никакой это был не контракт, ты им наврал, что я Ихтиандр! Я все знаю, Абабиль. Они бы там меня вечно держали.

– Ну, не преувеличивай, Агоппа!

– А Набрань?

– Совсем другая история...

– Какая история? Какая история...обещал спасателем в эмчээс устроить, деньги взял, а вместо этого заставил лодку с туристами тянуть, всю спину исцарапал! Сколько ты тогда билетов продал? Ни маната я из тех денег не увидел! Я чуть не умер тогда... – расстроенный Агоппа плюхнулся обратно в шезлонг и стал тереть покрасневший нос. Из его больших глаз катились крупные слезы. Искендеру даже стало жалко человека-осла: вот что бывает, когда свяжешься с мишоппой!

– Правильно тетя говорит, – всхлипнул Агоппа, отвернувшись, – мишоппам ни в чем доверять нельзя.

– Эх, не был бы ты таким великим талантом, Агоппа, обиделся бы на тебя на смерть. Ты, дорогой, успокойся и послушай, что я говорю, древесный человек дурного не посоветует: тут все чисто, если я в чем-то перед тобой и виноват – искуплю, сам увидишь! Тебе молока из колодца добудем, будут твои октавы как новенькие! Слово мишоппы! – Абабиль ударил себя кулаком в грудь. – И лезть тебе куда не надо. Смешно даже, с такой... выдающейся комплекцией ты там точно не пролезешь. Я потом себе никогда не прощу. А племянник зачем? Искендер? Этот любую стену башкой прошибет! Она у него деревянная, как у тети Моминат. И ничего не боится, юркий, как сопля...

Человек-осел, продолжая горько всхлипывать, косо посмотрел на Искендера.

– Поднимись, поднимись, покажи Агоппе, какой ты спортсмен! Расправь плечи!
– Искендер нехотя поднялся. – Красавец! Не смотри, что щупленький – пояс по каратэ, у него медалей больше, чем у меня на штанах пуговиц!

– Прямо не знаю я. Ты прямо провокатор какой-то. А жабы он не боится?

– Не жаба это. Скорее уж, змея. Во всяком случае, я так слышал. Ну и что она ему сделает? Она против него – тьфу! – подмигнул он Искендеру, которому, к слову сказать, в этот момент стало страшновато. Что еще этот мишоппа придумал? Какая змея? Сказано же было, просто набрать молока из колодца, а выходит так, что в колодец еще и лезть придется? Неужели одному? По спине холодные мурашки побежали, захотелось ему поскорее из этих пугающих руин на свет выбраться, туда, где люди, машины, домой, к телевизору, но, как только подумал он о доме, вспомнил, зачем с мишоппой связался. Тут уж обратной дороги нет.

– Нечего раздумывать, вставай, друг Агоппа, вставай! Будь хозяином своей судьбы, такая возможность подвернулась. Пойдем и все по-быстрому закончим, Вторник-то не резиновый, скоро поздно станет.

– Ой, не нравится мне все это! – трагично вздохнул человек-осел. – Страх такой...

– Будь мужчиной! – хитро подмигнул ему мишоппа.

...Двинулись они обратно той же дорогой, что и пришли, но от ханской мечети повернули налево ко дворцу, обошли его и оказались у Диван-ханá. На всякий случай, если кто не знает, как, например, Искендер: Диван-ханá – это такая красивая ротонда с колоннами. Стоит она посередине мощеного двора, окруженного со всех сторон стенами. Сходите сами, посмотрите.

Шли они молча, и даже обычно говорливый мишоппа не сказал ни слова. Только человек-осел вздыхал время от времени и свистел носом, да еще где-то рядом опять напомнила о себе сова из микрорайона (а может, и другая какая-нибудь, дворцовая, например, может, ее специально там держат, чтобы туристам нагляднее было, что перед ними самые настоящие руины), отчего противные мурашки, ползущие по спине Искендера, сделались злее и колючее. Впрочем, страшно было, наверное, не только ему одному. За колоннами Диван-ханá закрытые двери, а вокруг свободно гуляют сырые сквозняки. Поди знай, кто там за этими дверьми по ночам из склепа выбравается!

Но в ротонду они не пошли, а встали полукругом у железной решетки прямо в мощеном полу дворика. Решетка была какой-то неправильной формы и, если приглядеться, напоминала угловатый силуэт лошадиной головы с куском шеи. А может, ослиной. Агоппа, зябко обнимая сам себя за плечи, поднял на Искендера свои крупные, опущенные ресницами глаза и сказал неожиданно очень серьезно, на этот раз без всякого жеманства:

– Если боишься, лучше не лезь.

– Чего там бояться... – неуверенно запротестовал было мишоппа, но тут же осекся и вслед за Агоппой уставился вопросительно на Искендера.

Что ему надо было ответить? Что при одной только мысли о темном древнем колодце у него от страха подкашиваются ноги? Что ни за какие блага на свете он не хочет лезть туда? И что потом? Вернуться домой с пустыми руками? Беспомощно ждать, пока заклятье гадалки сделает свое черное дело...? От волнения на глазах Искендера даже выступили слезы. Незаметные (надеюсь). Ну, может, это от волнения или от этих сырых сквозняков во дворе Диван-ханá. Наконец, он прошептал почти уверенно:

– Не боюсь.

– И правильно! – воскликнул Абабиль с облегчением, хлопая его по плечу. – Нечего там бояться, братец! Просто старый вонючий колодец. Дырка в земле. Давай, Агоппа, тащи свои крючки...!

Водяной ишак вздохнул и куда-то ушел, виляя задом в блестящих штанах, а мишоппа стащил со спины Искендера рюкзак, стал помогать ему снять куртку.

– Слушай внимательно, запоминай: дело ерундовое, но делать все надо быстро и точно по инструкции. Как спустишься вниз, осмотришься. Там ничего хорошего, конечно, нет, но в принципе должно быть сухо. А это лучше, чем со всякой слизью возиться. Весь прикол, что колодец этот высох давно. Даже те, кто в музее работает, точно не скажут, когда Жила молочная взяла и истощилась, вот он сто лет и стоит, никому не нужный. Я тебе дам фонарик. Походи, отдышись, потом найдешь в стене камень: он там один такой, круглый. Из кладки торчит, как пробка из бутылки. Не пропустишь. Все остальные крупные, кривые и косые, а этот размером с яблоко и круглый. А под ним, между полом и стеной, будет трещина, солидная такая, мишоппа Гюльмяшякяр говорил, что пальца в два толщиной. Значит, твоих три будет. У Гюльмяшякяра каждый палец, как огурец. Вот, значит, рядом с этой трещиной положишь...

Мишоппа полез в рюкзак, долго возился и, вытащив оттуда литровую банку, показал ее Искендеру. В темноте было похоже на то, что банка доверху набита какими-то сухими веточками.

– А что это?

Выставив руку, Абабиль тряхнул банку, веточки внутри тотчас ожили, пришли в хаотическое движение и замерцали зелеными огоньками.

– Светляки с Карагача. Просто крышку откроешь и отойдешь в сторону... Нашел...? – обернулся он на звуки шагов Агоппы. Человек-осел молча подошел к ним и положил рядом с рюкзаком два железных крюка с деревянными ручками. Мишоппа удовлетворенно кивнул и снова повернулся к Искендеру: – Запомнил? Крышку открыл, а сам подальше встань.

– Змея из трещины вылезет! Гадость такая, брр...! – передернул плечами Агоппа, в свете луны сверкнули красные камушки в красивой броши на лацкане его пиджака.

– Да что ты заладил «змея, змея», не змея эта совсем! – отмахнулся от него мишоппа. – А фиг его знает, что! Одни говорят, ящерица, Гюльмяшякяр говорил – жаба с хвостом. Короче, гадость. Но маленькая совсем. Сам подумай, трещина-то всего в два пальца толщиной! Что там может поместиться? А змеей называют, потому что хвост у нее длинный, вроде змеиный.

– Метр! – вставил Агоппа.

Абабиль недовольно покачал головой:

– Гюльмяшякяр сказал, на глаз меньше аршина. А аршин это у нас сколько? 70 сантиметров. Все понятно? Да и какая разница-то, просто ящерица с длинным хвостом, все дела! Ты, главное, ее не бойся. Она больше противная, чем опасная. Даже если шипеть будет, не ядовитая. Не бойся ее. Она ведь так, для страха поставлена. Чтобы всякие не лезли. Сидит на молочной жиле, не дает молоку в колодец натечь. Сама все высасывает и сметаной гадит. И молока-то – смех один! Жила старая, считай, высохла. За тысячу лет все выкачали, халявщики! Ведрами и тазами черпали, пока не истожили совсем! Теперь только капает немного...

– Сегодня побольше должно быть. Водяной Вторник же... – добавил важно Агоппа.

– Да нам сколько-нибудь набрать. Я же рассказываю, последним здесь Гюльмяшякяр лазил, до того, как за Аракс на ярмарку ушел и сгинул. При нем по колено только и натекло. Так это сто лет назад было! Сейчас, думаю, даже меньше будет. Только кроссовки свои и намочишь. В общем, пока жаба будет за светляками гоняться, ты молоко набирай. Светляки с Карагача для них, как для нас долма. Лакомство. За целый век поди изголодалась, зараза...! Не торопись, набирай себе, когда струя чистая пойдет... Ну, брат, надевай рюкзак. Там, значит, у тебя банка со светлячками и бутылка из-под тархуна с крышкой – в нее и наберешь. Фонарь в руках держи... Да не урони! Как закончишь, крикни, мы тебя вытащим. Я же говорил: дело простое, из банкомата пенсию забрать, и то больше ума надо.

– А веревку ты принес? – заволновался Агоппа.

– А как же! – усмехнулся Абабиль. – Кто же теперь в гости без хорошей веревки ходит?

Подцепив решетку с двух сторон крючками, мишоппа и человек-осел не без труда приподняли и сдвинули ее в сторону. Из открывшегося в каменных плитах черного провала потянуло запахом сырости. В круглом свете фонаря увидел Искендер полустертые от времени ступени, которые уходили полукругом вниз и дальше терялись в непроницаемой темноте. Без куртки его стало знобить. Подойдя к провалу, Агоппа присел на корточки и замер на секунду, оттопырив уши ладонями.

– Ага! – сказал он, наконец. – Приливает, кажется.

– Что? – шепотом спросил Искендер

– Молоко приливает, – объяснил мишоппа. – Жила подземная набухла. Значит, не зря пришли.

Первым спустился Абабиль. Выхватывая фонариком из темноты куски каменной кладки, быстро исчез он где-то в полумраке, из-под земли послышалось его приглушенное чертыханье. Следом пошел Искендер с рюкзаком на спине. Идти уже было не так страшно – провал тускло светился, доносилась возня Абабиля. Нащупав ногой верхнюю ступень, присыпанную пылью и каменной крошкой, стал он осторожно спускаться, и вскоре оказался в небольшой сводчатой комнатке, в конце которой его уже ждал улыбающийся мишоппа.

– Хорошо, хоть не воняет! А то я все боялся, что будет, как у Афлатуна дома. Чего же, спрашивается, тогда он, сукин сын, так воняет...?

– Ой, мамочки, не говори здесь про хортданов! – послышался за спиной дрожащий голос Агоппы. – У меня от страха прямо копчик ныть начинает!

– За мной! – скомандовал мишоппа и полез дальше еще в какую-то дыру в самом конце комнаты. В этой дыре тоже были ступени, и вели они в следующую подземную камеру, гораздо меньше первой и с еще более низкими сводами, так что рослому Агоппе пришлось нагибаться. Здесь и находился молочный колодец.

Искендер протиснулся мимо мишоппы к синей металлической решетке, окружающей вход в колодец, заглянул в него: свет фонарика высветил лишь верхнюю часть, а дальше безнадежно тонул в непроницаемой черноте, которая словно дышала ему в лицо гнилостной влагой. И на мгновение ему и вправду показалось, что это не колодец вовсе, а раскрытая пасть земли с кривыми каменными зубами, готовая вот-вот заглотить его. Продолжая мелко дрожать, он невольно отступил на шаг назад. И тут мишоппа положил ему руку на плечо:

– Помнишь, зачем мы сюда пришли? Другого шанса не будет, братец...

– Помню, – шепотом ответил Искендер. Может, и не шепотом, но в этом подземном мешке все звуки почти мгновенно угасали, и было только явственно слышно жуткое дыхание колодца.

– Абабиль, Абабиль...не надо... – заверещал Агоппа. – Плевать на это молоко, умоляю тебя, я фурацилином полечусь, все пройдет!

Мишоппа строго посмотрел на него:

– Нет, друг мой, если мишоппа слово дал – обратной дороги нет. Добудем тебе лекарство. Лучше помогай давай...!

Сказал и скинул с плеча большой моток веревки.

А дальше? Обвязали они Искендера по пояс, затащили покрепче узлами, похлопал его мишоппа по плечу, а Агоппа, хлопая намокшими от слез ресницами, еще и обнял, и полез Искендер через решетку прямо в земляную пасть, стараясь ни о чем не думать, только об инструкциях мишоппы. И правильно, между прочим, сделал, если в такой момент много рассуждать, страх только сильнее станет, и не то, что в древний колодец лезть, из комнаты в коридор не выйдешь.

– Подожди, подожди...! – бросился к нему в последний момент человек-осел.

Снял он с лацкана брошь и приколот ее к свитеру Искендера. – Это на удачу, потом вернешь...

Это, конечно, было чересчур, но, когда отправляешься в колодец воевать со змеей, удачи много не бывает.

Посветил Искендер вниз, перекинул ногу через край решетки и повис на веревке над черной бездной.

...Сантиметр за сантиметром начал опускаться Искендер вдоль замшелых стен. Иногда только поднимал он голову поглядеть над собой на покрасневшие лица Абабиля и Агоппы, которые медленно, с кряхтением, травили веревку, а потом опять смотрел вниз, как свет фонарика под его кроссовками расслаивает плотный мрак. Было страшно до тошноты. Все казалось ему, вот-вот что-то выскочит навстречу, что-то жуткое, невообразимое, и сердце просто лопнет в груди. Но шли минуты, лица Абабиля и Агоппы становились все дальше, все натужнее скрипела покачивающаяся веревка, а темнота лишь монотонно расходилась у него под ногами. Сколько же метров в этом проклятом колодце? Чем дальше вниз, тем сильнее его гнилостное дыхание.

Искендеру казалось, что спускается он целую вечность. Несколько часов, а может, дней, сколько именно длилась эта вечность, определить было невозможно. Ведь как ни крути, а время в каждом приличном колодце должно течь как-то иначе, тем более в таком глубоком...

...и только когда лица наверху стали уже совсем неразличимы, а светящийся выход из колодца сузился до размера монеты, свет фонаря выгрыз, наконец, из мрака дно!

Как и предупредил мишоппа, внизу оказалось почти сухо. Только по углам кладка под белеющими наростами плесени была заметно влажная.

Как только Искендер коснулся ногами пола, он задрал голову и крикнул, словно в трубу:

– На месте! – звуки его голоса, отскакивая от стен, как теннисные мячики, по спирали унеслись вверх. Но, по мере того, как поднимались они выше, они постепенно теряли свою упругость и силу. То, что слышали Абабиль и Агоппа, был лишь искаженный шепот из темноты, будто с ними говорил не Искендер, а сам колодец. И также шепотом до него донесли их ответные слова (кто именно говорил, было невозможно определить):

– ...живой...здоровый...?

– Да! – ответил он из глубины этого каменного мешка.

Здесь не хватало воздуха, а тот, что был, пах гнилостно и был ужасно густым, так что Искендеру приходилось дышать открытым ртом. Агоппа и Абабиль продолжали травить веревку у него за спиной, и она ложилась на дно колодца широкими кольцами. Теперь это была его единственная связь с миром, не самая надежная, надо сказать, особенно если видишь, как она исчезает над головой во мраке. Он осторожно сделал первый шаг, стараясь ступать как можно осторожнее. В свете фонаря хаотично кружилась пыль, похожая то ли на рой насекомых, то ли на взвесь, какую можно увидеть, когда, нырнув под воду, открываешь глаза, да и вообще было ощущение, что ходит он по дну моря.

– ...веревки достаточно? – шепнули ему опять сверху.

Искендер дошел до стены – веревка свободно тянулась за ним, давая возможность беспрепятственно перемещаться по всему периметру колодца.

– Нормально!

– ...ищи круглый камень... пробка...как пробка...

Помня о том, что круглый камень должен торчать из стены где-то ближе ко дну колодца, Искендер наклонился и стал двигаться по кругу, и вскоре действительно наткнулся на почти круглый камень, заметно выступавший из замшелой кладки.

С волнением перевел он свет фонаря вниз и увидел ту самую трещину между стеной и полом. Была это даже не трещина, а просто не заполненный ничем разрыв в кладке. Ладони Искендера вспотели от волнения. Здесь на глубине было невыносимо душно.

– ...трещину...ищи трещину...под круглым камнем... – шептала ему темнота сверху.

– Нашел!

Стараясь не подходить слишком близко, он стащил со спины рюкзак, трясущимися руками достал из нее банку и точно, как Абабиль, потряхнул ее. Ожившие насекомые замерцали яркими огоньками, стали возмущенно тыкаться в стеклянные стенки. Он снял крышку и, быстро положив банку набок перед трещиной, бросился к противоположной стене, не выпуская из вида дыру в дымчатом свете фонаря. Трещина крыльями, насекомые рванулись наружу, вылетая по одному и кучками, и вскоре колодец расцвел всеми оттенками зеленого: от светло-изумрудного, почти желтого, до темного – цвета листьев фикуса. Выглядело все это красиво, и в других обстоятельствах Искендер, наверное, глазел бы на все это с открытым ртом, но вместо этого он не спускал глаз с темной трещины. Прошло несколько мгновений, а может, минута. Или пять: не забывайте, время в колодце не измеряется часами. Может, ударами сердца в груди, количеством вдохов или назойливым стрекотанием крыльев. Как показалось ему, в трещине что-то промелькнуло и тут же исчезло. Что именно, он не успел рассмотреть, но весь напрягся, отступил назад еще, пока не уперся спиной в стену, и тут в черном разрыве отчетливо показался золотистый змеиный глаз в обрамлении молочно-белых чешуек. Глаз был выпуклый, будто стеклянный. Он обвел колодец неподвижным взглядом и снова исчез, а из трещины наружу пружиной выскочил тонкий, раздвоенный на конце язычок, напоминающий собой цепкие усики Карагача, и на лету выхватил из роя светящихся насекомых одного, подлетевшего к своему несчастью слишком близко. Светлячки перепуганно сбились в плотную кучу, стали кружить вдоль стен, пронеслись, мигая зелеными огоньками мимо Искендера, а ящерица тем временем уже выползла из своего убежища.

– ...гадина...? – шепнул колодец. – ...вылезла...гадина? ...молоко прибывает...?

(Скорее, уж все-таки ящерица, чем жаба. Хотя точно определить сложно. Голова торчит на тонкой шее, как у ящерицы, а пузико жабы. Ну, будем считать для удобства, что это была ящерица). Размером она оказалась, может, чуть больше башмака, вся в белесых чешуйках – от заостренной морды до когтистых лапок, лишь на шее у нее была золотистая полоска, да еще острые гребни в два ряда на спине, подкрашенные в тот же золотистый цвет. Зато хвост у нее и вправду был предлинный! Подумайте сами: гадина уже выползла на середину колодца и, щелкая челюстями, выхватывала языком проносящихся мимо светлячков, а гребенчатый хвост ее чуть ли не наполовину все еще был в трещине. И только когда, бросившись преследовать жужжащий рой, она стала метаться по дну колодца, хвост ее окончательно выполз наружу.

– ...молоко...?

– Пока нет! Не вижу...!

Странное дело, но увлеченное охотой мерзкое земноводное как будто вовсе не замечало его присутствия, словно его и не было в колодце. Однако, на всякий случай, Искендер все время перебегал от стены к стене, не давая ей подобраться близко.

Рой светлячков постепенно таял, а молока все не было: каменный пол оставался сухим. И вот когда его уже стала охватывать паника, он вдруг заметил, что кладка вокруг трещины как будто потемнела от влаги. Улучив возможность, Искендер присел рядом с ней на одно колено и направил на нее свет – так и есть! – между камнями проступала жидкость, которая, медленно набухая в молочно-белые капли, скатывалась по неровностям вниз.

– Молоко! – заорал он.

– ...молоко...! – ответил ему шепотом колодец. И тут за его стенами, в невидимых пустотах земли что-то глухо забурлило, зарокотало, словно прорвало плотину, и через мгновение из трещины, брызгая во все стороны, хлынуло густое молоко! Подхватив и закружив пустую банку, оно растеклось по всему полу, не успел он опомниться, а ноги его уже совершенно промокли, пропала из вида ящерица-жаба, и только остатки светящегося роя продолжали сиротливо кружить вдоль колодца, роняя зеленые отблески на бурлящее молочное озеро. Выхватил Искендер из рюкзака пластиковую бутылку, погрузил ее целиком в жидкость. Конечно, было страшно! Что, если гадина вцепится ему в пальцы, но он продолжал удерживать бутылку в молоке, пока она не заполнилась под завязку.

– Тащите...! Абабиль...! Тащите! – орал он, дергая веревку.

– ...набрал...?

– Все...! Набрал!

Веревка у него в руках чуть дернулась, пришла в движение и вскоре, выдергивая из молока набухшие кольца, поползла вверх.

А молоко все прибывало и прибывало. И уже плескалось выше колен. И тут у стены вынырнула угловатая морда гадины. Выстрелив языком, она выхватила сразу нескольких светлячков и, выгибая гребенчатую спину, снова нырнула в пенящееся озеро. Что-то с ней было не так! У Искендера бешено заколотилось сердце. Что...? Он не сразу сообразил, и только когда она снова показалась, с ужасом понял: чешуйчатая тварь заметно подросла! Если до этого вся она была чуть больше его башмака плюс хвост, теперь одна ее оскаленная морда с частыми, как у пилы, зубами, стала как минимум в два раза больше! Держа над поверхностью голову, доедая еще оставшихся насекомых, она уверенно нарезала широкие круги вдоль стен, и кончик ее хвоста, следуя за ней, теперь выныривал едва не у самого ее носа.

...Когда веревка, наконец, тяжело потащила его вверх, молоко стояло ему уже почти по пояс. Вцепившись в нее, он поджал ноги, продолжая светить фонариком на щелкающую челюстями гадину. Они тащат его слишком медленно! И слишком быстро прибывает молоко! Сверкая мокрой чешуей, рептилия гребет когтистыми лапами, один за другим гаснут в ее пасти последние зеленые огоньки. Вскоре он останется с ней один на один, несмотря на то, что лица Абабиля и Агоппы наверху становятся ближе, уже и голоса их доносятся различимо сквозь толщу колодезного мрака.

– Откуда столько...? – кричит мишоппа. – Что ты там включил такое...?

– Ай, мама! – верещит Агоппа.

Эти двое тянут его изо всех сил, прямо за ушами трещит! Тяжело дышат, кричат, скрипит натужно веревка, как бы не оборвалась! Под кроссовками Искендера кружится, пенясь, молоко.

– Тащите...! Тащите...! – кричит он истошно.

Слизав всех насекомых до единого, еще больше подросшая рептилия нацелила на него свои желтые глаза! То и дело щелкает она пастью прямо рядом с его поджатыми ногами.

Но вот уже показался край колодца! Осталось совсем немного. Агоппа с Абабилем поднажали разом, рывок за рывком вытягивают его прочь, расстояние между его кроссовками и все прибывающим молоком начинает быстро увеличиваться, и ящерица в неровном свете фонарика с урчанием погружается в глубину, хлопая на прощание остроконечными гребнями. Человек-осел перевешивается через край колодца, протягивает Искендеру руку.

– Хватайся, дорогой!

И в этот самый момент молочное озеро под Искендером вдруг вспучилось, заклокотало, и из него, выплескивая фонтаны тяжелых брызг, выплыла широко открытая оскаленная пасть рептилии. Прежде чем зажмуриться, он еще успел

разглядеть провал в ее мокрую глотку с жадно раздувающимися по бокам жабрами, ее ребристое небо, увидел, как ее раздвоенный язык змеей обвивается вокруг его ноги...но тут спасительная рука, ухватив за шиворот, одним мощным усилием вырвала его из пасти отвратительной гадины! Язык рептилии соскользнул с его ноги, чуть не утащив за собой кроссовку (нет, что бы ни говорил Абабиль, но, если приходится иметь дело с древними колодезными монстрами, обувь со шнуровкой все-таки надежнее!). Весь мокрый Искендер повалился на упавшего на спину Агоппу, который продолжал держать его за шиворот, а жаба-змея, сверкая чешуей и гребнями, вырвавшись на мгновение из колодца, уткнулась оскаленной мордой в сводчатый потолок и рухнула обратно, выплеснув на пол комнатки потоки молока.

Пока Абабиль, Искендер и Агоппа, спотыкаясь и мешая друг другу, выбирались по лестнице вверх, где-то под землей опять что-то пришло в движение. Раздался оглушительный хлопок, так что со стен полетели пыль и каменная крошка, и молочная пена, уже почти достигшая краев колодца, закручиваясь в воронку, начала стремительно уходить вниз...

Во дворике Диван-ханá их опять поприветствовал молодой месяц на шпигеле минарета в окружении весенних звезд. Какое же это было счастье выбраться из-под земли на обжигающий холодом, но такой бодрящий воздух! Честное слово, после всего пережитого даже уханье совы в развалинах кажется соловьиной трелью! Быстро задраив вход в подземелье решеткой, они молча развалились прямо на мощенном полу отдышаться. Промокший Искендер натянул на себя куртку.

– Да-а-а! – задумчиво сказал, наконец, Абабиль. – Как с того света вернуться.

– Чего же ты говорил, что молока будет только по колено? – ткнул его в бок Искендер.

– Кто же знал! Последним там Гюльмяшьякяр был сто лет назад...

– Да иди ты со своим Гюльмяшьякяром...! – огрызнулся Искендер.

– Столько молока, фирму можно было бы открыть, цистернами продавать!

Слышь, Агоппа, а ты молодец, вовремя его вытащил, я уж думал, все, сожрет гадина...

– Мишоппам ни в чем доверия нет! Только и знаете, обманывать и чужое белье тащить! – взвизгнул человек-осел. – Только посмотри, что с моим пиджаком сделали! Это же итальянский! Как я его теперь отмою? А брюки? Ай-ай-ай! Они же на заказ были сшиты...

Искендер отцепил от свитера брошь и протянул ее Агоппе:

– Спасибо тебе!

Приблизительно через сорок минут, распрощавшись с человеком-ослом, вышли Искендер с Абабилем за ворота и двинулись обратно к метро. Уже в вагоне метро, немного отогревшись, спросил он мишоппу:

– А чего это ты ему такое подарил, в мешочке? Все говорил «с правого берега», с правого берега чего?

– Ну, с правого или нет, тут главное, как сказать. Пусть себе думает, что с правого, он-то в этом все равно ничего не соображает, сам же видел...! Спрашиваешь, что это такое, – хитро улыбнулся Абабиль, – сам подумай, чего ишаку может быть надо? Не догадываешься...? Овса, конечно! Он хоть и водяной, но ишак же! А овес, между прочим, даже не из наших краев, вчера на базаре прикупил. Вот пусть и ест себе на здоровье, причмокивая, главное только, чтобы не пел. У него, брат, поверь мне, для этого ни голоса, ни слуха: одна большая ослиная задница, на ней только мешки таскать, а не бельканто выводить...Не его это дело, понимаешь? Если Агоппу, в натуре, на сцену выпустят – не только соловьи, мишоппы, какие еще остались, до единого передохнут...

На том Первый Вторник, считай, и закончился.

Глава десятая

Письмо

Первый закончился, а второй все никак не начинался. И хуже всего, что с каждым прошедшим днем Искендера все больше мучили нехорошие подозрения. Что если жуликоватый мишоппа больше не появится? Где его, спрашивается, найдешь? Ускакал куда-нибудь на своем сумасшедшем Карагаче, и все дела. Только пыль столбом. Его вон самая ушлая ведьма на территории от 4-го микрорайона до пограничного Аракса со всеми ее подлыми трюками и нюхачами достать не может. Вдруг эта история с молочным хлебцем обман, лишь бы заставить его лезть в этот жуткий колодец? С кого потом спрашивать? Не с Агоппы же...!

Конечно, гнал Искендер от себя эти мысли, как мог. Даже спорил сам с собой, сидя подолгу над нерешенной задачей с процентами и долями, которые все никак не хотели совпасть с ответами в конце учебника. Но подозрения, скажу вам, – такая гадость! Если уж они у вас завелись, изгрызут всего изнутри, как стая бродячих собак. Ни минуты покоя от них не будет.

Абабиль обещал связаться с ним в подходящее время. Еще и предупредил, чтобы Искендер не вздумал его сам искать. Во-первых, мол, хоть лопни, не найдешь, а, во-вторых, – не дай бог, приведешь за собой лишнюю пару глаз или чей-то острый нос. Тогда вечером после колодца показалось ему это вполне резонным. Однако теперь, чем больше думал он об этом, тем ему больше казалось, что мишоппа не появится. Не зря ведь тогда заламывал руки не раз обманутый, судя по всему, человек-осел: «Мишоппам ни в чем доверия нет...», – ну и так далее. Как же не верить этому ослу, когда он, считай, спас ему тогда жизнь?

...А если история с молочным хлебцем вранье, где взять тогда надежду? В каком колодце набрать спасения? Верного лекарства, вместо тех, что не помогают? Она уже и в больницу ездить перестала. Подслушал Искендер, как отец на кухне говорит по телефону, прикрывая трубку рукой: «...плохо...сказали, нужен перерыв...две недели между химией... слишком уж слабая...». Утром и вечером поднимается к ним Марьям-ханым колоть обезболивающее, после которого она засыпает надолго и спит так неподвижно, что становится невыносимо страшно.

В среду после обеда в сапожной будке объявился хортдан. Еще утром стояла запертая на замок, а тут вдруг, возвращаясь из школы, смотрит Искендер, дверь открыта, внутри горит свет, а за узким верстаком кто-то сидит. Подошел он осторожно справа, встал на приличном расстоянии: так и есть – Афлатун собственной персоной. Сидит, как все сапожники, полусогнувшись, на коленях, покрытых фартуком, держит остроносый полуботинок подошвой вверх и ловко вгоняет в нее молоточком гвозди. На носу у него те самые очки, на ногах те самые латаные башмаки, а из нагрудного кармана залихватски торчит шило. На верстаке, заваленном всяким сапожным инструментом, под пожелтевшей фотографией Сталина, висящей сбоку, играет радиоприемник. Не знал бы Искендер, кто такой Афлатун, в жизни бы не догадался. А тут, пожалуйста, сидит сапожник-зомби в 4-м микрорайоне, башмаки ремонтирует, покойного Балоглана Ашрафова слушает.

– Чего тебе? – спросил его хортдан, не отрываясь от работы.

Искендер неопределенно пожал плечами.

– Ну и иди тогда себе...!

Приподнялся он с места, крепко захлопнул дверь в свою будку: пахло на мгновение на Искендера яркой вонью, поменьше, правда, чем в прошлый раз (видно, выветрился чуток), но все равно ощутимо. И хоть вонь отвратительная, но почему-то стало от нее Искендеру немного спокойнее на душе. Хоть в чем-то не соврал мишоппа!

К пятнице, однако, терпение его лопнуло. Что там до следующего вторника осталось? Нет больше сил ждать, когда этот аферист объявится. Вышел он после занятий, огляделся по сторонам на всякий случай: вдруг именно сегодня пришел за ним мишоппа, стоит, например, как в прошлый раз, рядом с будкой, ухмыляется и со своим полупокорным приятелем, живым или мертвым, кости кому-то перебивает. Но ничего такого не случилось. Ни в школьном дворе, ни в будке, ни рядом с кутабной не было и следов Абабиля. Дошел уже Искендер почти до дома, повернулся у гаражей – и там ничего. Ни следа. Не иначе, как сквозь землю провалился. Прошел Искендер мимо овощной лавки, махнул на ходу гиганту Васифу, разгружающему ящики из «газели», сбегал даже в сквер около шашлычной. Все без толку. Оставалась последняя надежда – Вахаб. Сам же Абабиль говорил: если что, идти прямо к нему.

Спрятал Искендер сумку с учебниками в надежном месте в кустах за гаражами (не в первый раз) и зашагал к резервуару прежним маршрутом.

День был хороший. Не то, чтобы теплый, но солнечный. Деревья на улицах стоят еще голые, однако чувствуешь, – вот-вот завяжутся на них зеленые росточки, и воробьи повсюду радостно кричат, стаями и порознь, носятся как очумелые.

Дошагал он до «Браво», свернул от светофора, и тут вдруг что-то такое почувствовал. Сразу и не объяснить. В прежние времена, может, и не обратил бы Искендер внимания, но теперь после всех этих хортданов, водяных ишаков и молочных рептилий (ее разинутая пасть ему до сих пор даже в туалете мерещится!) любой станет по сторонам внимательнее смотреть. Раньше город был как город, люди, машины, а сейчас и к сапожной будке приглядываешься, и к прохожим – поди знай, кто они и что. Вот и теперь, вроде без всякой причины, но показалось ему, будто что-то не так. Как говорится, спиной почувствовал. Сбавил Искендер шаг, руки в карманы сунул, вроде как просто прогуливается, стал головой по сторонам сильнее вертеть, а на самом-то деле через плечо оглядываться. Сперва ничего подозрительного не заметил. Ну, прохожие идут, на него не смотрят, и не так уж много их – улица непопулярная, магазинов мало, ну, машины мимо едут, сигналият друг другу со злостью, как положено, на ветвях воробьи беснуются, воздух пахнет весенней свежестью, бензином и едой (это тянет с застекленных балконов над витриной магазина электротоваров). Короче, беспокоиться, вроде, не о чем, но почему-то по спине опять мурашки. Не от страха, а такое ощущение, что за тобою следят. Может, сверху? Поднял он голову, оглядел окна и балконы – ничего. Подошел тогда Искендер вразвалочку к витрине, стал глазеть на китайские телевизоры с пылесосами, и только тут уж заметил! Из-за угла дома высунулась на секунду носастая голова в кепке и сразу же исчезла. Только фиолетовый кончик носа остался торчать. Чтобы убедиться, что это ему не показалось, Искендер незаметно нырнул в магазин. Усатая, как кавалерист, продавщица, сидевшая на стуле за прилавком, и гладко выбритый дядечка в углу с телефоном, недовольно посмотрели на него.

– Батарейки у вас есть? – спросил Искендер, не задумываясь и все время поглядывая через витрину на улицу.

– Какие? – спросила усатая девушка.

– Круглые.

– Какой размер?

– Размер... – в этот момент мимо витрины, следуя за своим носом, рысцой пробежал ботаник-Лятиф из 22Б. «Так вот оно что, – догадался Искендер, – вот, значит, кто нюхач!» Теперь все сразу встало на свои места: и фиолетовая шишка на носу, и очкастое лицо, и даже волосатый шарф на тощей шее, о котором говорил мишоппа.

– Размер какой? Ну, толстые, тонкие? – нетерпеливо спросила продавщица.

– Забыл...

– Для пульта? – поинтересовался дядечка, не отрываясь от своего телефона.

– Да говорю же – забыл!

Продавщица недовольно фыркнула, дядечка покачал головой, а Искендер, ни капли не смутившись, шагнул обратно к стеклянной двери. Прежде чем выскользнуть наружу, обвел он улицу внимательным взглядом. Лятифа не было видно. Интересно, спрятался он или потерял след...?

Выйдя из магазина, Искендер двинулся вниз по улице в прежнем направлении. Шел он не спеша, будто прогуливался, но при этом краем глаза все время следил за потоком машин слева. Проезжая часть здесь была широкая, разделенная посередине бетонными отбойниками, и безопасно перейти ее можно было лишь по пешеходной зебре на перекрестке. Однако, как только представилась возможность, Искендер сорвался с места и рванул на другую сторону, не обращая внимания на сигналы, визг тормозов и ругань.

Добежав до бензоколонки, он оглянулся: ботаника по-прежнему нигде не было видно. Потерял всё-таки след, носастый дурак! Значит, не такой он уж и супернюхач, как мишоппа рассказывал. Довольный собой Искендер, пробравшись между направляющимися автомобилями, обогнул зеленую стекляшку Азпетрола... и тут же чуть не налетел на ухмыляющегося Лятифа!

Так они и стояли неподвижно на расстоянии в несколько метров, как ковбои, готовые к дуэли. Только вместо револьверов у одного был крупнокалиберный нос, а у другого – его быстрые ноги. Вокруг шумела и дымила дорога, люди спешили по своим обычным делам, даже не догадываясь, какая драма разыгрывается на обычной заправке, и с чего эти двое, не мигая, буравят друг друга такими жгучими взглядами, словно надеются угадать, что каждый из них думает в эту секунду.

Первым мигнул Искендер. Бросился он бежать без оглядки обратно по улице и остановился передохнуть лишь около «Браво». Лятиф, конечно, сильно отстал. Куда ему за ним угнаться даже с его аэродинамическим носом. Однако радоваться было нечему. Если подумать, Лятифу теперь и нужды нет за ним гоняться. Просто будет следовать за запахом. Как гончая собака! Выходит, какой самый хитрый маршрут ни выбери, через какие замысловатые пустыри и помойки ни бегай, Лятиф все равно найдет, унюхает, потому что глазами видеть ему нужды нет. И хоть до самого утра петляй, от него не скроешься! Вот же невезенье...! Это все, наверное, запах Карагача на куртке! Искендер от отчаяния даже губу закусил. А тут еще на перекрестке опять ботаник замаячил: тощий, как крючковатая жердь, да еще со своим волосатым шарфом, его теперь, пожалуй, ни с кем не спутаешь.

Только как увидел его Искендер на перекрестке, пришла ему вдруг в голову забавная мысль, так что он сразу повеселел.

– Ничего, ничего, сосед! Сейчас ты у меня получишь...! – сказал он сам себе и припустился дальше по улице, но на этот раз легко, вприпрыжку. А пока он бежит куда-то, надо бы рассказать еще немного про носастого ботаника. В конце концов, интересно же знать, откуда у него столько свободного времени берется, чтобы среди белого дня по улицам шастать, когда все остальные на работу ходят.

...Дело в том, что Лятиф еще неделю назад в отпуск вышел. Сил больше нет на работу ходить, от запахов голова кругом идет, пухнет. Как бы не лопнула. С каждым днем проклятый нос становится все чувствительнее, искуснее, что ли, – самые незаметные запахи улавливает. Теперь уже ни в транспорт сесть, ни к людям подойти, сколько же можно ноздри вазелином конопатить? Нос у него теперь такой, что с закрытыми глазами ходить можно. И ветка Карагача ему больше не нужна, запах в памяти засел, в любой толпе среди тысячи других отыщет. Главное, впросак не попасть, как тогда с этим карликом в зеленой куртке! Так и разило от него проклятым деревом, словно он из самого нутра его только что вылез. Обрадовался тогда Лятиф, думал, все, приведет его карлик к заветному дереву, а этот гад завел его куда-то под мост и там такой отборной вонью угостил, что Лятиф три дня кровью сморкался. Видно, сосуды полопались! Ему бы и в голову прежде прийти не могло, что живой че-

ловек может так вонять. А может, и неживой вовсе, ведь только вдохнул ботаник как следует, перед глазами прямо все и завертелось: чужие покойники вереницей, скелеты всякие, гниль подземная вперемешку с древесными корнями, черви любых цветов, крысы, змеи...Короче, мерзость от глаз людских, по понятной причине, обычно скрытая. И вот если взять всю эту мерзость, круто ее замесить и сварить из нее самый густой одеколон – вот такой, наверное, запах и получится. Только и запомнил Лятиф, как в голове у него что-то взорвалось, нос от внутреннего жара распух в картофелину величиной, во рту горечь разлилась невиданная, и уж потом повалился он на землю без сознания в каком-то ужасном ознобе.

Долго лежал. Когда очнулся, над мостом звезды сверкали. Очнулся в куче гадкого мусора, рядом мокрая псина копошилась. Хорошо, пока без сознания был, до него не добралась. Только даже мусор пах лучше, чем разило от того дома с воротами. Как Лятиф обратно дошел, уже и сам не помнит. Ноги еле держали. Добрался до квартиры весь больной, в красных пятнах по всему телу, полтора часа в ванной мочалкой скреб себя. Чуть всю кожу на спине не содрал.

И вот приснился ему сон. Жуткий.

Будто спит Лятиф у себя в кровати, сквозь ватные шарики в носу чувствует, как пахнет дыхание супруги, которая рядом посапывает, ментоловой пастой, желудочными соками и курагой. Понятное дело, как обычно, плохо зубы вычистила. И вдруг слышит, в комнате половицы поскрипывают. Тихо так, будто кошка, мягко ступая лапами, крадется. Открыл в темноте глаза Лятиф, обомлел от ужаса: стоит над кроватью гадалка в белой ночной рубашке. Рубашка длинная, до самого пола, будто саван, а поверх рубашки у нее распущенные волосы, как воронье крыло, и тоже кончиками пола касаются. Гладкие, черные, блестящие. В руках у гадалки гребень. Какой-то замысловатый, видно, что дорогой, из натуральной кости, наверное. И вот лежит Лятиф в своей пижаме под стеганым одеялом и ни шевельнуться, ни сказать ничего не может. Все тело словно морозом прихватило. Ни одна мышца не двигается. Кебире наклоняется к нему очень медленно, в глазах золотистые искры стреляют, и шепчет холодом прямо в ухо:

«Что ж ты дерево мне никак не найдешь? Плохо ищешь, ботаник!»

Лятиф хочет ей ответить и не может, челюсти так свело, того и гляди, зубы раскрошатся. А лицо гадалки все ближе, не оторвать взгляда от ее глаз. Они жуткие, но и такие прекрасные, с поволокой, каждый, как огромная миндалина. И что самое странное, нос его работает на полную мощность, как и прежде, может, даже лучше от страха, чувствует он все запахи в квартире, все вместе и каждый в отдельности, только вот от гадалки ничем не пахнет! Совсем ничем, сколько ни внюхивайся! Улыбается она ему как-то криво и продолжает нашептывать:

«Видно, не понял ты меня с первого раза, ботаник. Времени у тебя уже почти не осталось. Если наговор не сниму, скоро совсем человеком перестанешь быть. Оскотинишься вконец. Все человеческие привычки забудешь. Щетина мерзкая из тебя полезет, начнешь говно свое, как кошка, закапывать, будешь по ночам шастать, птиц и мышей живьем зубами рвать. Страшное это дело, когда человек обратно в скотину превращается. Смотри, Лятиф, не сыщешь мне дерево, не будет тебе спасения. Время тикает, еще немного, и даже я тебе помочь не смогу!»

Сказала, гребнем по волосам своим провела так, что искры посыпались, и медленно вышла из спальни. На этом Лятиф и проснулся. Вскочил с места, зуб на зуб от холода не попадет. Жена во сне заворочалась. А Лятиф с кровати слез, свитер кое-как через голову натянул, никак не может согреться, теплые носки надел – все равно колотит. Вышел он в коридор, снял с вешалки пальто, напялил, шею шарфом обмотал и все время озирается, все ему кажется, что это не сон был. Что и вправду гадалка приходила. Доковылял до кухни, чайник поставил, глянул в окно на соседний дом – все спят, конечно, четыре часа утра как-никак. Самое сонное время. Спросите

Гюльхоша Мамедовича, он-то уж точно знает. Все да не все: окна Кебире на первом этаже светятся! Еще больше разволновался Лятиф, даже спина зачесалась, встал он в проем и давай прямо через пальто спину о дверной косяк чесать, но, сколько ни чесал, пользы нет, зудит где-то между лопатками и зудит. Исхитрился он тогда, закинул руку сколько мог за спину, под одежду залез, начал ногтями скрести, что такое...? Чувствует он под пальцами растущую щетину! Жесткую, кудрявую. Тут бы Лятифу еще раз в обморок свалиться, но не случилось. Сел он за кухонный стол, голову руками обхватил и заплакал, несчастный.

Надо бы сказать, что в эту самую ночь снилась гадалка не одному только Лятифу. Навестила подлая и Гюльхоша Мамедовича. Тем более, что они с ботаником соседи, в одном подъезде живут, так что далеко бегать не надо, всего-то подняться этажом выше. Хотя, может, и наоборот все было: вначале показалась она участковому, а уж потом ботанику, но сути дела это не меняет. С Гюльхошем Мамедовичем разговор, однако, у нее не получился. А все потому, что с ее заговором неудачно вышло. Что тут говорить, и у самых поганых ведьм случаются осечки. Она-то его приговором сна лишила, а оно вон как вышло. Получил он по голове от Карагача и теперь спит сутками напролет тюленем, не приходя в сознание. За деревом не охотится, службу свою не исполняет. Никакой пользы! Только жрет за двоих. Государственный человек называется! Все они такие! Принялась ведьма на него во сне шипеть по-всякому. Сказала, что изведет совсем, да еще в придачу вместе с сыновьями-поэтами, а Гюльхошу Мамедовичу наплевать. Понравилась, видно, ему такая жизнь. Чем плохо: сытый, сухой, всегда на мягкой подушке, сопи себя в две ноздри и ни о чем не беспокойся. Не надо на службу ходить, деньги где попало добывать, начальство ублажать, в доверие к нему втираться, никто тебе не звонит, никто ничего не просит. Рай! Пузо, как на дрожжах, растет, щеки от хорошего здоровья порозовели, гемоглобин такой, что стены красить можно (доктор сказала), еще красивее стал Гюльхош Мамедович, еще глаже. Натуральный спящий принц в спортивных штанах. С него теперь хоть рекламу снимай. Дорогих матрасов, например. Или снотворного. Нет, что ни говори, повезло ему с заклатьем. Не то, что ботанику. Тому и по жизни-то не очень, а с заклатьем совсем не подфартило. Так что, сколько гадалка ни ругалась, Гюльхош Мамедович и бровью не повел. Даже не дослушал ведьму, на другой бок повернулся и, извиняюсь, оглушительно пукнул. Кебире от бешенства чуть язык не проглотила. Уж не из волос, из глаз искры фонтаном посыпались, чуть штора не загорелась!

Такие вот дела. А пока мы тут на соседские сны отвлеклись, Искендер с ботаником на хвосте добрался уже до сапожной будки. План у него был нехитрый: зайти к вонючке, типа, насчет обуви, а Лятиф пусть опять зловоньем подавится. Посмотрим, сколько выдержит. Скорее всего, уберется прочь, а дальше видно будет. Только как бы самому от вони не задохнуться, он хоть и не нюхач, но нос все-таки тоже не казенный.

Когда Искендер подошел к будке, Лятиф сразу остановился в тени девятиэтажки. Просто встал как вкопанный, ни шага вперед. Будто на земле перед ним провели невидимую красную линию, за которую заступать ни в коем случае нельзя. На расстоянии чует, гад, хортдана! И вроде воздух свежий, солнце за крыши клонится, заливаает все медным светом, отражается в окнах, ветерок приятный гуляет... Искендер воздуха в грудь набрал, будто в море нырять собрался, открыл дверь на себя: внутри полупокойный Афлатун портрет Сталина тряпочкой обмахивал, видно, мухи засидели. Обернулся он к Искендеру, посмотрел вопросительно.

– Добрый день! – сказал Искендер гундосо, как будто нос у него от простуды заложен. И потому вместо «добрый» вышло у него «добгый».

– Добрый. Чего надо? – спросил зомби, присаживаясь обратно на табурет.

– У меня тут что-то внутри, – показал он на правую кроссовку, – как будто гвоздик в пятку втыкается. Посмотрите?

Расшнуровал Искендер правую кроссовку, которая, как и левая, несмотря что новые, после молочного колодца будто чуток усохли, еще и краска потрескалась, пропали, короче, кроссовки, стали выглядеть хуже, чем старые.

Пока Афлатун стельки выковыривал, Искендер несколько раз в сторону Лятифа поглядел. Стоит. Не уходит. Долго еще, спрашивается, стоять будет? Когда-нибудь же ему надоест!

– Нет тут никакого гвоздика. На клею. Здесь гвоздей не бывает. Видишь, вот тут отошло, – пальцем с квадратным желтым ногтем оттянул зомби кожаменитель на задней части кроссовки. – Это я тебе подклею.

– Хорошо, – согласился Искендер, а сам выглянул из будки, опять посмотрел на Лятифа – столбом стоит. Не двигается даже! А время к вечеру, домой надо. Солнце уже наполовину за крыши заваливается, хотя повисит еще, прежде чем смеркаться начнет. Вот приспичило этому нюхачу!

– Тогда и второй снимай, заодно и его поклею. Китайское барахло, – покачал головой Афлатун, а из ушей хлопья перхоти посыпались и прямо на его черный фартук. Расшнуровал Искендер и вторую кроссовку, хотя в кармане из денег всего один манат. Не густо.

– Вот раньше делали... Адидас...! И на свадьбу в них, и на похороны. На похороны даже лучше – водонепроницаемые. В землю закопаешь, – глянул он исподтишка на Искендера, – два года ничего их не берет. Как новенькие. А ты знаешь, отчего так называется – Адидас...?

– Нет.

– Эх...! Ничему вас в школах не учат! Только и знаете в телефоны глазеть на всякое непотребство, вместо того, чтобы делом заниматься! – Искендер незаметно улыбнулся, вспомнил, что почти то же самое слово в слово говорил Абабиль. Может, он от хортдана это и перенял? Очень уж вороватый на все этот мишоппа!

– Адидас, между прочим, наш местный придумал. Я его лично знал. Отличный был сапожник. Мастер! А на самом деле работал под прикрытием и был Героем Советского Союза, но об этом тогда никто не знал, конечно. Вот так вот! Кому могло в голову прийти, что Адиль-сапожник – разведчик? Как Зорге. Лично Сталин его в Германию отправлял на военном самолете, – хортдан обернулся и указал пальцем на портрет Вождя народов. – Уж какой великий был человек, а не поленился, сам приехал на чкаловский аэродром, обнял Адиля, передал ему наградной наган, сухой паек на четыре дня и десять тысяч немецких марок. Адиль Досталиев, неужели не слышал никогда?

– Нет.

– Да откуда тебе. Он же совсем засекреченный был. А в молодости такие сапоги мог шить, что они на ногу, как собственная кожа, садились. Мягкие, мягкие...! Так, между прочим, они со Сталиным и познакомились, он ему в Ахалкалаки сапоги стачал. Сталину очень понравились. И уж когда он вождем стал, только его сапоги и носил. А сразу после войны забросили Адиля в Саарбрюккен. Резидентом. Тут вождь умер, и Адиль уже возвращаться не стал. И правильно сделал, скажу тебе. Остался жить в Германии. Пиво ему там очень понравилось. Переехал в Магдебург. Потихоньку начал кеды шить из чего попало, обжился постепенно. А потом уже фирму создал, а название взял от своего имени и фамилии. Сокращенно выходит Адидас.

Искендер подумал немного:

– Тогда должно быть «АдидОс», если он Досталиев.

– Адидос не звучит, – авторитетно возразил Афлатун. – Держи, готово! Ходить будут.

Натянув кроссовки, Искендер присел на корточки и принялся их медленно зашнуровывать, чтобы потянуть время. Он все еще надеялся, что нюхачу надоест ждать. Но, как ни тяни, завязать два шнурка – дело недолгое.

– Сколько? – спросил он, смущаясь: все-таки один манат за историю с разведчиком и поклеенные подошвы было явно маловато. Хортдан поправил очки на носу:

– Да ладно, чего там, иди так.

– Спасибо! – даже растерялся Искендер. А Абабиль-то все говорил, что хортдан за копейку удавится, получается, и тут наврал? Ну, как ему после этого верить? Запах от Афлатуна хотя и ужасный, и никак к нему не привыкнешь, не принимаешься, но мастер он, видно, хороший, и характер у него покладистый, лучше, чем у иных живых.

Поблагодарил его Искендер еще раз и вышел из будки. А Ляtif все стоит, даже ни на миллиметр с места не сдвинулся, будто ноги ему к земле приклеили. Памятник какой-то, а не человек! Только тень от него сместилась вниз и сделалась длиннее. Это потому, что солнце уже за крышами, остались от него лишь медные отблески между домами, в школьном дворе сгущаются голубые сумерки. Что дальше делать? Хочешь, не хочешь, а придется домой возвращаться. Вздохнул Искендер и осторожно двинулся в сторону кутабной. Но как только он первый шаг сделал, нюхач от своего места отклеился и на шаг назад отступил. Искендер вторую ногу вперед, Ляtif еще на шаг назад. И так до самой кутабной. «Ага, – догадался Искендер, – запах хортдана на мне чует! Сохраняет дистанцию, придурок, опасается...!»

Так они и шли. Вначале Ляtif только пятился, а потом, видимо, сообразил, сдвинулся в сторону, дал Искендеру вперед пройти, сам сзади пристроился.

Перебежал Искендер дорогу, проскочил мимо заброшенного кинотеатра «Пионер», мимо стоянки, почти было дошел до подъезда, когда вдруг вспомнил про сумку с учебниками. Пришлось возвращаться. Ляtif к тому времени куда-то пропал. Наверное, понял, что Искендер напрямик домой идет, и значит толку за ним теперь тащиться уже никакого.

Но Искендер на всякий случай огляделся, прежде чем за гаражи зашел.

Место здесь, чтобы спрятать чего-нибудь, самое подходящее. Во-первых, темно все время, даже в самый ясный день. Тени много. Во-вторых, ни с улицы тебя не видно, ни со стороны двора, потому что слева гаражи, дальше высокая ограда помойки, за которой стоят мусорные баки, а сзади кусты и деревья плотной стеной.

...И не в первый раз он здесь свой рюкзак с учебниками прячет, только теперь пропал он куда-то! Шарил Искендер, шарил в кустах, искололся весь, исцарапался – нигде нет. На четвереньки встал, джинсы испачкал, все без толку. И вдруг:

– Может, ты это ищешь?

Вскочил Искендер на ноги. Прямо перед ним между двумя соснами стоит ботаник, школьная сумка у него через плечо висит. Нос нюхача шарфом прикрыт, одни глаза видны из-под козырька кепки, кровью налитые, крошечные, глядят зло, будто это и не сосед ботаник – глупый, но безвредный сплетник из шестого подъезда дома 22Б, – а кто-то другой.

– Это моя, – ответил Искендер.

– Ну, возьми.

Сказать сказал, а сумку с плеча не снял. Голос у Ляtifа, между прочим, тоже изменился, стал какой-то каркающий, будто и вправду говоришь с вороном или еще какой-нибудь темной птицей. Искендер глазами по сторонам порыскал: боязно, вокруг никого нет, темнеет, а с другой стороны, – ну, не набросится же он на него, будь хоть трижды нюхач, ведь сосед все-таки. Да и не так уж темно, это просто здесь за гаражами так кажется.

– Испугался, что ли? – очень уж криво усмехнулся Ляtif.

– Чего это я боюсь?

– А чего тогда от меня весь день бегал? На, забирай свой портфель...

Шагнул Искендер вперед, но только потянулся к своей сумке, как ботаник неожиданно как-то ловко его за горло ухватил, а ладонью правой руки прикрыл рот.

Искендер стал вырываться, но куда тут! Дыхание сразу переперло, пальцы на горле так сжимают, что перед глазами одни фиолетовые круги да искры фонтаном. Он коленями Лятифа пинает, руками отпихивает, пальцы его пытается на горле разжать, а сам чувствует, что слабеет с каждой секундой, пока нюхач злобно шипит через шарф ему прямо в ухо:

– Говори, сучий сын, где дерево спрятали...! Задушу...! Мне терять нечего...

Еще немного, ведь и вправду задушит! Уже и кругов перед глазами не видно, темнота одна пошла, ноги подкашиваются. Нет! Не разжать ему пальцы проклятого ботаника, как стальные обручи только сжимаются сильнее. Кто же мог знать, что в нем столько силы окажется? Искендер уже и пинать его перестал, только дергается судорожно.

– ...где Карагач...гаденыш...? – шипит нюхач, – ...душу из тебя вытрясу!

(Все-таки не зря говорят, что этот Лятиф – дурак редкостный. Да как же Искендер тебе что-нибудь скажет, когда ты ему рот ладонью законопатил?) Но тут вдруг тиски на горле разжались, в грудь воздух пошел, темнота перед глазами расступаться стала, не удержавшись на ватных ногах, Искендер в голые кусты повалился.

– ...ах, ты подонок... гадина... Полиция! – услышал он, жадно дыша, – ...что с мальчиком сделал...! Люди, смотрите, что творится, среди белого дня...

День был, конечно, давно не белый, а скорее, самый настоящий вечер, но в общем Марьям-ханым была права: крутит она над головой женской сумочкой, как булавой, из глаз желтые искры брызжут. Повезло Искендеру, скажу я вам, если бы не соседка, еще не известно, чем бы все кончилось. Может, удушил бы его очумевший от запахов Лятиф. А тут она как раз шла к автобусной остановке, собиралась по дороге пакет с мусором выбросить. Как она их там в кустах углядела? С ходу хрястнула ботаника сзади мусором по голове, Лятиф Искендера сразу отпустил и будто антилопа, перескакивая через кусты на всех четверых, умчался прочь, только его и видели. Не зря ведь гадалка предупреждала: с каждым днем все меньше в нем человеческого, скоро совсем неведомой скотиной делается.

Бросилась Марьям-ханым к Искендеру, схватила его за плечи, в лицо заглядывает, трясет его:

– Что он с тобой сделал? Говори...! Говори! Кто это был? Что от тебя хотел...?

Искендер в ответ головой мотает, мол, не знаю. Говорить-то тяжело, горло как огнем горит. Что там говорить – даже дышать еще тяжело! Да и как ей все объяснить? Про одного Лятифа ведь не расскажешь, нужно будет и про Карагач тогда все открыть, и про мишоппу, а делать этого ни в коем случае нельзя. Марьям-ханым – женщина очень хорошая, пусть и со странностями, но про дерево знать ей не нужно.

– Что с тобой сделал этот больной подонок? – все не унималась она, ошупывая Искендера с ног до головы.

– Ничего, – выдавил он, наконец, хрипло и сам удивился своему голосу, сделался он таким же каркающим, как у Лятифа.

– Ты разглядел, кто это был, узнать сможешь?

– Придурак какой-то... Рюкзак мой хотел утащить...

– Ой, ты, боже мой, – голосила Марьям-ханым, – совсем с ума посходили! Что же творится, а...! Полицию звать надо! Вставай, вставай, сынок, не сиди на холодной земле, домой отведу тебя, суп перловый еще теплый на плите...

Сумка с учебниками, кстати, нашлась в целости и сохранности. Видно, обронил ее ботаник. Так что, не считая синяков на шее и хриплого голоса, все, можно сказать, обошлось благополучно.

Ну, дома, конечно, пришлось объясняться. «Где был, почему так поздно после школы явился, кто напал, как выглядел...» – и так далее. Пришлось врать. А что было еще делать? И неплохо, скажу вам, получилось, складно. Вот что значит водиться с мишоппой! Того и гляди, начнешь белье соседское с балконов тащить.

Наврал он складно, но все равно запретили ему гулять выходить и наказали теперь после школы ровно по часам домой возвращаться. Конечно, так и чесался у него язык наябедничать отцу на придурка Лятифа, чтобы тот ему хорошенько по шее врезал. Но Искендер удержался. Нельзя. Сейчас главное – мишоппу найти. А как? Если и к Вахабу уже не выберешься – на носу суббота с воскресеньем, придется ждать понедельника. Если что, решил Искендер, прогуляю школу. С утра в понедельник прямиком на стройку и отправлюсь.

Суббота прошла без происшествий. И у мамы выдался хороший день. Смотрели с ней телевизор, Марьям-ханым забегала проведать, принесла блинчики с мясом чуть не целый таз. Даже отец с работы вернулся раньше обычного – кто-то крыло его «корейцу» помял немного. Не в первый раз... В общем, суббота неплохая оказалась, давно у них такой не было с тех пор, как мама заболела.

Вот только ночью проснулся Искендер от того, что опять его душат. Будто в рот ваты натолкали, ни вдохнуть, ни выдохнуть. Чувствует он на груди и на лице что-то черное, не разглядеть сразу, вроде, как живое. Он от себя эту черноту отпихивает, а это оказывается гадалкина жирная кошка! Обернулась, зрачками изумрудными сверкнула, метнулась в конец кровати. Искендер отплевывается, изо рта комки кошачьей шерсти лезут, но, сколько ни выкашливай, не кончаются, будто все его нутро этой шерстью набито. Она и на зубах, и на языке, и на небе. И будто в носу даже. Кошка спину выгнула, по усам электрические разряды пробегают, в комнате темно, но она еще чернее, чем темнота. Искендер хочет ее с кровати согнать, ногами дрыгает, но куда там, она только фыркает и хвостом о спинку кровати колотит. Хочется ему закричать, позвать на помощь, но как, если рот шерстью полон? Не продохнуть. Придвинулся он к краю, скатился на пол с грохотом, так что в гостиной в серванте посуда задребезжала. Грохот, наверное, на весь дом был слышен.

Первым в комнату забежал отец, свет включил, Искендер на полу сидит, глаза кулаком трет. Не спросонья, от пережитого страха. Потом мама пришла, у самой под глазами темные круги, щеки впали, села она на краешек кровати, обняла его за голую:

– Что такое, сынок?

– Кошка, мама...

– Какая еще кошка, – зеваает отец, – вот балбес, весь дом перебудил...

Повернулся и пошел обратно спать.

– Это ты растешь, если во сне падаешь, – целует она его мокрые от слез щеки.

– Ну, ну! Уже совсем большой мальчик...

Правильно сказала: не важно, куда падаешь, хоть на пол с кровати, хоть в древний колодец с рептилией – если падаешь во сне, значит растешь. Не вырастешь, пока не научишься падать. Правило такое же верное, как закон Архимеда или рецепт баклажанового одеколона. И Искендер его знал не хуже других. Но еще он знал, что не просто так ему кошка от Кебуре явилась. Не просто душила его во сне, черным своим сердцем чувствует гадалка, что Искендер ни перед чем не остановится, чтобы заклятье ее разрушить!

Все воскресенье был Искендер как на иголках. Скорее бы уж день прошел! Скорее бы уж понедельник, разыскать Вахаба, узнать, где прячется Абабиль, и сразу к нему! Нужно было еще тогда, во дворце, расспросить про второе задание. Целый день Искендер на часы посматривал. Только когда дело к вечеру пошло, немного успокоился. После ужина пришлось опять Марьям-ханым звать, чтобы укол сделала. Мама уснула, Искендер один на диване сел телевизор смотреть, отец еще не вернулся. Искендера на диване разморило, в сон потянуло, но тут вдруг кто-то в дверь постучался. Не очень громко, но настойчиво. Может, Марьям-ханым проведать поднялась, так она недавно как ушла, могла бы по телефону набрать. Вышел Искендер в коридор, в глазок стал глядеть: никого за дверью нет. На площадке свет автома-

тически включился, а никого не видно. А что, если это отморозенный Ляtif? Вдруг у него совсем крыша поехала? Да нет, успокоил он сам себя, вряд ли ботаник сюда сунется. Скорее, уж где-нибудь около школы будет его поджидать.

– Кто там? – спросил Искендер. Голос нормальный ему еще в субботу вернулся, только немного хрипотца осталась, как после простуды. Услышал он звук чьих-то шагов, кто-то быстро сбежал по лестнице вниз. Постоял он немного, подумал. Может, шапку под дверь подбросили, праздник же, Новруз? Вообще-то рановато шапки подбрасывать. Но мало ли. Накинул он на всякий случай дверную цепочку и приоткрыл дверь. Точно! Прямо на резиновом коврикe у порога что-то лежит. Только это не шапка, не кепка, не бейсболка и даже не целлофановый пакет, как некоторые вместо шапок подбрасывают, а обыкновенная обувная коробка. Чего-чего, а такого он еще не видел! Еще бы ведро поставили...!

Снял Искендер цепочку, открыл дверь шире, хотел поднять крышку – не вышло, скотчем к коробке примотана. Внутри что-то есть. Глянул он напоследок в лестничный пролет и зашел обратно в квартиру. А как зашел, сразу же в коридоре в тепле учуял знакомый запах. Конечно, хортданом пахнет! Да не пахнет, шибает прямо в нос! Вот уж совсем непонятно. Отодрал Искендер картонную крышку и, к своему совершенному удивлению, увидел внутри изрядно разношенный ботинок, при этом щедро натертый обувным кремом.

Любой бы растерялся, получи он такое под дверь поздним вечером. Но если имеешь дело сплошь с мертвецами, нюхачами, пауками и гадалками – ко всему надо быть готовым. Тут надо научиться думать, как они думают. Задача непростая. Вот и Искендер глядел, глядел, а так ничего и не сообразил. С чего это хортдану было ему башмак подбрасывать? Показать, какой он искусный сапожник, что ли? Шнурки на ботинке, кажется, только что из магазина, новая подошва аккуратно прилажена, сбоку свежий шов. Брезгливо сунул он руку внутрь башмака – ничего, мягкие стельки. Размер – как детская могила, разве что Асифу с Васифом из овощного в пору придется. Но ведь зачем-то этот полупокройник его принес? Кстати, откуда он адрес узнал...? Может, следил? Искендер даже вспотел от волнения. А если башмак не от хортдана вовсе? Нет, ясно, что из его будки, его работа, но принес кто-то другой? ...Одни вопросы, короче. А до следующего вторника всего один день остался. И чувство такое, что все это вместе связано.

Вынул он ботинок из коробки, перевернул – тогда-то все сразу понятно стало. На нехоженой еще подошве мелким таким, убористом почерком, но со всякими красивыми вензелями и завитушками в каждой заглавной букве, ярко-красным маркером было выведено следующее:

«Салам, брат!

Нужно 20 манатов. Меньше никак. Встречаемся сам знаешь, в какой день. Время – как в прошлый раз. Буду ждать во дворе школы, не той, про которую думаешь, а следующей с похожим номером (ниже). Опять в гости пойдем, чтоб меня не позорить, оденься чисто. Соседа можешь пока не бояться, моряк ему по шее вломил. Потом расскажу. А тому, кто доставит это письмо, при случае скажи спасибо, ты его знаешь (лично знал Адидаса). Письмо лучше уничтожь. Сам знаешь, зачем.

*До встречи,
твой брат А.»*

(в голову бы мне никогда не пришло, что у мишоппы может быть такой каллиграфический почерк, я вообще не был уверен, что он писать умеет!)

Искендер от радости чуть в пляс не пустился. Три раза послание перечитал. Наизусть выучил. Все понятно! Когда? Во вторник. Во сколько? В 6 часов вечера. Где? Он ходит в школу 211, а вниз по улице в двух кварталах как раз школа с похожим номером – 111! Тут и думать не надо! Держит свое слово Абабиль! Стало Искендеру даже неудобно, что он про мишоппу плохо думать начал...

В это самое время в двери стал поворачиваться ключ, видимо, отец вернулся. Искендер башмак в коробку бросил, крышкой кое-как закрыл и в своей комнате за-толкал под кровать. Очень вовремя, отец уже в коридоре куртку на вешалку закинул.

– Слушай, – спросил он вполголоса, пригнувшись, – а чем это у нас так во-няет? Будто кошка сдохла? Фу...!

– Ничего не чувствую, у меня нос заложило... может, из канализации? – развел руками Искендер (и получается, опять соврал!).

На следующий день выкинул он башмак в мусорный бак от чужих (да и от своих) носов подальше, там ему самое место, а после школы забежал к сапожнику с *пахлавой* и *чуду* из тех, что их Марьям-ханым аккуратно снабжает. Афлатун хотя и сделал вид, что не понимает, о чем речь, но все равно обрадовался.

Ясное дело, вежливое обхождение и покойнику приятно!

Глава одиннадцатая

Второй Вторник (Огонь)

...Ах, люблю я эти вторники! И каждый из них по-своему. Нет лучше праздника. Помню, знакомый мишоппа (не древесный, этим не очень доверяю, а из тех, что на вокзалах живут) сказал мне как-то: «Кому это, – говорит, – в голову пришла дебиль-ная мысль Новый год зимой устраивать? В самое поганое время? Если разобраться, Новый год только весной и может быть.... А зимой нужно спать ложиться, чтобы в уши не надуло, окна как следует законопатить и отбой до следующей станции». И ведь не поспоришь, вокзальный знал, что говорил. И потом, что за спешка такое важное со-бытие в один день отмечать? Никакой обстоятельности, никакого смысла – все на ходу. Главное, до полуночи за столом наесться – вот и весь праздник.

А здесь целый месяц. Целых четыре вторника. Празднуй себе на здоровье, пока глаза из головы не выскочат. И поесть времени достаточно, и подумать, как следует, и отдохнуть. Дело же самое серьезное, природа после зимы, как хортдан, просыпа-ется!

За прошедшую неделю рогатый месяц над головой раздобрел, весу набрал, со-всем близко к моей крыше висит. Крыша, конечно, не моя, это я только так говорю. Зато дворы и улицы как на ладони. Вижу, горят костры. В Огненный Вторник этим ко-страм даже кошки рады. Хотя весь дом спали, а огонь обязательно должен быть. И не просто угольки в мангале, а так, чтобы искры в черное небо стреляли, воздух от всякой заразы очистить. Чем громче гудят поленья, тем глубже прячутся пауки в свои норы.

А насчет кошек, это я, пожалуй, погорячился, извиняюсь, с кем не бывает, им на костры наплевать...

Между тем:

– Фьют-фьют-фьют-фью! – услышал Искендер тихий свист за спиной. За-трещали темные кусты возле каменной ограды, и через секунду из них выбрался улы-бающийся во весь рот Абабил. Тут уж Искендер не удержался. Бросился на радостях к нему, обнял, как потерянного родственника. Между нами говоря, не каждому род-ственнику так обрадуешься.

– Ладно, ладно, чего ты...! – засмутился мишоппа, хлопая его по спине. – Живой я, здоровый...Аппетит хороший, сплю сколько надо, в туалет два раза...

– Боялся, что ты не придешь... – шмыгнул носом Искендер. – Обманешь...

– Вот тебе раз! – удивился мишоппа. – Как же тебе не стыдно про бедного Аба-биля такие гадости думать? Никак не ожидал от тебя...!

Мишоппа стал нервно потирать шапочкой лысую макушку.

– Вот и делай после этого хорошее! Бедный Абабиль жизнью каждый день рискует, всякая сволочь в городе за ним охотится, вконец извести хотят, а ты...

– Ну, Агоппу же ты ...кинул. Вот я и подумал... – пряча глаза, сказал Искендер.

Было довольно темно. Фонари горели только у входа в школу. Мишоппа рассерженно топнул ногой:

– Чего это я его кинул? Отличного молока этому ишаку достал! И вообще, ему по жизни мешки таскать полагается, навоз давать на удобрения, а не песни распевать...! Каждый должен своим делом заниматься! Я же вот в академики не лезу и по свадьбам не хожу. Сам подумай, если вместо того, чтобы за Карагачем присматривать, я начну бельканто тренировать или, как Афлатун, по могилам шастать, а он, наоборот, вместо меня в дерево полезет – выйдет одна сплошная язва желудка...! Знаешь, что это такое?

– Болезнь такая.

– Ужас это, а не болезнь! Ухо потяни! От рыбных консервов случается, если их с творогом кушать.

– Кто же рыбные консервы с творогом ест?

– Э, брат, дураков хватает! Уж поверь мне. Английские ученые говорят, на одного нормального ровно девятнадцать с половиной дураков приходится. А им верить можно, у них ишаки в академиках не заседают. Ни водные, ни сухопутные...

Где-то за оградой школы рванула петарда. Мишоппа инстинктивно втянул голову в плечи:

– Чтоб их...! От этих хлопучек душа не на месте, того и гляди, подпалят чего-нибудь!

– А где Карагач? – шепотом спросил Искендер, озираясь по сторонам.

– Не ищи, не найдешь, за школой стоит в тенечке. С дороги движок еще не остыл. Отдыхает.

– Значит, опять на метро поедем?

– погоди пока ехать. Что следующее по рецепту, помнишь? Яйцо! Куриное, сам понимаешь, не годится.

– А какое нужно?

Мишоппа оглянулся через плечо и, выставив розовое ухо, прислушался к уличному шуму за оградой:

– Симург добывать надо, – произнес он одними губами.

– Чего...? Симург...? Серьезно, что ли? Я думал, их не бывает...

– Ну, ты даешь! – горячо зашептал мишоппа. – Значит, ведьма у тебя на первом этаже с паспортом и пропиской проживает – это бывает, а Симург нет? На вид-то ты поумнее будешь! Все ведь связано, братец. Сколько же тебя учить? Если в рецепте сказано яйцо Симург, значит и птица такая должна быть! Какой же дурак зря писать будет? Понятно? К примеру, возьми Карагач: если он существует, значит где-то к нему и мишоппа найдется. И наоборот. Такая, брат, эволюция! Одно без другого никак не работает. Короче, Симург – птица глупая, поймать ее ума много не надо. Подманишь, и все. Главное, знать, чем. Хоть тебе Симург, хоть курица: головки у них маленькие, мозгов, считай, нет – жадность одна. Гузками думают.

– Я и не спорю. Просто спросил. Пошли тогда ловить.

– В этом-то и задача, – вздохнул мишоппа и обошел Искендера кругом. – Симурги только в огне рождаются, натура у них такая, огненная. И для этого день сегодня самый подходящий. Вот только где огонь нужный взять...

– Да чего тут думать? Вон, в каждом дворе костры! Мы и сами развести можем...

– Э-э-э! Все никак ты в толк не возьмешь! Только же сказал: из обычного одно обычное и получается...! Огонь нужен изнутри земли. Нутряной. Другой не годится. В другом Симурги дохнут. А чего нам с дохлой птицей делать?

– Из вулкана, что ли?

– Можно и из вулкана, – задумчиво почесал лоб мишоппа. – А ты знаешь какой-нибудь подходящий?

Все вулканы, о которых когда-нибудь слышал Искендер, находились, кажется, за границей.

– Вот и я не знаю. По дороге в Сумгайыт есть один, только он грязевой. А из грязи, сам понимаешь, одни бактерии рождаются и понос. Бактерии нам на фиг не нужны. Нам Симург нужен. На, погрызи, – зачерпнув из кармана куртки, Абабиль протянул Искендеру горсть семечек.

– Не хочу, что делать, скажи!

– Тише ты! На весь двор раскричался... – мишоппа присел на корточки и, с апетитом лузгая семечки, стал говорить, как бы рассуждая вслух: – Про вулканы-то я сразу и не подумал. Они и правда нутряным огнем плюются. Самым настоящим. Вот были бы мы, понимаешь, в Индонезии, добыли бы огня из Кракатау. Ведрами черпай, не вычерпашь. Не хуже молочного колодца. Жила та же самая. Только там она огонь дает, а у нас – молоко. А в Германии пиво нефилтрованное. В городе Женева...

– Что ж нам делать тогда?

– А что делают, когда рядом приличного вулкана нет? – Абабиль выдержал долгую паузу, хитро поглядывая на Искендера из-под кустистых бровей. – Находят Дэва!

– Чего...? – растерянно захлопал глазами Искендер.

– Дэва, говорю, искать надо, вот чего! Они тоже твари огненные. Вроде как ходячие мини-вулканы, мобильные. Из них из всех отверстий огонь так и прет.

– Еще лучше! А где его взять? Дэва...?

– Так в Мазендаране! – поплеывая шелухой, уверенно ответил мишоппа. – Дэвы все там, это каждый знает. Кучкуются вокруг горы Демавенд. Тоже вулкан, между прочим. Из него они и рождаются, им и греются. Сидят себе по пещерам, дикие, голые, народ по ночам пугают, тьфу...!

– А чего голые?

– Дэвы, потому что. Чего с них взять... И еще в пещерах жарко, лава кругом. У тебя знакомые в Иране есть?

– Откуда!

– Вот и у меня тоже не осталось. Последняя тетка Луму была. Весточку бы ей заранее отправили, она бы нам автобусом живого огня выслала в канистре какой-нибудь. Так раньше и делали. Еще бы и нуги мешочек приложила. Только теперь что уж говорить. Нет тетки Луму. Я ж говорю – круглый сирота я. Дерево ее на корню высохло, и она вместе с ним в черную корягу превратилась. Торчит сейчас в лесу, древооточцев кормит, если на шашлыки не порубили. Верное дело, конечно, к Демавенду самим смотаться. А что? Аракс перешел и так себе, шажками, шажками до самого Мазендарана доберешься. Отец мой туда каждую осень коров на ярмарку гонял. Встанет на ходули и вперед, даже ног не замочит. Коров менял на хну. На копченый рис. На басму. Сушеные помидоры у них очень вкусные. Главное, по дороге на сирен не отвлекаться. Они, отец рассказывал, по ночам в караван-сараях веселые песни поют и животами крутят, отвлекают, пока их подельники коров у купцов таскают. Короче, за месяц со всеми остановками можно обернуться, – мечтательно рассказывал мишоппа, а потом вдруг, осекшись, сказал строго: – Только у нас, братец, времени с тобой нет! Огненный Вторник сегодня!

– Что же делать...! – в отчаянии воскликнул Искендер.

– Ладно, ладно! – стряхивая шелуху с полы куртки, поднялся с корточек мишоппа. – Что бы ты без меня делал? Пошли уже. Нашел я тебе Дэва. И в Иран ходить не надо. Рядом совсем. Даже не одного нашел, целый выводок! Им только волю дай, весь город спалят, проклятые, пока эмчээс приедет...! Деньги ты принес? Двадцать манатов...?

Идти пришлось в самом деле недалеко. Только-то между домами проскочили, сквер с шашлычной прошли, ближе к 9-му микрорайону сместились и вот, пожалуй-ста, добрались до высоченных железных ворот частного дома в узеньком переулке. А за воротами громкая музыка играет, свадьба, что ли, гуляет? Мишоппа с Искендера бейсболку снял, поглядел на него, прищурившись, кивнул, бейсболку обратно на голову приладил, откашлялся, будто горло прочистил, и принялся изо всех сил кулаком в ворота колотить.

Но только музыка гремела так залиvisto и вразнобой, что вряд ли хозяева хоть что-нибудь слышали. Да и кулачок у мишоппы не больше, чем у Искендера. Колотил он, колотил, пока у него уши не начали краснеть. Искендер, между тем, сообразительнее оказался: разглядел на стене кнопку звонка, позвонил.

Наконец, дверь в воротах открылась. Показался в проеме очень толстый мальчик в шикарнейшей красной рубашке навыпуск. Атласной, без воротника. Лицо у него было круглое, словно тарелка, щеки алые, глаза в две узкие щелочки, черные, как угольки, и совсем без ресниц, зато на самой макушке волосы в такие мелкие кудряшки закручены, будто это и не волосы вовсе, а каракулевый мех.

– С праздником, сынок! – улыбнулся ему мишоппа, – вызови кого-нибудь из старших, скажи, брат Абабиль пришел.

Мальчик головой вертеть не стал, видно, щеки мешали, да и шеи у него, кажется, почти не было, голова так и крепилась к плечам, поэтому развернулся всем телом, как бочонок на коротких ножках, и пробасил по-взрослому:

– Тут братец-мишоппа пришел! Пускать...?

Музыка постепенно расстроилась и смолкла.

– Пусть заходит! – послышался из-за ворот зычный голос.

Голос сразу показался Искендеру знакомым. Но так сразу и не сообразишь, где слышал.

Вошли они во двор, и Искендер прямо обомлел. Вот раньше бы знать, кто в их микрорайоне есть кто! Не повстречался бы ему мишоппа, так бы никогда и не узнал!

На расставленных полукругом стульях с одного края щерился ему новенькими золотыми зубами Васиф в гигантских тапочках, с другого – улыбался во весь рот его старший брат Асиф. И ведь можно было, наверное, догадаться, они и ростом, и сложением, ну, точно дэвы. Людей такой комплекции не бывает.

Рядом с Асифом его жена. Почти с него размером, такая же мощная.

Дальше, строго по росту, с каким-нибудь музыкальным инструментом в пухлых руках сидят дети. Не меньше десяти (потом уж Искендер пересчитал, оказалось ровно одиннадцать). Все толстые, в одинаковых красных рубашках, и видом своим, и щеками не отличить от того, кто дверь им открыл. Только что возраста разного. У девочек к каракулевым кудряшкам приспособлены розовые ленты.

Двор перед домом просторный, ухоженный, весь аккуратно выложен плиткой. Стол под висячей лампой ломится от всякой печеной снеди, фруктов, орехов, все целыми горками навалено на блюда. Сорок человек накормить можно! Рядом медный самовар дымит.

– К столу садитесь! – громыкает, как труба, Асиф. – Ешьте, пейте, не стесняйтесь! Наш день сегодня...!

– Время Дэвов! – хихикнул мишоппа и стал Искендера к столу подталкивать.

– А ну-ка...! – скомандовал Асиф.

Поправил он аккордеон на огромном брюхе, голову бритую наклонил ближе к инструменту, замер на секунду, а потом стал толстыми, как сардельки, пальцами клавиши перебирать. Тут же следом жена щеки надула, того и гляди лопнут, в зурну задудела, за ней золотозубый Васиф в нагара забарабанил, и пошло-поехало! И хоть каждый играл свое и невпопад, выходило весело. Только громко уж очень. Того и гляди, оглохнешь.

И пока они самозабвенно дудели, гремели, аккордеон тискали и барабанили, мишоппа и себе, и Искендеру крепкого чаю из самовара налил и принялся уплетать за обе щеки все, до чего его короткие руки дотягивались. А если не дотягивался до чего-нибудь вкусенького, так с места вскакивал и вокруг стола кругами бегал, еду себе в тарелку набирал. Искендеру даже неудобно стало. Все-таки в гостях себя так не ведут. Подумают еще, что дома не кормят. С другой стороны, поди знай, как это у дэвов принято. Долго дэвы играли. Одну мелодию закончили, вторую начали. За ней третью. За это время Абабиль так наелся, что уже не только уши, лицо красными пятнами пошло. «Сколько же в него влезло, – с тревогой поглядывая на него, думал Искендер, – как бы не лопнул». Это вон в бочонки в красных рубахах немерено еды натолкать можно, а мишоппа, вроде, маленький совсем, плюгавый, куда ему столько. Но ест, остановиться не может, все подряд в рот тащит: виноград, пахлаву, чернослив, белый сыр, орехи. Перемалывает все, как мышь, быстро-быстро, в такт только усы и кончики ушей дергаются. Глаза уже кровью налились, блестят от жадности.

– Абабиль! – не выдержал Искендер, пихнул его локтем. – Лопнешь, не надо...!

Тут мишоппа вдруг как очнулся. Жевать перестал, голову над тарелкой поднял: на лбу испарина выступила, видно, плохо ему. Что во рту было, с трудом проглотил, кадык кверху поднялся, рыгнул громко, на спинку стула откинулся.

– Что ж ты... проклятый... раньше не остановил... – отдуваясь, сказал он и шапочкой пот со лба смахнул. – Еще немного...и-и-к! (икнул он) ...как пузырь... и-и-к!

– Откуда же я знал!

– ...лопнул бы... кишки по двору раскидал. Ой... худо мне... мед подай...

– Опять есть будешь?!

– Мед нужен... – глаза у Абабиля из орбит выпучились, как у лягушки в лодке, – ...быстро...

– Да зачем тебе еще мед?!

– Неси...! – с трудом выдохнул Абабиль.

Искендер вскочил с места, вокруг стола обежал, нашел миску с медом и бросился обратно к мишоппе. Тот миску у него сразу выхватил, голову назад запрокинул и стал лить мед прямо себе в рот. Искендеру страшно стало. Может, мишоппа от еды умом тронулся, попытался он даже из рук у него миску выхватить, но Абабиль в нее намертво вцепился. Только когда наполовину мед в себя влил, успокоился, обмяк, с лица краснота стала постепенно сходить.

– Фу! – сказал, причмокивая липкими губами, – успели!

– Чего успели?

– Так еда обратно изнутри поперла...! Думал, все обратно вывалится...! А так вовремя медом глотку запечатали. Теперь не убежит. Вот был бы позор, столько продуктов зря извести...! А так, хорошо... и-и-к! Осядет помаленьку. Завтра с утра еще столько же съесть смогу...

Расстегнул он куртку, поглядел на свое выступившее пузо. Впору с дэвами-детьми мериться, у кого больше. Крякнул мишоппа, хотел со стула подняться, но так обратно на место и плюхнулся без сил.

– Эх, – сказал он, хлопая в ладоши в такт музыке, – жалко, ноги не держат, последние сто граммов лишние были, а то бы сплясал сейчас под этот тарарам! Как это они проклятые сами от него не глохнут?

Искендер прыснул со смеху, но так, чтобы для хозяев незаметно. Неудобно, все-таки.

Асиф аккордеон свой вдруг на землю опустил, лапу поднял и рыкнул:

– Пора уже!

Тотчас музыка смолкла, раскрасневшиеся дэвы с мест повыскакивали и, расталкивая друг друга, бросились в дом. Уж насколько входные двери были широкие, но и то затор образовался. Во дворе одни старшие остались сидеть.

– Ты тоже помогай, раз уж пришел! – подмигнул Асиф Искендеру. Искендер вопросительно глянул на мишоппу.

– Давай, давай...!

Искендер неуверенно поднялся и к дому пошел. А оттуда младшие дэвы уже тащили кто во что горазд: стул, табурет, ковер, – и все в одну кучу сбрасывали. И не жалко им! Видно же, что мебель хорошая, добротная, но они как с ума посходили. Тащат, смеются, трое бочонков диван волокут, диван огромный, не всякому грузчику под силу. Искендер опасливо в дом зашел, из просторной прихожей на шум в гостевую комнату попал. Что здесь творится! Дети в красных рубахах даже занавески с окон срывают, хватают все, что под руку попадается. Комната уже почти пустая. Ну и он подушку какую-то нашел, с ней и вышел.

Куча из мебели выросла огромная. Вокруг нее Васиф золотозубый ходил, собирал все покомпактнее, ногами приминал, чтобы она в высоту, а не в ширину расползалась.

– Хватит? – глядя на все это, спросил старший брат и одним глотком в себя чай опрокинул из армуды. А этот армуды у него в пальцах, ну, точно наперсток. В него-то, пожалуй, и самовар целый влить – мало будет.

– Хватит! – эхом ответил золотозубый. Голос у него, как из колодца.

– Тогда пора! – сказал Асиф. – Звезды хорошие.

Младшие дэвы бросились к куче, старшие за ними, встали кругом. Избавившись от подушки, Искендер вернулся обратно к столу.

– Чего это они? – спросил он шепотом Абабиля, который хоть и не ел уже ничего, но жадные глаза от еды не отрывал.

– Т-с-с-с... празднуют.

Дэвы вокруг кучи замерли, тихо во дворе стало. Слышно было, как деревья вдоль ограды голыми сучьями поскрипывают. Где-то там вроде дома, улицы, машины, люди, но во дворе этом будто и не в городе находишься. Может, потому, что ограда такая высокая.

– Готовность номер один! – пробасил Асиф, а потом как заорет: – Оп-па...!

И тут все семейство принялось вдруг шумно сморкаться на кучу мебели! Перегнулись пополам, кто одну ноздрю пальцем зажмет, кто еще и уши заткнет, да еще с каким-то хрюканьем. Громче всех, конечно, старшие, особенно Васиф, трубит просто, как слон в Индии. Ну и остальные не очень от него отстают. Сморкались, сморкались, пока Искендер растерянно на них глаза пучил. А Абабиль посмеивался:

– Смотри, что сейчас будет! Вот, вот, идет уже!

И вправду: первым у старшего брата получилось – из ноздрей, как из газовой горелки, синим огнем полыхнуло! Он на радостях закричал, дети следом завопили. Потом у кого-то еще вышло, и началось. Вначале огонь у них выходил слабенький: маленький язычок из ноздрей выглянет, пошипит и быстро погаснет. Но постепенно все сильнее и дольше. А когда у золотозубого Васи́фа сработало – целый столп пламени сразу! – занавеска в куче занялась, задымила!

– Ур-р-а! – вскочил с места мишоппа и вверх шапочку свою подбросил. – Нутрянной огонь добыли...!

– Ура! – закричал Искендер, тоже обрадовавшись. Только теперь дошло до него, чем там дэвы занимались.

– Гора Демавенд рулит...! Эй! Эй! – все еще пьяный от еды орал мишоппа, покачиваясь на нетвердых ногах.

– Оп-па! – рыкнул огнем Асиф, руки вширь раскинул и, сморкаясь пламенем, пошел, притоптывая в пляс вокруг разгорающегося костра. Семейство за ним двинулось. В такт то одной ногой, то другой топают, будто землю совсем растрясти хотят, песню затянули басисто:

*Мы как горы, мы как скалы,
В брюхе плавим мы металлы!
Хоп, хоп, хоппа-ла!
Демавенд проснулся вновь,
Закипает в жилах кровь!
Хоп, хоп, хоппа-ла!
Для священного костра
Пламя рвется из нутра!
Хоп, хоп, хоппа-ла!*

И чем сильнее их топот, тем больше огня из них прет. Уже не только из ноздрей, изо ртов полыхает, кто-то из младших – ну, просто безобразие! – красную рубашку задрал, штаны приспустил, к костру спиной повернулся и из зада такую струю огня дал, что диван в куче, как свеча, загорелся. Дэвы хохочут, вокруг костра побежали, топают, сморкаются, плюются, оранжевое пламя в широкие завитушки скручивается, в небо рвется, гудит, младшие безобразничают как могут, из мягких частей уже и друг в друга палят, не стесняясь, старшие им на ходу затрещины отвешивают, за уши таскают – за волосы не ухватить, попробуй, справишься с их кудряшками. Дым, копоть, у кого рубаха занялась, у кого ленты на макушках. Искендер за живот держится, хочет, глядя на все это.

– Эх, как бы пожар не устроили...! – ворчит мишоппа. – Завязывали бы уже топать, неумные! Догадываешься, чего это они все время топают...? Жилу подземную трясут! Как бы извержения какого-нибудь не случилось...

Костер, конечно, получился высший класс! Но горел как-то аккуратно, не расползаясь, больше в высоту. Да и Асиф с Васифом хоть как будто и плясали бездумно, а за огнем присматривали. Если что-то, обгорев, валилось по сторонам, обратно в костер ногами зашвыривали. Долго дэвы танцевали. Кто им что скажет? Огненный Вторник – их день. Уже и смотреть на них наскучило. Когда вся мебель почти выгорела, принялись они через оранжевые угли прыгать, поодиночке и парами, а то и по трое, взявшись за руки. Между тем мишоппа стал опять исподтишка к печеному тянуться, пришлось Искендеру за ним присматривать, чтобы опять не объелся до беспамятства.

Устали они, наконец, плясать и прыгать, да и костер, считай, догорел. Угли одни остались от всей мебели: красивые, как драгоценные камни. Ринулись дэвы к столу. Лица в саже, у детей от красных рубах одни дымящиеся лохмотья остались, ленты у девочек все в огонь попадали, теперь их от братьев никак не отличить. Лица такие же круглые, кудряшки такие же каракулевые. Набросились дэвы на еду, за обе щеки печеное с орехами заталкивают, хрумкают, чавкают, за несколько минут со стола все подмели, вазочки с вареньем вылизали – мыть после них не надо. Еды было, вроде, столько, что свадьбу впору собирать человек на сто, ничего не осталось. Одни крошки. Самовар три раза по новой наполняли.

– Мне бы их желудок... – грустно вздохнул мишоппа, оглядывая пустые блюда.

– Ну... – сказал в этот момент через весь стол Асиф, глядя на Искендера. – Как такси, на ходу?

– На ходу! – кивнул Искендер, смущаясь тем, что все семейство смотрит на него, вывернув головы, сколько щеки позволяют.

– Эх! – тяжело вздохнул Асиф, перекидывая в толстых пальцах четки, и поскреб волосатую грудь, торчащую из дыры в обгорелой рубахе. – Знаю я все про ваши дела...

С другого конца стола золотозубый Васиф Искендеру ободряюще улыбнулся.

– Ладно, ты не бойся, поможем по-соседски. А ну, Абабиль, покажи, чего там принес, пока огонь совсем не догорел!

Мишоппа выскочил из-за стола и бросился к Асифу, доставая из-за пазухи стеклянный пузырек. Взяв пузырек в руки, дэв стал разглядывать его на свет. Затем, почмокав лиловыми губами, вскинул бровь и снова на Искендера уставился:

– Правда, что ты в колодец полез?

– Правда! – ответил Искендер гордо. Круглолицые дэвы, как по команде, все опять обернулись к нему с открытыми ртами и одобрительно закивали головами, будто китайские болванчики.

– И жабу видел?

– Чуть не сожрала.

Асиф опять почмокал губами.

– Молодец! – сказал он. – Не испугался.

Стоявший за спиной у него мишоппа суетливо замахал руками:

– Да он ничего не боится, брат-дэв!

– А чего же больше не набрали? Это молоко такое, что в хозяйстве всегда пригодится...

– Так, брат-дэв, пока туда, пока сюда... В следующий раз...

– Ты погоди! – строго осек его Асиф. – Где дэвы говорят, мишоппа молчать должен. Твое дело древесное.

Мишоппа замолчал и отступил назад, стреляя исподлобья глазами. Асиф помолчал немного, продолжая разглядывать пузырек, затем кивнул брату:

– Давай!

Золотозубый Васиф снова расплылся в улыбке. Своей огромной пятерней он стал тщательно сгребать со скатерти крошки и, набрав их целую кучу, поднялся и пошел к мерцающим углям, шаркая тапочками по плитке. Младшие дэвы повскакивали, было, с места, но мать их прикрикнула на них, и все снова вернулись за стол. Самые младшие забрались с ногами на стулья и тянули круглые головы, чтобы лучше видеть, что делается у остатков костра. Тем временем Васиф, присев на колени, стал высыпать крошками дорожку от углей к столу. Покончив с этим, сходил он к навесу справа от дома, под которым был припаркован черный микроавтобус, и вернулся оттуда с поленом. Между прочим, навес хоть был и вровень с первым этажом дома, заходя под него, пришлось Васифу наклонить голову, такой он был высокий! Положил полено на угли, задышал на него огнем изо рта, пока оно с треском не занялось, а уж потом отошел в сторону.

– Т-с-с-с! Чтoб ни звука...! – прошептал Асиф, глядя на детей. Все замерли. Полено горело, темнея в веселых языках пламени. Охватив его со всех сторон, огонь постепенно вытягивался в высокий аккуратный лепесток, отблески которого золотили стены дома, ограду, голые гранатовые деревья. Искендер стоял, не шелохнувшись, возле своего стула, когда в огненном лепестке стал медленно проступать силуэт чудесной птицы: сначала показалась лебединая шея с аккуратной головкой, украшенной вверху чем-то вроде короны. Глаза у нее были крупные, клюв маленький, напоминала она в профиль чем-то голубку, только больше, изящнее, царственнее. А потом показалась и широкая грудка. Покачиваясь вместе с лепестком огня, птица вытянула из пламени прозрачную голову, будто трехмерная компьютерная проекция, клюнула крошку на земле, и стало видно, как, вспыхнув желтым огнем, крошка провалилась в ее прозрачное тело. Клюнула она другую крошку, потянувшись за третьей, выступила лапкой из пламени, тут оглушительно лопнуло полено у нее за спиной, сноп искр фейерверком выстрелил в небо, чудесная птица, сатане от жадности, не отрываясь, склевывала крошки, следуя за ними к столу. И чем дальше она отходила от костра, тем быстрее ее тело теряло прозрачность, и сама она как-то уменьшалась в размере, изменялась. Когда была она уже на половине пути, выскочил из укрытия Васиф, накрыл ее своей огромной лапой и поднялся, довольный, щерясь во весь свой золотозубый рот. В руках у него испуганно кудахтала огненно-рыжая несущка.

– Ура! – завопил мишоппа.

– Ура! – завопили дети, бросаясь к Васифу. Но тот курицу им трогать не давал, держал двумя руками у груди, пальцем голову поглаживал, успокаивал, уворачиваясь от толстых детей.

– Есть Симург! – приплясывал мишоппа. – А ты говорил – не бывает...! Жадность, брат, и Симурга губит!

– Давай ее сюда! –скомандовал Асиф, а потом рывкнул на детей. – А ну, не трогайте птицу! Она сейчас вся перепуганная...

Васиф к брату подошел, курицу на стол поставил, но, чтоб не убежала, рукой придерживал, а та, заметив на скатерти крошку, шею вытянула и ее склюнула. Асиф птицу оглядел, крыло ей одно оттопырил, покачал недовольно головой, языком поцокал:

– Ты посмотри, что творится! Все испортилось! Раньше Симурги килограммов на двенадцать попадались, а в хороший год – и на четырнадцать можно было вытащить! С жирком. Крылья расправит – света не видно.

– Да! – кивнула его жена, насыпая перед птицей крошек. – Точно! А какое перо было! Таким пером подушки набивали. Одно удовольствие. Это тебе не дешевый полон.

– Мелочь какая, – вздохнул Асиф, глядя на жену. – Перед людьми неудобно, на суп и то не хватает.

– Это смотря, с чем суп варить! Если с вермишелью и макаронами – отлично наесться можно! – подскочил к расстроенному Асифу мишоппа. – Да что ты, брат-дэв! Куда нам большую! Нам и эта в самый раз!

– О чем ты говоришь, Абабиль! Раньше они другие совсем были! Выйдет из огня красавица – огромная, красная, с короной на голове, шея длинная, как положено... Ни с каким лебедем не сравнится. А эта что? Тьфу!

– Может, крошек больше надо было? – спросила жена.

– Причем тут крошки! Народ обмельчал, а с ним и симурги! То ли дело раньше...

– Так раньше и дэвы овощами не торговали, – хитро улыбаясь, вставил мишоппа...

Ушли они от дэвов вскоре после этого. Посидели еще полчаса для приличия, слушая, как Асиф про старые времена вспоминает, и пошли. Когда у ворот уже за симург благодарили и прощались, Асиф Искендера в сторону отвел и сказал, пристально глядя глаза в глаза:

– Что здесь было, никогда и никому не рассказывай! За тебя мишоппа поручился, имя свое в залог оставил! У нас с этим строго.

– Кому я расскажу? Все равно никто не поверит...! – весело ответил Искендер.

– Мое дело предупредить. Кормите птицу побольше, может, еще вырастет....

Курицу посадили в коробку. Накидали ей туда хлебных корок, и всю дорогу до школьного двора она без устали их расклевывала. Мишоппа был весел, прикалывался над дикостью дэвов, над тем, как они вокруг костра плясали, но, как только впереди замаячил Карагач, спрятанный позади школы, вдруг почему-то разволновался.

– Что-то не так! – сказал он, остановившись и подозрительно оглядывая темный силуэт дерева впереди. – Чувствует мое сердце!

– Что не так?

– Не задавай дурацких вопросов. Откуда я знаю! Просто чувствую, и все.

Сорвавшись с места, пошел он быстрым шагом, потом и вовсе пустился бежать. А Искендер за ним, едва поспевая из-за коробки в руках, в которой симург от тряски раскудаhtался.

– Ай-ай-ай! Так и знал ведь! – причитал мишоппа.

– Да что там такое?

– Неужели не видишь?! Пепел на мою голову...! Связался с тобой...

Они были уже в нескольких метрах от Карагача, но Искендер по-прежнему ничего особенного не замечал, а мишоппа стащил с себя на бегу куртку, бросил ее на землю и побежал еще быстрее.

– Куртку захвати! – крикнул он, не оборачиваясь. Пришлось Искендеру остановиться и подобрать ее. Куртка оказалась тяжелой и почему-то, помимо всего прочего, сильно пахла корицей и сдобой. Домчавшись до Карагача, Абабиль, словно обезьяна, вскарабкался на него и, продолжая причитать, стал отчаянно трясти ветки над головой и хлопать по ним. – Сожрут все, сволочи такие...! Ах, ты, гадость какая...!

– Что там? – запыхавшись, Искендер опустил коробку на землю, скинул с плеча куртку мишоппы. – Гусеницы, что ли?

– Они, проклятые! Со всех сторон... Сколько их тут...!

– Да как же ты увидел издалека?

– А молоко из колодца для чего? – фыркнул мишоппа, скидывая с веток гусениц. Сыпались они целыми выводками на землю, а из-за того, что в темноте их не видно, казалось, будто крупный дождь барабанит. Несколько штук хлопнулись на бейсболку Искендера. – В глаза по две капли с утра, и лучше любого телескопа видеть будешь...

– Как же ты ... Не смей трогать молоко! – похолодел Искендер. – Это для хлеба!

– Там на целый магазин хватит... – свесился вверх ногами с ветки Абабиль. – И не стыдно тебе, скажи? Десять капель бедному мишоппе пожалел!

– Так ты еще и дэвам целую бутылку дал!

– Какая бутылка! Пятьдесят граммов всего им отлил. Бутылка им жирно будет. А как же ты хотел, братец... – сделав какое-то мудреное сальто, мишоппа уселся на ветку и принялся болтать в воздухе ногами. – Никто за просто так делать ничего не станет. Не положено. Что дэв, что хортдан, что самый никчемный мишоппа... Такие правила. Правила не я писал. Их еще до того, как колодец выкопали, умные головы сочинили. Ты сам подумай, какой нам резон вам просто так помогать?

Недобро сверкнув в темноте глазами, мишоппа ухватился за ветку над головой и полез куда-то вверх.

– Сколько же их тут, проклятых...! Куртку подними, вся еда попортится...

Подхватив с земли куртку, Искендер подозрительно заглянул в ее карманы: сразу стало ясно, отчего это она пахнет корицей – все карманы, даже на рукавах, были под завязку набиты печеным и сладостями со стола дэвов.

– Все-таки стащил! – рассмеялся Искендер.

– А как же! Нечего им обжираться, когда бедный мишоппа с голоду пропадает. Рожи видал какие отъели? В окно не помещаются... Ты, братец, не стой без дела, гусениц собирай и симургу в коробку бросай, пусть протеин получает.

– Слушай, – сказал задумчиво Искендер, – это правда, что ты дэвам имя свое под залог оставил?

– Оставил, – донеслось из кроны Карагача. – По-другому не соглашались.

– И что будет, если... ну, вдруг... проговорюсь?

Абабиль долго не отвечал, только было слышно, как он, перебираясь с ветки на ветку, стряхивает вниз гусениц. Наконец, он высунул голову из-за широких листьев и сказал очень серьезно:

– Плохо тогда будет, брат. Очень. Останусь я без имени. А безымянный мишоппа, как безродная собака, каждый обидеть может. В приличном обществе не покажешься. Будут гнать отовсюду. И деревья могут лишиться. Придет какой-нибудь засранец с именем, предъявит тебе в письменной форме бумажку, двумя свидетелями обязательно подписанную, что дерево тебе уже не принадлежит, и все! Бумагу тогда в карман, собирай барахло и в двадцать четыре часа освобождай Карагач! Ищи себе новый. А где ты их теперь сыщешь? После такого даже у родственника угол не

снимешь, какой придурок тебе угол сдаст, когда у тебя вместо имени одно пустое место! Становишься ты тогда, брат, по-нашему, – недоговороспособным. Бомж, короче. Даже хуже, бомжа-то хоть звать как-то, а тебя нет.

– Ты не бойся, Абабиль, я никогда не скажу! – стал его горячо заверять Искендер. – Даже если резать будут! Убивать...! Никому не скажу! Клянусь!

– Да что ты так разволновался! Говори, кому хочешь, пусть подавятся! У меня этих имен, знаешь, сколько...? Целых девяносто девять! Одним больше, одним меньше! Родитель покойный предусмотрительный оказался. А имя Абабиль, между прочим, мне никогда не нравилось. Не звучит. Уж лучше Кухейль. И звучно, и модно...

Глава двенадцатая

Третий Вторник (Ветер)

И потянулась еще одна неделя. И даже медленнее, чем прошлые две. Прямо, как резина. Полдела уже, считай, сделано, а снова приходится ждать. Только бы добраться до четвертого вторника, хлебец испечь... Тут уж, сами понимаете, совсем не до школы. Какие там занятия, голова только одним занята. Мама почти прозрачная стала, кожа на руках словно бумага, каждую вену на свет разглядеть можно. Про докторов, про лечение уже и не говорят, вздыхают, шепчутся. Одна беспоконная Марьям-ханым не сдается, подбадривает, как может, каждый день разносолы им носит. Кому их есть, спрашивается? Перед Искендером тарелку наложит, стоит над душой, чтобы все до крошки проглотил, про дела его расспрашивает, шутит, сама смеется, а потом вдруг шепотом гадалку проклинать начинает, да так яростно, с такой злобой, что очки на носу запотевают. После спохватится, с тревогой по сторонам оглянется, нет ли где лишних ушей. У самой глаза за очками нервно моргать начинают. А паук тут как тут, все время где-то рядом крутится. То над плитой покажется, то в ванной из раковины выглянет, то по люстре проскользнет. Покажется и исчезнет. Долго на виду не задерживается. Сколько раз Искендер его пришибить пытался. Хитрый арахнид! Всеми восемью глазами по сторонам глядит, все время начеку. Только подберешься к нему, замахнешься, а он скользнет по нити и в дыру какую-нибудь забьется. И что с того, что Марьям-ханым не велит его трогать, сказала: прибьешь, только хуже будет. Но куда уже хуже, скажите мне? После колодца, нюхача и жабы Искендер ничего уже не боится, злость в нем одна осталась. Если бы делу помогло, он и гадалку бы, наверное, прибил, глазом не моргнул. Но если мишоппе верить, пользы от этого никакой. Заклятье это не снимет, наоборот, оно только крепче станет и еще, вдобавок ко всему, по его словам, «расползаться начнет так, что полмикрорайона накроет». Поди пойми, что это значит... Зато стоит Искендеру мимо ее двери пройти, тотчас откуда-то кошка берется и прямо ему под ноги кидается. Черная, как уголь. Издали смотришь, вроде нет ее, но только приблизишься, она из какой-нибудь тени выскакивает. Иногда сразу две, прямо под кроссовки лезут, шипят, того и гляди с лестницы скатишься. А в один из дней встретила она его опять у калитки в огород. Лицо белое, глаза злые, бешеные, улыбнулась ему нарисованными губами, спросила, вроде, ласково: «Как Джамбия, Искендер? Все соседи за нее переживают. Скоро ли на ноги встанет?», но в голосе насмешка. И двойняшки за оградой противно хихикают. Знают же прекрасно, что Джамбилю в день по два раза от боли лекарствами колют, после которых она как неживая делается. Искендер только зубами скрипнул, голову опустил и мимо прошел.

Страшнее всего по ночам. С того сна все и началось. С кошкой. Теперь в одно и то же время, в половине второго (по электронному будильнику на столе сверяться можно), просыпается он оттого, что в комнате с ним есть кто-то еще. Откроет глаза, лежит, взглядом темноту ощупывает. Вроде никого нет, а чувствуешь, что есть. То по-

ловица скрипнет, то тетрадка с края стола на пол слетит, то дверь шифоньера чуть приоткроется и как будто по вещам кто-то шарит, а то непонятная тень по стене скользнет. Скользнет и затаится в углу. Дышит, только очень тихо, почти неслышно. Вскочишь с места, включишь свет, в углу никого нет, только темное пятно от чужого присутствия осталось. И пока пятно не сойдет, стена в том месте, как ледяная, пальцы обжигает.

Кое-как дотянул Искендер до субботы. Опять немного беспокоиться начал. От мишоппы за всю неделю ни слуха. И вообще, если не считать нюхачей, которые за ним по пятам ходят, дни проходят одинаково и скучно. А к нюхачам он уже привык. Раньше один Лятиф таскался, теперь у него напарник нарисовался. После школы выйдешь – стоят вместе около девятиэтажки. Длинный Лятиф в шарф кутается и стоит неподвижно, а энергичный толстячок все время приплясывает на месте. Под правым глазом у него фиолетовая родинка размером с лесной орех, и нос, в отличие от ботаника, не длинный, а как картофелина. Зато взгляд у обоих одинаковый, блуждающий, будто не в себе они. Ближе они не подходят, держатся на расстоянии, проводят аккуратно до дома, потом ботаник исчезает куда-то, а толстячок допоздна у подъезда крутится: то на бордюре посидит, то от подъезда к подъезду ходит, и даже когда его в окно не видно, Искендер знает точно: притаился где-то рядом, потому что стоит ему из дома выйти, толстячок тут как тут. Одна только странность с ним: Лятиф, как собака, нос задрал, ходит, воздух нюхает, а этот вроде нет, больше глазами по сторонам шныряет. Видно, какая-то новая разновидность. Не зря ведь мишоппа предупредил, что Кебире – на гадости тетка изобретательная (сколько же еще таких по городу ходит, может, целая армия?).

В субботу утром послала его Марьям-ханым к дэвам в лавку.

– Сынок, – говорит, – сбегай к Асифу. Забыла купить кое-что.

Смотрит она на него, как всегда, поверх очков, но очень уж странно. С любопытством, что ли, словно в первый раз видит.

– Конечно, – отвечает Искендер, – чего купить надо?

– Чего купить...? – задумалась вдруг соседка и голову как-то вбок наклонила, продолжая Искендера разглядывать. Чего это с ней, спрашивается?

– Скажи-ка, милый, – сказала она, наконец, шепотом, – а откуда ты Вахаба знаешь?

– Какого Вахаба? – Искендер замер, только сердце так заколотилось, что самому слышно стало.

– Вахаба, родственника моего, моряка? – в золотистых глазах Марьям-ханым искорки сверкнули. Искендер облизал пересохшие губы, замотал головой, хотел сказать, что не знает никакого Вахаба, но не успел, Марьям-ханым, вздохнув, еще тише сказала:

– Ладно, все равно ведь соврешь.

А потом засуетилась, всплеснула полными руками и уже обычным своим голосом говорить стала:

– Чего же купить надо было...? Представляешь, забыла! Сюда шла, помнила, а сейчас прямо из головы выскочило! Вроде пучок укропа нужен был. Ну, да! И ведь еще что-то... а что? Совсем старая стала!

Искендер молчит, не знает, что отвечать.

– Как же теперь быть? И ведь нужная очень вещь... Дай вспомнить...

– Может, потом тогда?

– Хм! – уткнула она руки в бока. – Нет, сынок, мне срочно нужно было. Очень!

Прямо сейчас нужно! А мы вот что сделаем...

Достала она из кармана фартука свой мобильный.

– Бери мой телефон и иди, а я к себе спущусь, из дома надиктую. Давай, давай!

И на звонок сразу отвечай!

Такой вот странный разговор у них получился. Однако за эти недели Искендер много чего странного уже видел. Не сказать, что привык, но меньше стал вопросов задавать.

У квартиры гадалки опять целая толпа собралась. И двойняшки там стояли со списками своими. Как увидели его, хотели прицепиться, наморщили губы бантиком, та, что с родинкой на левой стороне, специально на дороге встала:

– С наступающим...

Но он уже церемониться не стал, боднул ее головой и протиснулся мимо:

– Дай дорогу!

Сестры прямо опешили на мгновение, а уж потом затараторили ему вслед наперебой:

– Хулиган...

– ...невоспитанный!

– На него...

– ...посмотри...

– ...бессовестный!

А Искендер, пока в подъезде народ не очухался, выскочил и побежал, не оглядываясь. Плевать теперь на этих ведьм! Следом сразу толстячок с родинкой пристроился. Ему с его пузом бежать тяжело, но старается, потеет, рукавами куртки со лба испарину смахивает.

Солнце высоко висело. Двор все еще грязный после зимы, но чувствуется, чувствуется весна! Пахнет ею! Даже тросы на башенном кране за оградой как-то веселее вверх бегут.

Не успел он проскочить мимо помойки, как рядом с тем местом, где он в первый раз Карагач увидел, мобильный Марьям-ханым заверещал, завибрировал у него в кармане.

– Слышь? Жирную корову, брат, по шкуре узнаешь... – услышал он в трубке знакомый голос.

– Чего? – растерянно спросил Искендер.

– Чего «чего»? – даваясь от смеха, спросил Вахаб. – Говорить с тобой хотят!

– Але...?

– Как живешь, братец...?

– Абабиль...? Ты, что ли...?

– Да я... я...кхе-кхе... – закашлялся мишоппа. Голос у него был сиплый, простуженный. – Такая зараза на меня напала. Простыл совсем после этих дэвов. Умираю...

Тут мишоппа принялся безостановочно чихать, а Вахаб громко подбадривал его после каждого раза:

– Машаллах, ну-ка еще, брат, для ровного счета!

Начихав, кажется, до одиннадцати, Абабиль не выдержал:

– Да замолчи ты, наконец, проклятый! Видишь, останов... апчхи! ...иться... не могу!

– Абабиль! – крикнул Искендер

– Подожди... один мощный идет... сейчас... сейчас... А-а-а... – Искендер невольно трубку от уха отвел. – Апчхи...! Ой, сдохну! Ничего не помогает! Пачку аспирина с хлебом съел...И Карагач мой совсем разболелся. Гусеницы до костей объели...

– Весь телефон заплевал! Ты это, брат, как говорится... только в море, сколько ни черпай, не убудет, а у меня там всего тридцать копеек на счету осталось. Закругляйся, – встрял опять Вахаб.

– Да понял я! Дай поговорить нормально, семимесячный, что ли...! Искендер, в этот раз тебе самому все делать придется...

– Почему? Я какие-нибудь лекарства достану.

– Не надо, слушай лучше. С этим делом и без меня справишься. Запоминай. – Говорил мишоппа с трудом, в горле у него все время что-то хрипело и булькало. – Следующий Вторник темный. Ветер Воду волнует, кормит Огонь, пробуждает Землю. В этот Вторник тех поминают, которые уже в земле лежат...кого уже нет с нами. Не про хортданов говорю, их поминай, не поминай – туда и обратно бегают, как при- спичит... В этот Вторник за теми придут, кто в эту самую землю скоро уйти должен...!

От этих слов у Искендера мороз по коже. Сразу понял, о чем мишоппа ему го- ворит. Молчит, трубку изо всех сил к уху прижимает, чтобы ни одного слова не про- пустить.

– Поэтому вечер будет темный и страшный. Соседка твоя... Марьям... даст тебе лампу. Керосиновую. Загни ее за пять минут до полуночи, не дай погаснуть до утра. Что бы ни случилось, не дай погаснуть! Слышишь...? Все, кто явится этой ночью, должны найти свой путь обратно. Обязательно! Туда, откуда пришли. А если погас- нет лампа, будет беда, брат...

– Абабиль, – снова влез моряк, – контуры кончаются! Что вы, в самом деле, фраера нашли? Без связи меня оставить хотите? На одного осла двое не садятся...

– Ничего не бойся, – с трудом продолжал мишоппа, не обращая на него вни- мания. – Помни, те, кто придет, только с виду страшные, а так – фуфло одно. Де- шевки! Понял? Весь год под плесенью и по подвалам прячутся, ночами по переулкам шастают, как безродные. Один день в году им только и позволено рожи свои отвра- тительные на свет показать. Ты их совсем не бойся. Ничего они тебе не сделают. Место надежное в доме найди, спрячься и сиди там тихо. А они пошумят, попугают и уберутся с концами. Главное – лампу береги, брат! Не дай задуть! Спрятаться най- дешь где?

– Абабиль...

– Найдешь! – отрезал мишоппа. – Ты парень сообразительный. Придумаешь. Колодца не испугался! А жаба ведь пострашнее была...Да, забыл совсем: соседка твоя, Марьям, ничего толком не знает, только лампу тебе передаст. Ничего ей не го- вори! Ты...

– Контуры...! – завопил Вахаб, и тут из трубки послышались отбойные гудки.

Убрал Искендер телефон в карман, оглянулся: над краем мусорного бака, за ко- торым прятался толстячок с родинкой, торчали его выставленное вверх красное ухо и крытая кепкой макушка. «Может, этот еще и слухач...?» – рассеянно подумал Ис- кендер, заново прокручивая в голове все сказанное мишоппой.

Долго Марьям-ханым к двери шла. Только с четвертого звонка открыла, молча впустила в коридор, а сама на кухню вышла. Искендер, конечно, сразу к зеркалу под- скочил, стал раму разглядывать: люди, животные, повозки из темных завитушек вы- глядывают, всех не упомнишь. Кто-то вон осла за узду тянет, на арбе с мешками женщина сидит, трактор какой-то, мужичок в кудрявой папахе на ходулях через ручей переходит, над треугольной крышей дым клубится, щекастый мальчик на птице летит, снизу мужчины головы задрали, на него смотрят, а на плечах у них вроде похорон- ные носилки. Много еще чего есть разного. Фигурки мелкие, вглядываться надо, вот только там, где раньше человек с хитрым прищуром из-за ветвей дерева выгля- дывал, – одно пустое место. Гладкое, только пониже кучка сухих листьев осталась! А ведь был там человек. И дерево было. На этот раз точно не мог он перепутать!

Вернулась из кухни Марьям-ханым с керосиновой лампой. Хоть и старой, но красивой. Протянула ее Искендеру.

– Держи вот. Просили тебе передать. Керосином заправила до краев. На всю ночь хватит. Как зажигать, знаешь? Плафон снимешь, – стала она показывать, – вот тут подкрутишь, только немного, чтобы фитиль вылез, подождешь, а когда займется, плафон на место поставишь. Несложно.

– Спасибо! – кивнул Искендер. – У бабушки похожая была. Пойду я...

– Подожди, – остановила его соседка, – слушай, что скажу. Зачем тебе лампа, и спрашивать не буду...

Помолчала она немного, будто раздумывая, что сказать, а потом наклонилась к Искендеру очень близко, глазами своими странного цвета прямо на него уставилась:

– Не знаю, сынок, что вы там задумали, но если станет совсем уж страшно, ты... в грудь воздуха набери, сколько можешь, поддержи и выдохни! Прямо изо всех сил дуй! Понял...? Мать моя меня так учила.

Последние два дня пролетели быстро. Лучше, чем первые пять. Лампу он в шифоньер убрал, поглубже. Там же и спрятаться решил после полуночи, когда «гости» нагрянут. Другого места в его комнате нет. Можно под кровать, но как там с лампой поместиться? Еще матрас подпалит. Стащил Искендер у отца зажигалку. На всякий случай с кухни еще коробок спичек взял. Короче, подготовился. Конечно, у себя дома – это тебе не в заброшенный колодец спускаться, но все равно жутко. Там хоть мишоппа рядом был, подсказывал, что делать, а тут... Мало ли кто явится ночью? Вдруг еще страшнее рептилии. Да и сколько их будет? Хорошо, что скоро каникулы начнутся. Надоело в школу с нюхачами за спиной ходить. Лятиф, правда, все реже появляется, а толстячок с родинкой на боевом посту каждый день. И каждый вечер. Когда же это он отдыхает? Или нюхачам отдых не нужен? И сейчас там стоит, глазами в окно уперся, семечки грызет и приплясывает. Зря, конечно, он башмак Афлатуна выкинул. С ним бы поспокойнее было.

Вечером на вторник зажгли свечи после ужина. Стали телевизор смотреть. Мама на диване прилегла, улыбается Искендеру, но невесело совсем.

– Волосы у тебя уже немного отросли... – ерошит она ему голову. – Какой красивый ты у меня. Девочки по тебе будут сохнуть... Выберешь самую хорошую...

– Сама ему выберешь, – обрывает ее отец, но, кажется, и сам своим словам уже не верит. Да и как верить, когда смерть по квартире в открытую ходит. Не стесняется больше, не прячется за шторами, не таится. В каждом зеркале за спиной отражается, из каждой тени скалится. Разбудила ее проклятая ведьма раньше времени, попробуй теперь, выгони ее из дома.

Свечи на подносе горели ровно, фитильки желтые, аккуратные, вокруг горками сухофрукты, орехи, всякие печеные сладости навалены (спасибо Марьям-ханым!), по телевизору счастливые женщины пляшут, а у Искендера от страха перед ночью сердце сжимается.

– На кладбище так и не выбрались. Нехорошо, – сказала мама, присаживаясь к столу.

– Ничего, в следующий раз пойдем, – отвечает отец, прихлебывая чай.

– А нужно было сегодня. Будет ли следующий раз...

– Да хватит тебе уже! Сколько можно...! Что вчера доктор сказал? Все идет, как надо...

– Не злись... – мама вдруг наклонилась и провела пальцами по фитилькам свечей: пальцы ее в огне стали похожи на восковые, того и гляди растают.

– Не обжигает, – улынулась она Искендеру. – Сам попробуй.

Он за ней повторил, руку сквозь огонь провел.

– Не обжигает.

Выбрала она с подноса несколько ягод *ийде*:

– Когда была маленькая, насаживала их на спички и жарила на свече.

Искендер *ийде* терпеть не может. Ну что это, спрашивается, за ерунда такая: кожица глянцевая, будто пластмассовая, а укусишь, как мука внутри, весь рот вязнет, только косточка приятная, мягкая. Но до нее еще добраться надо. Но сбегал Искендер на кухню, принес коробок спичек, стал *ийде* на спичку, как шашлык, нанизывать и держать над огнем. Обгорая, кожица чернеть начала, затрещала, задымила.

– Пожар устроите, – проворчал отец.
– Пойду лягу, голова кружится...
– Помоги матери.
– Ничего, не надо. Я сама. – Опираясь на край стола, она с трудом поднялась, сутулясь по-старушечьи, пошла медленно в спальню, обернулась на пороге: – Только свечи сегодня не гасите. Пусть сами догорят.

Отец только головой покачал.

Остались они с ним вдвоем сидеть перед телевизором. Звук убавили. Сидят молча. О чем говорить? Отец только иногда тихонько на кухню выходит, покурить в форточку или чай себе налить. Вечер за окном тихий. Петарды почти отстреляли, во дворах костры догорают. По телевизору все пляшут и поют. Понятное дело, работа у них такая, народ веселить. Отец пультом щелкает, с одного канала на другой, зевает. Свечи на подносе оплывают. Обгоревшее ийде на блюдежке лежит. Попробовал Искендер его на вкус – еще хуже стало. Раньше, как мука была, а теперь, как кусок горького пластика.

Дотянул он кое-как до половины одиннадцатого. И ведь странное дело, с самого утра как на иголках был, ни поесть, ни попить нормально, а тут чего-то навалилась на него дрема, вслед за отцом зевать начал – сил никаких нет! Как бы челюсть не выскочила! Уже и умывался холодной водой, все равно не помогает. Видимо, свечи дрему навяли. Ладно, пожелал он отцу спокойной ночи и к себе пошел. Ясное дело, не для того, чтобы спать ложиться. Спать сегодня совсем не получится.

Укрытие в шифоньере подготовил он заранее. Много чего пришлось под кровать убрать прямо с вешалками. Под кроватью пыльно, но что поделаешь. Приспособил еще Искендер к двери кусок бечевки, чтобы изнутри можно было закрыться, а на конце бечевки сделал широкую петлю для удобства. Электронный будильник показывает 10:41. Включил Искендер настольную лампу, устроился на кровати с ногами, прислонился спиной к холодной стене, стал ждать. Против окна угол соседского дома, где как раз на последнем этаже в спортивном костюме сладко причмокивает во сне славный Гюльхош Мамедович.

...От службы его давно уже отставили, платят пенсию по инвалидности. А какой же он инвалид, спрашивается? За последние недели щеки, как у хомяка, раздались, розовое лицо так и пышет богатырским здоровьем. Живот хороший, если вовремя не накормить, прямо во сне мычать начинает. И чем дальше, тем громче, а уж потом просто сиреной воет. Несчастная Гюльбадам-ханым с ног сбивается. Глаза все выплакала. Все теперь на ней. Как быть дальше, не знает. Уж каких только врачей ни звали! Уж какими его только иголками ни кололи. Все без пользы. Муж вроде есть, вон – целый тюлень на диване посапывает, а пользы от него никакой. Спасибо, хоть пенсию дали. И ведь еще не всякую еду ест. Если, скажем, совсем без мяса, лицо воротит, ногами сучит. Совсем распоясался – врезать может! Суп куриный, морщась, глотает. Не напасешься на него. Все время баранину требует. Вот и машину его пришлось продать, а что с ней делать? Пока эти Низами, Физули, Насими права получают, совсем всю ее во дворе исцарапают. Отпустил, кстати, Гюльхош Мамедович шикарную бороду. Ну, как отпустил? Гюльбадам-ханым ему отпустила. Просто брить перестала. Борода растет темная, окладистая, шелковистая. И вид у него с ней совсем солидный стал. На праздник нахлобучили ему на голову папаху, в полицейскую форму обрядили, правда, на животе не застегивается ничего, но этого не видно. Родственники как раз зашли Гюльбадам-ханым навестить. Поддержать, так сказать, бедную женщину. Как инвалида в папаче с бородой и в форме увидели на диване, оробели. Вид у него точно генеральский! На коня сажай и отправляй парадом командовать. Ятагана не хватает. А тут еще кто-то из сыновей – мерзавец! – больному отцу фломастером на закрытых веках глаза нарисовал. Получилось, что Гюльхош Мамедович на гостей зверем смотрит, сейчас с дивана вскочит, в клочья раздерет. Мерзавцу, конечно, попало за это,

но рисунок с век так толком оттереть и не смогли. В кожу въелось. Здоровья ему, пусть себе спит дальше! Хотя вреда никому не приносит.

Отвлёкся я опять! Искендер про Гюльхоша Мамедовича ничего не знает. Да и зачем ему знать.

Белые цифры на табло будильника меняются медленно. Его все больше в сон клонит, голова отяжелела. Эх, был бы у него сейчас мобильный телефон...! Или планшет, например. Пришлось книжку взять, чтобы совсем не уснуть. «Гарри Поттера» с лета никак закончить не получается. Сначала немного взбодрило как будто. Только фильм-то он уже видел, и не один раз, и что дальше будет, точно знает. Вот, говорят, будто книга всегда лучше фильма, а Искендеру наоборот казалось. Фильм за два часа пролетает, тут тебе и спецэффекты, и музыка хорошая, и понятно все. А книга... Читаешь ее день, два, пять читаешь, в именах путаешься, описания всякие ненужные, короче, не то. Вот и теперь, Искендер заметить не успел, как буквы стали слипаться в какие-то нечитаемые закорючки вроде дохлых мух в паутине, чем дальше, тем больше. Сам того не заметил, как заснул. И сразу показался ему паук в яркий солнечный день. Свисал он с ветки какого-то дерева, вроде Карагача, а вроде и нет. Пригляделся Искендер, догадался, что это они на бульваре летом, а дерево на самом деле просто куст. Рядом на скамейки отец курит. «А где мама?» – спрашивает он удивленно. Искендер озирается. «Вы же вместе за мороженым ушли», – отвечает отец. Точно, мороженое у него в руках, а ее нет. Отец начинает сердиться, вскакивает со скамейки, хватая Искендера за руку, тащит за собой. Идут они быстро по бульвару. Рядом море плещется. Волны небольшие накатываются, откатываются, рябь сверкает, а Искендер думает: «Хорошо, что в море жабы не живут! Купаться было бы невозможно...». Отец волнуется, рука у него влажная, и его волнение ему передается. Солнце неожиданно за тучу заходить стало, только что был солнечный день, а тут стемнело. Вот-вот дождь хлынет, люди мимо побежали. «Да куда же она делась?» – кричит уже отец, голос его ветер обрывает... Добежали они до площади «Азнефть», а там почему-то больница, в которую они маму возили. «Как же я это не заметил, что больница прямо на бульваре находится?» – удивился Искендер и тут уж проснулся.

Шея затекла. На часах 11:59! Одна минута до полуночи осталась, чуть не прозевал. Сунув книжку под подушку, вскочил он, было, с кровати, но дверь вдруг тихоноcko приоткрылась, и кто-то проскользнул в комнату. Почти не слышно. Даже половицы не скрипнули. Маленькая женщина. С головы до ног в черном келагаи. Искендер обомлел, сердце в комок сжалось. Женщина идет, как слепая, перед собой руки на весу держит, на пальцах с распухшими суставами – два кольца. Одно золотое, широкое, другое толщиной с волос. Лица ее он не видит, но кольца и походку узнал сразу. А она, на него внимания не обращая, прошла рядом, в этот момент на Искендера противной горечью дохнуло, почти как от Афлатуна запах. Бабушка Секине! Нос заострился и крючком висит, рот запал совсем, видно, без вставной челюсти хоронили, глаза белые, без зрачков, жуткие. Подошла бабушка к зеркалу на стене, деловито рукавом пыль смахнула, откуда-то у нее в руках черный платок оказался, и стала она им зеркало завешивать. На цыпочки поднялась.

– Что ты делаешь? – крикнул Искендер. – Зачем зеркало завешиваешь, у нас не умер никто!

А она опять ноль внимания, будто не слышит и не видит его совсем. Дело свое закончила, к письменному столу подошла, провод будильника из розетки выдернула, экран сразу погас, сам будильник под келагаи спрятала, пошарила в ящиках, пачку фломастеров и еще две чистые тетради умыкнула. Зачем это все ей на том свете, спрашивается?

Пока она там возилась, за окном что-то оглушительно ухнуло. Будто бомба взорвалась, дрожь по стенам пробежала, и сразу же следом откуда-то сверху налетел бе-

шенный ветер! Завыл по-звериному, навалился со свистом на новые окна в пластиковых рамах, того и гляди лопнут. По улицам мусор покотился, затрещали деревья, со столбов искры посыпались, а когда полыхнула, разрывая темноту над соседним домом, быстрая молния, лампочки в люстре накалились добела и погасли, а вместе с ними и вся улица погрузилась в кромешную темноту. Стало в комнате холодно. Понял Искендер, что именно сейчас все на самом деле и начнется. Вслепую, боясь как-нибудь в темноте не налететь на неживую бабушку, бросился он к шифоньеру, нырнул в него, изнутри закрылся. От холода зуб на зуб не попадает, руки дрожат. Взял лампу, стал шарить вокруг себя, зажигалку потерял, может, смахнул куда-то в угол, нашел спички. Чиркнул, спичка занялась, сняв плафон, поднес он ее к фитилю, но тут словно кто-то дохнул холодом в щель, и она погасла. Попробовал вторую, и опять то же самое. Скрючился Искендер тогда, как мог, навис над лампой, ладонями прикрывая от сквозняка, и в этот раз получилось. Огонь сначала ровно по фитилю в ширину разошелся, а как плафон на место надел, вытянулся вверх веселым лепестком. Стало в шифоньере светло. И не так уже страшно как будто бы, хотя вой за окном и сюда доносится. И весь дом панельный от пятого этажа до сырого подвала гудит, как бумажный. И холодно невыносимо, изо рта пар тонкой струйкой идет! Ему хоть из шифоньера и не видно, но чувствует Искендер, как бабушка по комнате семенит, все выискивает что-то. Не выдержал он, приоткрыл дверь самую малость, щелочку только, выглянул. Не сразу разобрался. Бабушка Секине, оказывается, до одежды добралась, которую он из шифоньера вытащил. Стоит на коленях в своем келагаи, что-то из-под кровати вытащить пытается. До рубашек его добралась. В комнате уже не мрак кромешный, как было до этого, а глубокие синие сумерки, и что-то черное прямо с потолка свисает лохмотьями, будто тряпицы какие-то. Бабушка под кровать руку тянет, кричит, тут снова молния полыхнула, комнату словно фотографической вспышкой осветили, мертвая бабушка замерла и, оглянувшись через плечо, уставилась на Искендера вытаращенными бельмами. От страха он дверь захлопнул, изо всех сил петлю на бечевке на себя потянул. Теперь-то она его точно заметила! Что дальше? Ночной кошмар это, сейчас бы ему проснуться! Но как же ты проснешься, когда не спишь?

Что-то в окно грохнуло, послышался треск. Искендер ни жив, ни мертв, зубами то ли от холода, то ли от страха стучит. Хорошо, хоть от лампы тепло идет. Бабушка к шифоньеру метнулась, открывать его стала. Снаружи на двери ручки нет, так она в ключ в замке пальцами вцепилась и тянет на себя, ключом в замке елозит, внутрь гнилостный запах от нее сочится. Ах, ты, чтоб ее...!

– Уходи, откуда пришла! – кричит Искендер. – Оставь меня в покое...!

А она вдруг дверь так рванула, что он из шифоньера наполовину выпал, чуть лампу не разбил, удержал в правой руке кое-как. Стоит бабушка Секине над ним, страшная, иссохшая, но на него совсем не смотрит. «Вещи в шифоньере ее интересуют, – догадался Искендер, – даже после смерти не успокоится!»

– Уходи, говорю тебе...! Видишь, нет тут ничего! Пусто...! – влез он на место. Нащупал на двери бечевку, хотел дверь закрыть, когда вдруг окно со звоном лопнуло. Осколки брызгами по полу рассыпались, в комнату бешеный ветер ворвался, закружил между стенами, покрывало с кровати сдернул, люстру раскачал, сорвал с потолка. Затрещали полы бабушкиного келагаи, надулись будто крылья у нее за спиной, подняло ее вверх и в хороводе вещей и бумаг с письменного стола закрутило, словно в воронке. Летит она, кувыркается, но на ходу все равно что-то хватать, вот ведь неумная жадность! Искендер изо всех сил дверь за веревку тянет, закрыть пытается, но ветер рвет дверь в сторону, огонь в лампе мерцает, как бы не погас! В пустое окно вороны стали залетать. Сначала по одной, потом уже целой стайей! Они-то откуда взялись? И не залетают даже, а как бы их ураганом вносит. То ли каркают, то ли кричат истошно, черными клювами щелкая и роняя перья. А в комнату еще и мусор

всякий нанесло: пакеты, пластиковые бутылки, поломанные ветки, тряпье какое-то. И все это кружится, шуршит, кричит, бьется о стены! Вместе с мусором мужичка какого-то принесло. От ветра лицо не сразу разглядишь. Мужичок полный, с трудом в окно пролез, глаза вытаращены от ужаса, ногами в воздухе беспомощно сучит, башмак с него слетел. Тьфу ты! Да это же толстячок с родинкой! Орет дико, пару раз с подлета то головой, то толстой задницей в стенку шифоньера врезался, чуть не проломил. Потом рукавом рыжего свитера за гвоздь на стене зацепился, повис, а бабушка, пролетая мимо, с ноги у него второй башмак сорвала, за пазуху сунула. Так он еще истощнее заорал, но в этом грохоте ничего уже было не слышать.

Огонек в лампе мечется, срывается с фитиля.

Снова молния небо расколола как на две половинки. И сразу после этого ветер как будто слабеть начал, живых и мертвых, птиц и мусор потянуло обратно на улицу через окно выносить. Дверь шифоньера поддалась, наконец, с трудом ее Искендер хлопнул. Дрожит весь, дух переводит, пока вой снаружи постепенно затихает.

А потом наступила тишина. Такая, что ни единого звука, ни единого шороха. Словно в уши вату натолкали. Даже дыхания своего почти не слышно. Искендер на всякий случай в ушах поковырял для проверки. Неужели закончилось все? Но нельзя пока выходить. До утра далеко. Мало ли кто еще зайвится! Решил он в шифоньере сидеть, пусть хоть весь дом рухнет. Дышит белым паром, руки вокруг горячего плафона греет.

Сколько он так сидел – неизвестно. Хотя и холодно было ужасно, даже носом клевать начал. Правда, как только глаза прикроет, сразу лицо бабушки возникает или распахнутые вороныи клювы, и сон улетучивается сам собой. Фитилёк в лампе ровно горит, без треска, без запаха. Если бы только не холод... Подумал Искендер, не выскочить ли ему на одну секундочку, схватить одеяло и обратно нырнуть. Снаружи все так же тихо. Ни единого шороха. Значит, нет никого. Но только он так подумал, послышались ему шаги. Искендер затаился. Шаги были медленные, тяжелые. Под ногами битое стекло хрустело, половицы жалобно скрипели. Кто-то большой ступал всей стопой от пятки до носка, уверенно. Прошел мимо шифоньера, Искендер в щелочку посмотрел, но темнота такая, что не разглядеть ничего. Словно закопали его под землю. Ни единого светлого пятнышка, сплошной мрак. Кто-то до конца комнаты дошел, постоял немного у двери и обратно двинулся. И пока он шел, у Искендера сердце так колотилось, что чуть изо рта не выскочило. Пришлось ему себе рот ладонью зажать, чтобы дыхание не выдало. Неизвестный у шифоньера встал. Стекло у него под ногами раскрошилось.

– Где ты...? Покажись... – прошелестело словно ветер. Совсем на человеческий голос не похож. Искендер сидел, не двигаясь, застыл, как статуя, глядя на лепесток огня в лампе. И опять:

– Искендер...Помнишь меня? Под землей встречались... От гульябаны не спрячешься...

Что-то тут качнулось у него над головой: места в шифоньере так мало, что любое движение чувствуешь. Поднял Искендер глаза, увидел, что прямо перед ним огромный паук с нити свешивается. Во всех его выпуклых глазах, как в черных зеркалах, Искендера лицо и керосиновый огонек лампы отражается. Паук передними лапками сучит, видно, потирает их на радостях, качнулся он на паутине разок, качнулся другой и прямо на нос Искендеру прыгнул.

– Покажись... – шелестит снаружи гульябаны. Паук с носа на глаз переполз, но Искендер не двигался, терпел изо всех сил, только жмурился, пока мерзкая гадина по нему ползала. Паук чуть вниз спустился, к нижнему веку, уселся, растопырив мохнатые лапы, и вдруг впился в кожу своими клешнями, Искендер от боли дернулся, локтем в перегородку шифоньера ударился, выдал себя, короче говоря. Тот, кто был снаружи, рванул на себя дверь, бечевка с петелькой в руке у Искендера осталась.

Тот самый мужчина из метро! Только ростом он теперь до самого потолка. Сутулится, чтобы головой не треснуться. Тень от него словно трещина через всю комнату тянется. И хоть роста он стал огромного, но такой же худой, как жердь. На ухмыляющемся лице зеленые пятна цветут. На скулах, на высоком лбу, на подбородке. Пятна к центру темнее, по краям желтые, кое-где кожа потрескалась, лохмотьями отходит. Не лицо, а жуткая маска. И холодом могильным от него веет. Искендер в угол в ужасе забился, задрожал, так что лампа в руках заплясала, а во рту такая жаркая горечь разлилась, дышать больно. Потянулся гулябаны к лампе скрюченными пальцами, в глазах у него рубиновые огоньки вспыхнули, как в его четках. И сразу же Искендера будто морозом застудило. Ни рукой пошевелить, ни пальцем. Нельзя было смотреть в глаза проклятому, предупреждал же мишоппа! Из головы все мысли будто ветром выдуло. Все тело каменной тяжестью налилось. А гулябаны плафон в сторону убрал, губы трубочкой вытянул, медленно наклонился вниз, чтобы загасить дрожащий лепесток огня. Тень его громадная за ним следом по стене сползла. Сейчас задует...

Уже теряя сознание, Искендер вздохнул в последний раз, втянул в себя сколько мог воздуха, сколько в грудь вмещается, под завязку, и выдохнул его белым облачком горячего пара прямо в лицо гулябаны...

Глава тринадцатая

Завещание Мишоппы

Если ночные кошмары появляются верхом на черной кобыле, то утро – не знаю уж, как у вас, а в нашем городе приносят в клювах воробьи. Воробей – птица маленькая, вороватая, серая, смотреть не на что. Ни приготовить из нее что-нибудь толком, ни перьями подушку набить. Ни в какое сравнение с индюком, например. У того и стать, и голова в красных пупырышках, как в орденах, и кулдыкает он так, что сразу по стойке смирно встать хочется. Строгость за километр видно. А воробей и под колеса лезет, и мелочь всякую из грязи подбирать не брезгает, и чирикает невпопад, но по утрам не индюк с петухами рассвет начинают, а эти самые воробьи нахальными криками гонят вороных кобыл с улиц и площадей до самых границ города. Дальше там только соленые степи.

Они-то, воробьи, как раз и разбудили Искендера.

Очнулся он в шифоньере весь скрюченный, с затекшей шеей и с заплывшим глазом. Но то, что глаз заплыл, понял, конечно, не сразу. Думал, спросонья припухло просто. Лампа рядом все еще горела, правда, уже еле-еле. Керосин за ночь почти вышел, но жиденький огонек не погас.глянул он в щелку: в комнате светло, только тени по углам от воробьиного ора прячутся. Утро! Приоткрыл Искендер тогда дверь, посмотреть на разгром вокруг после ночных приключений и удивился – и следа не осталось! Люстра на месте, окно целое, пол чистый. Как будто и не было ничего: ни мертвой бабки, ни урагана, ни гулябаны – может, все-таки приснилось все это? А что, вполне может быть, из одного сна про бульвар просто в другой перекочевал, как в метро по переходу... Только потом уже, как следует оглядевшись, понял Искендер, что не сон это был. Электронный будильник пропал. С ним, между прочим, пропали новые фломастеры и две чистые тетради. И так по мелочу: носок, тапочки, маленькая подушка с кровати. Утащила, значит, все-таки бабушка Секине, что смогла в этой неразберихе. Еще нашел он на полу гвоздь с прицепившейся к нему рыжей нитью.

Нижнее веко на левом глазу распухло, по краям все пожелтело, как печеное яблоко, а в середине, где паук его цапнул, две черные дырочки от его челюстей. На ощупь место укуса неприятно пульсировало и было теплым. Главное, глаз полностью не открывался, поэтому глядеть приходилось как бы прищурившись.

В квартире было тихо, во дворе первые прохожие появились. Вышел Искендер из комнаты. В гостиной на подносе вокруг блюдечка с проросшей пшеницей свечки давно растаяли, остались от них одни цветные натеки. В розетке недоеденное отцом варенье.

Выпил Искендер на кухне вишневого компота, на цыпочках вернулся к себе и, недолго думая, нырнул под одеяло. Как же приятно после шифоньера в своей постели лежать! Перевернулся он на правый бок, вытянулся, руку под подушку для удобства сунул, и тут чувствует, что там что-то есть. Мелкое что-то. Откинул Искендер подушку: на белой простыне зерно рассыпано. Целая горсть, наверное. Каждое зернышко золотистое, крупное, с глубокой бороздкой посередине, хоть фотографируй, такое красивое. Ясное дело, что не просто так оно здесь. Искендера от радости бросило в жар, сон сразу улетучился. Ведь получается, все теперь для молочного хлебца имеется! Ох! Если бы не боялся всех перебудить, наверное, в пляс пустился бы. Молоко, яйцо, пшеница. Все три ингредиента. Спасибо мишоппе надо сказать, подарок ему полагается (честно говоря, тогда уж и соседка заслужила: кто знает, чем бы все закончилось без ее совета, а то, что она какая-то очень уж странная для обычной соседки – даже спорить не стану).

Выспаться Искендеру не дали.

Вначале он сам долго ворочался, все уснуть не мог на радостях, представляя себе, как они с Абабилем тесто замешивают, хлебец пекут, как он его домой несет.

А только задремал, отец поднялся, стал по квартире ходить, к нему заглянул, буркнул что-то, звонить стал куда-то, сквозь сон Искендер сразу слов не разобрал, но голос у отца был напряженный. А уж потом «скорая» приехала. Две темненькие медсестры, с ними круглолицый врач. Щеки у врача были круглые, гладко выбритые почти до синевы. Разуваться он не стал и прямо так, топя башмаками, прошел в спальню. Пробыли они недолго. Врач минут через пятнадцать из спальни вышел, отца отозвал и что-то стал объяснять ему, сочувственно разводя руками. А когда «скорая» уехала, отец из кухни стал родственников обзванивать. У Искендера от страха опять в животе холодно сделалось. Только это был совсем другой страх, не такой, как тогда в колодце с жабой. Или вчера ночью. Сейчас страшно было от собственного бессилия, от беспомощности своей. Есть средства даже против самых жутких кошмаров, но что делать, когда проклятая болезнь, как инопланетный монстр, пожирает прямо у тебя на глазах любимого человека?

– ...сказали, будет спать часов пять. Я на работу. Если что, звони, – сказал отец, выходя из квартиры. Сказал сухо, стараясь не глядеть на него, потому что в глазах его таился точно такой же страх, какой каменной плитой лежал на сердце Искендера. Даже на припухшую скулу не обратил внимания.

Дождавшись, когда белое такси выедет со двора, с керосиновой лампой спустился Искендер к соседке. Открыла она на удивление быстро, будто за дверью ждала с поварешкой.

– Ну, как? – спросила Марьям-ханым. – Видела, «скорая» опять приезжала.

– Спит.

– Спит, значит, – покачала головой соседка.

– Спасибо вам за лампу. Только керосина больше не осталось...

– Не осталось, говоришь? Ну и хорошо, что не осталось, значит до самого утра горела? Горела?

– Горела.

– Так это же очень хорошо! Молодец! А что это у тебя с глазом? С кем дрался? Смотри, как распух!

– Паук укусил.

Брови Марьям-ханым сошлись на переносице, очки сразу запотели, очень уж не жаловала она арахнидов:

– Паук...? Ай-ай-ай! Это же гадость ужасная...! Просто наказание какое-то. Ладно, заходи, сейчас продезинфицируем. К тому же, сынок, дело к тебе имеется. Хо-рошо, сам пришел, я уже за тобой подняться хотела...

– Так мама дома одна... – пожал плечами Искендер.

– Сам же сказал, что спит. Вот пускай и спит себе. Чего ее беспокоить? Проходи в комнату...

Вот это новости! Сколько лет они к соседке ходят, а никогда дальше коридора не были. Марьям-ханым даже заглядывать из коридора во внутреннюю часть квартиры не позволяла: всегда станет как-нибудь так, чтобы собою проход загородить. Только и разглядишь закрытую дверь в гостиную да поворот на кухню. Чего это она вдруг? Неужели просто сбегать в овощной или в маркет, как обычно...?

– Только ты внимания не обращай, беспорядок у меня небольшой, – предупредила она его деловито и как бы между прочим, прежде чем в комнату дверь открыла.

И тут Искендер действительно удивился.

Марьям-ханым всегда была, так сказать, женщина ухоженная, с лоском. Пахло от нее шикарно ванилью, цедрой апельсиновой, сдобой, летними цветами. На улицу выбегала при полном параде, даже если на минуточку в магазин, и у себя в квартире была одета так, будто ждала гостей. На белоснежных фартуках ее никогда не видел он ни единого пятнышка, сколько бы ни возилась у плиты, волосы всегда красиво уложены, словно только что из салона. В прихожей по сезону двадцать пар обуви на специальных полочках блестят, как новые: летом и весной лаковые туфли без каблука, зимой и осенью – сапожки и ботинки. И видно, что все дорогие. И, посылая Искендера на рынок или в магазин, неизменно наказывала одно и то же: брать только самое свежее, самое лучшее, сколько бы ни стоило.

А тут увидел он совершенно пустую комнату. Люстры – и той не было, вместо нее просто лампочка под потолком. Под стать ему были и стены: серые, бесцветные, именно что голые. Из всей мебели имелись застеленная полосатым пледом раскладушка прямо посередине и в дальнем углу у окна какой-то очень пузатый буфет со множеством всяких полочек, полок и ящичков. Буфет был мрачный, тяжелого темного дерева. Лак вокруг замочных отверстий весь потрескался, исцарапался, местами совсем сошел, кроме того, узкие, как бойницы, стеклянные дверцы его были изнутри наглухо обклеены пожелтевшими газетами. Вот тебе и вся обстановка.

«Как же это она без телевизора живет?» – сразу мелькнула у Искендера тревожная мысль, но додумать толком он ее не успел, Марьям-ханым опередила:

– Видишь, перестановку затеяла. Ремонт буду делать... Внуки не сегодня-завтра должны приехать, – сказала она, зачем-то обмахивая чайным полотенцем дверь, – уже и билеты купили. Рейс утренний. Столько хлопот, сам понимаешь. А тут еще печь надо... Не успеваю совсем. Ты проходи, не стесняйся, сядь пока где-нибудь...

Марьям-ханым растерянно обвела комнату взглядом – сесть-то некуда! – метнулась к раскладушке, сдернула с него плед и на полу растелила.

– По-походному, уж как-нибудь устраивайся. Сейчас тебе что-нибудь закусить принесу...

Искендер ничего сказать не успел, соседка из комнаты выскочила. Потоптавшись немного на пороге, прошел он в комнату и сел по-турецки на плед. Не очень, конечно, удобно, но что делать? Буфет в углу предупреждающе скрипнул: прозвучало так, словно кто-то резко смычком провел по струне. Искендер опасливо покосился на него. В этот момент в комнату снова влетела Марьям-ханым с целой тарелкой кутабов на подносе.

– Ну-ка, перекуси быстренько, еще горячие. И с мясом, и с зеленью...

– Я...

– Ешь, сейчас же! – отрезала она и, сложив руки на груди, нависла над ним, строго глядя поверх очков в золотой оправе.

Спорить с ней, как известно, смысла не было. Да и кутабы выглядели, как на картинке. Кое-как устроив поднос на коленях, принялся он за еду. Свернул трубочкой первый, надкусил, в рот брызнул ароматный сок, а тут в коридоре послышался шум сливного бачка. Ничего себе! Значит, в доме еще кто-то есть... Открылась и закрылась дверь, кто-то стал шумно умываться в ванной. Искендер удивленно посмотрел на соседку.

– Ты ешь, ешь, не отвлекайся! – кивнула она ему. То ли из-за висевшей в комнате густой солнечной дымки, то ли из-за чего-то еще, но глаза у Марьям-ханым в этот момент из золотистых сделались совершенно ненатурального цвета – ярко-изумрудными, будто бутылочное стекло или так любимый мишоппой лимонад с тархуном. Выудила она из кармана фартука салфетку, наклонилась, вытерла Искендеру жирные губы.

– Ну? Верблюда под ковром не спрячешь... – громко сказал появившийся в дверях комнаты Вахаб и, бодливо потряхивая львиной гривой, в обычной своей манере закатился хохотом. Искендер чуть куском не подавился.

– Тише ты! – прикрикнула на него Марьям-ханым. – Соседи кругом!

– Близкий сосед лучше дальнего родственника... – все не унимался моряк, но, видимо, опасаясь Марьям-ханым, зажал рот обеими руками, чтобы не так громко было. Лицо его от смеха покраснелось, из глаз слезы брызнули. Одет Вахаб был подомашнему в спортивные штаны и тельняшку без рукавов. Покатые плечи его были густо расписаны самыми необычными татуировками. Больше всего Искендеру понравилась пронзенная стрелой грудастая русалка в буденовке с надписью: «Муся».

– Я ж тебе говорила, что Вахаб мне родственник, – хитро улыбнулась соседка. – А ты врать начал.

– Считай – сестра! – пояснил моряк, вытирая кулаком слезы.

– Дело у него к тебе.

– Какое?

– Сам объяснит. Я в ваши дела лезть не хочу.

– Эх...! – рыкнул Вахаб, укладываясь на спину на расстеленный плед рядом с Искендером. Заложил за голову руки. – После хорошего туалета, брат, обязательно полежать надо, чтобы остаточный дух весь вышел. Это потому, что у нас, у морских, кроме кишок, еще плавательный пузырь имеется. От этого и не тонем, где бы ни плавали. Слышь, парень, я чего пришел – друг твой нас ждет. Ага...! Тебя срочно требует. Разговор у него есть важный. Так что кушай не торопясь, но, как говорится, быстро, а я подремлю немного... Тебе там еще на полчаса кутабов хватит.

Искендер заволновался:

– Наелся уже! Я и так не голодный был...

– Голодный, не голодный, а пока не доешь все, не пойдете никуда, – отрезала Марьям-ханым. – Я на кухню, пирог с капустой в духовку поставлю...

– Сестра дело говорит. Тощей лошади и хвост в тягость, – философски заметил Вахаб и, прикрыв глаза, почти сразу же начал похрапывать.

Так что вышли они только через час-полтора – пока Искендер, давась, доел кутабы, пока сбежал домой переодеться, мать проведать, квартиру запереть, пока проклятый Вахаб после отдыха, ахая от удовольствия, отпаивался чаем с разными вареньями... Хорошо, хоть пешком идти не пришлось, моряк неожиданно при машине оказался. Да еще какой! Светилась она на всю улицу, как какая-нибудь карамельная конфета, с янтарной полировкой, без единой царапины, ржавого пятнышка или вмятины, словно только вчера выехала из заводских ворот. Даже кожаные сиденья цвета бордо выглядели с иголочки.

– «Москвич» четыреста двенадцать! – со вкусом сказал Вахаб, поглаживая машину по капоту. – Выпуск семьдесят третьего года, когда еще отец твой не родился. Держи салфетки, башмаки оботрешь, у меня чисто...

(Кто бы мог подумать, что этот полукровка такой чистоплюй?)

Как только они тронулись с места, в зеркале заднего вида нарисовался тот самый толстячок с родинкой. Вначале он просто шел за машиной, растерянно оглядываясь по сторонам, а уж когда они, набрав скорость, выезжали со двора, припустился следом рысцей и бежал до тех пор, пока Вахаб резво не вписался в поток автомобилей.

Ехали молча, но на подъезде к «20 Января» моряк вдруг оживился и, тряхнув гривой, сообщил:

– Чтобы ты знал: этот «Москвич» наградной. Его отцу правительство вручило. Вместе с орденом и грамотой.

– А за что? – спросил Искендер, чувствуя, как крутит живот от большого количества съеденных кутабов.

– За выполнение важного государственного задания.

– Какого задания?

– Секретного, – важно сказал Вахаб и выпятил фиолетовые губы, давая понять, что расспрашивать дальше его об этом бесполезно. Но, проехав еще немного вперед, он снова оживился и полупшепотом объяснил:

– По заданию правительства в тысяча девятьсот семьдесят третьем году отец в Париже с коммунистами украл скелет французского маршала Филиппа Петена.

Сказал и на этот раз замолчал окончательно, словно воды в рот набрал. Так что, кто такой был этот маршал Петен и зачем нужно было похищать его скелет, Искендер так и не узнал.

Между тем выбрались они из города на шоссе. Поехали быстрее. Вахаб все время молчал, глаза на дорогу пучил и только в такт движению машины гривой покачивал, так что Искендера – как он ни старался – в конце концов в сон сморило (и неудивительно, если вспомнить прошлую ночь).

Приснилось ему, что летит он верхом на огромной вороне, на шее у нее пристроился, руками в перья вцепился, шевельнуться не смеет. Под ним городские крыши, улицы, машины, люди, мелкие с высоты, как букашки. В ушах холодный ветер свистит. Ворона крыльями то машет изо всех сил, то планирует, как самолет, черными глазами с золотым ободком под собой город сканирует. Видно, доисторическая какая-то ворона, нынешние такого размера не бывают. Даже больше южноамериканского кондора. А кондор, между прочим, – самая большая птица. Поди знай, как это его угораздило на этой вороне оказаться? Но во сне и не такое случается. На вид она вся будто дегтем измазана, перья на ощупь мягкие, приятные, от шеи тепло идет, и пахнет от нее немного бензином. Подлетели они к 4-му микрорайону, с высоты Искендер родные места сразу узнал, хотя никогда сверху их не видел. Вон школа, даже будку хортдана разглядеть можно, крыша девятиэтажки, точно такая, какой он всегда ее представлял... Ворона делает широкий круг и, пролетев над «домом торжеств», оказывается над их двором. И тут Искендеру становится страшно: сложив крылья и выставив клюв, пикирует птица в окно третьего этажа – прямо в окно его комнаты! Теперь только Искендер догадался: это не птица такая большая, а он сам почему-то сделался таким маленьким, что может летать на вороньей шее! Еще немного – и со всего маха они врежутся в стекло, трещат на ветру крылья, ворона хрипло каркает...

– Приехали! – тряхнул его за плечо Вахаб. – Ну, что, брат? Голодной курице просо снится? Спишь беспокойно, ворочаешься, глисты у тебя, наверное. Ты чеснока побольше ешь натошак. Вылезай, давай...

Вышли они на обочину разбитой дороги. Перед ними почти белая от соли унылая степь, которая вдалеке упирается в голые холмы. Ни травинки вокруг, ни куста, лишь под стать самой степи торчат из земли кривые колючки, послушно лежащие на бок в порывах набегающего ветра. Да в нескольких метрах от того места, где заканчивается дорога, стоит одинокое дерево. Издалека видно, какое оно сухое и безжизненное, будто обожженное огнем. Свисающие с голых сучьев какие-то пестрые

лохмотья полощутся, словно пряди грязных волос. Вереницей тянутся рваные облака, тащат за собой по земле глубокие тени вперемешку с приبلудным мусором.

Какое неприятное место!

Искендер обернулся к Вахабу, посмотрел вопросительно: мол, что дальше, зачем мы сюда приехали? А Вахаб в ответ, грустно покачав львиной головой, указал на дерево пальцем:

– Вон же он, Карагач, – все, что осталось, брат...

Не разбирая дороги, бросился Искендер к дереву по кочкам, кроша подошвами кроссовок соляную корку, белая пыль за ним стеной повисла. Добежал, встал, как вкопанный, перед неживым Карагачем, с ужасом глядя на торчащие из земли сухие корневища, перекрученные будто от невиданной боли, с черными страшными узлами. Корни уже больше не держат дерево, кренился оно набок. То, что издали он принял за лохмотья, оказалось сцепившимися между собой миллионами мохнатых гусениц. Висели они целыми гроздьями, извивались, кишели по всему дереву, жадно доедая все, что оставалось еще в нем живым, и весь Карагач гудел от безостановочного хруста их челюстей. А прямо под входом в дупло вспучился, словно шершавый гнойник, огромный нарост телесного цвета, из которого струйками сочилась темная, клейкая на вид, жидкость...

Не дожидаясь Вахаба, Искендер быстро полез наверх, к дуплу. И сразу же чуть не сорвался: кора отваливалась, как кожура, большими кусками, обнажая покрытый рыжей трухой ствол. А тут еще эти мерзкие гусеницы сыпались ему сверху за шиворот.

Дупло оказалось открытым нараспашку, как дверь нежилого и всеми покинутого дома. Его успело затянуть свежей паутиной. Здоровенный паук при виде Искендера (не тот ли самый, что его за скулу цапнул?) недовольно нырнул в глубокую трещину. Искендер отломил кончик ветки, накрутил на нее паутину, швырнул с отворачиванием в сторону, а уж потом стал ногой в дупле стремянку нащупывать. Но стремянки на месте не оказалось. Может, стащили уже? Пришлось прыгать. Однако, уже сиганув в дупло, успел Искендер испугаться: а что, если гусеницы с пауками и матрасы умудрились вчистую сожрать? Твари они неразборчивые, дай им только волю...

Напрасно испугался. До них, судя по всему, они еще не добрались. Так что приземлился он вполне благополучно, не считая того, что раздавил собой целую колонию склизких грибов с серыми шляпками, которые теперь повсюду на матрасах повыскакивали. Брызнули они с мерзким чавканьем во все стороны, сзаци к джинсам, как клей, налипли. И сколько потом ни отряхивался Искендер, толку не было.

Карагач и внутри выглядел покинутым. Нет, кое-где чахлая зелень еще была. Там и тут еще из высохших кустов высовывались живые листья, подрагивая в пыльных лучах солнца, и вспархивали из-под ног редкие мотыльки – одни только желтые, перепуганные, но весь пол был усеян мертвыми жуками, которых, шумно толкаясь, расклевывали куры с индоутами. Валялись битая посуда и пустые упаковки стирального порошка «Барф». Куда-то пропали ведро и башмаки Абабиля. Зато повсюду валялись пластмассовые тазы. Без прежней растительности стены дерева выглядели обшарпанными, старыми, будто с них содрали обои, по углам гнила зловонными лужами умирающая плесень, прежде фосфоресцирующая всеми цветами радуги, и только те же мерзкие склизкие грибы пышно прорастали, где им заблагорассудится. Даже свет из-под купола, который раньше тянулся внутрь Карагача широкими золотистыми канатами, висел теперь мутными призрачными клубами, словно туман.

– Абабиль...!

Мишоппа лежал на сундуке, укутанный с головой одеялами. Голос Искендера, вспугнув на мгновение несущек, эхом прокатился под сводами дерева и замер где-то в вышине. Мишоппа даже не шевельнулся. С хрустом давя мертвых насекомых, Искендер бросился к нему. Но не добежал, в прихожей Карагача что-то тяжело грох-

нулось, и опять с чавканьем разлетелись грибы, затем в арочном проходе, потирая бок, появился Вахаб.

– Эх, – сказал он, по-собачьи вытряхивая рукой из гривы мусор, – битая посуда два века живёт.

Начал он опять, было, хохотать, но, увидев расстроенное лицо Искендера, осекся:

– Чего он...? Спит...?

Искендер стал осторожно трясти мишоппу за плечо. Из-под одеяла не было видно даже его лица. Торчал только грязный кончик вечной лыжной шапочки.

– Ты посмотри, как гниет все! – пнул Вахаб ногой сломанную чашку. – Скажу тебе, как брату, боюсь, до Новруза не дотянет. Эй, Абабиль...! Пришли мы...!

Искендер потянул край одеяла: исхудавшее лицо мишоппы было землистого цвета, впавшие щеки заросли неряшливой щетиной.

– Дышит еще? – обыденно спросил Вахаб, присаживаясь на край сундука. Искендер наклонил ухо к самому лицу Абабиля, а услышав тихое, посвистывающее дыхание мишоппы, почему-то остро пахнущее тархуном и рыбными консервами, вздохнул с облегчением.

– Эй, ставь самовар, гости пришли! – рыкнул моряк. – Пока железо в работе, его ржавчина не берёт!

Тут мишоппа открыл мутные, налитые кровью глаза и протяжно икнул.

– Афлатун тебе на том свете самовар поставит, – сказал он тихо.

– Фу! – поморщился моряк, потянув себя за мочку уха. – Скажешь, тоже! Лучше уж дохлую кошку на обед два раза съесть, чем с ним чай гонять! Пусть враги наши с ним чай пьют... Да поднимайся ты уже, хватит притворяться.

Облизав кончиком языка запекшиеся губы, мишоппа сипло крикнул:

– Не могу, ноги не держат. Да и воды нет, чтоб самовар ставить... – перевел он взгляд на Искендера. – Присядь, поговорим немного о делах наших...

– Я за лекарствами сбегаю, – зачистил Искендер взволнованно, – ты только скажи, что надо...! И за деньги не беспокойся, найду. Мы тебе доктора приведем, у нас в пятом подъезде живет, отличный доктор...

– Садись... садись... не шуми, в голове, как из пушки, стреляет. Доктор мне тут не поможет, братец. Сам же видишь – Карагач...

– ...не сегодня-завтра подохнет... – вздохнул Вахаб, сосредоточенно обстригая ногти складными кусачками, которые висели у него на брелоке с ключами от машины.

– ...умирает, – недовольно стрельнув глазами в сторону моряка, продолжил мишоппа. – Жизнь из него утекает литрами. Скоро совсем ни фигу не останется. А уж как он умрет, так и я с ним...

Всхлипнул Абабиль.

– Если так дальше лежать будешь – точно помрешь, – опять вмешался Вахаб. – Встал бы лучше, гимнастику сделал. От лежания желчь застаивается и протухнуть может. У меня, вон, как паром сгорел – тоже без памяти лежал. Чуть не ополоумел совсем. А потом ничего, привык. Каждое утро теперь зарядка, каша вермишелевая, пока в туалете сижу, новости с телефона обязательно читаю – очень, брат, с кишками помогает. Надо бы тебе тоже телефон купить, а то живешь как при царе Николае...

– Ты меня с собой не равняй, я мишоппа наследственный! – хотя и слабым голосом, но сердито оборвал его мишоппа. – У нас организмы разные. Ты без паррома своего сто лет вермишелевую кашу хлебать можешь, а у меня ... – с трудом приподнявшись, Абабиль откинул край одеяла, демонстрируя толстый вязаный носок на ноге. – Помоги-ка снять, спина ноет, согнуться не могу...

Искендер стянул с ноги мишоппы носок, под ним оказался еще один, под тем – третий, и только потом уже показалась желтая ступня Абабиля.

– Что это? – вытаращил глаза Искендер.

Пальцы мишоппы сделались темно-коричневыми, усохли, а кожа на них покрылась темными бороздами, как на коре.

– Гангрена, – покачал гривой моряк.

– Какая еще гангрена...! – возмутился мишоппа. – Полное и окончательное одеревенение. В корягу превращаюсь, понял?

Он устало откинулся на подушку.

– Вот и на руке началось... – продемонстрировал он мизинец, кончик которого так же, как и пальцы на ноге, заметно потемнел и скукожился.

– Больно это вообще? – поинтересовался Вахаб.

– Как тебе сказать, когда спишь – не очень. А как проснешься, хоть вой. Особенно руки мучают.

– Эх, как говорят: какой палец ни порань – боль одинакова. Такая у тебя, значит, судьба получается.

Искендера охватило отчаяние, стал он трясти мишоппу за плечо:

– Ты теперь усохнешь в корягу? Что-то же можно сделать... Скажи! Так не бывает... Есть, наверное, средство какое-нибудь!

– А если паром распаривать? – рассуждал вслух моряк, задумчиво глядя в затянутой солнечной дымкой свод Карагача. Не обращая на него внимания, мишоппа тихо сказал Искендеру:

– Не переживай ты так, конец у всех древесных мишоппа один. Мог бы, конечно, пожить еще, молодой ведь совсем... – утер он кулаком набухшую слезу.

– ...или, скажем, зеленкой помазать хорошенько... раз ее тоже из зелени делают...

– ...если бы не жадность моя проклятая. Через нее теперь пропадаю. И ведь знал же, что нельзя... – всхлипнул он.

– Что случилось?

– ...нет, зеленка сушит. Тут наоборот надо, в пиве отмачивать. В нефiltroванном...

– Да что тут говорить... Я тут недалеко в Баладжаре стоял. Место нашел хорошее. Сейчас... – мишоппа завозился под одеялом и достал из-под него початую бутылку тархуна. Приложившись к ней основательно, он тихо рыгнул. – Кто-нибудь будет?

– Давай, – сказал Вахаб. Допив остатки лимонада, он бесцеремонно швырнул пустую бутылку в куриц, которые, разбежавшись, недовольно загалдели в ответ. – Терпеть не могу тархун. Дюшес лучше.

– Чего ж тогда пил? – зло спросил Абабиль. Вахаб пожал плечами.

– Расскажи!

– Чего рассказывать... Вторник ночью, когда ветер навалился, вышел я прйтись...

– За бельем, – вставил Вахаб.

– Обычай у нас такой, понимаешь? На Вторник Ветра, если гульябаны в ударе, жди ураган. В удачный Вторник можно кучу барахла набрать. Думал, всего на полчаса выскочу, рядом похожу, может, чего подвернется. Так и случилось, только на улицу вышел, смотрю, летит уже – простыня, штаны, еще кое-что из мелочи. Ну, я и побежал следом. Свет в поселке выключился, темнота такая, что рук своих не видеть, кое-как нашел – на кусты попадало все. Подскочил я к ним, а там уже бабка какая-то стоит и белье мое с кустов собирает. Бабка вся в черном, не разглядишь. Мне бы сразу догадаться, что она неживая, но в темноте такая жадность навалилась! Вцепился я в белье, она его к себе тянет, я – к себе. Говорю: отдай, мое, с моего двора улетело, а она только шипит в ответ, как змея. Долго мы там с ней боролись, только когда бельма ее неживые увидел, догадался, что бабка эта приبلудная, мертвая, видать, от своих отбилась...

– Совсем ты, брат, оказывается, дурак, хоть и потомственный мишоппа. Кто же на Вторник Ветра с неживыми связывается? Один убыток от них.

«Уж не бабушка ли Секине? Только как же она в Баладжаре оказалась?» – подумал Искендер.

– Дурак, – согласился с моряком Абабиль. – И дерево погубил, и себя... Пока, значит, я сообразил, пока обратно в темноте к Карагачу дорогу нашел – не знаю, сколько времени ушло. Долго, наверное, потому что, когда я до дерева добрался, ветер стих совсем. Тишина такая наступила. Иду себе, расстроенный, и тут молния...

– Точно! Была молния, – подтвердил моряк.

– ...светло, как днем, стало, смотрю – на самой верхушке Карагача стоит кто-то и метит его вовсю. Прямо струей...

– Как метит? – не понял Искендер.

– Как собаки метят? Ногу поднимают и метят. Мочился во все стороны, мерзавец. На ветки мои, на ствол, на корни – как из шланга поливал. Пока молния сверкала, успел я его разглядеть – маленький, животастый, в рыжем свитере...

– Я знаю его! – заорал вдруг Искендер. – Это же нюхач! Как Лятиф! Следит за мной все время! До школы ходит, родинка у него здоровая такая... Думает, я его не вижу...! Его Лятиф на мой след навел...

Мишоппа натянул край шапочки почти до самых глаз:

– Нет, брат, не нюхач это. Лятиф – нюхач, а этот толстый с родинкой – амбал. Совсем другая порода.

– Амбал...? Что еще за амбал, он живот еле тащит! Этого придурка ко мне в окно занесло с воронами...!

– Ночью, что ли? Вчера? – уточнил Абабиль.

– Ну, да! По комнате летал... Орал, как резаный.

– Эх! Точно амбал! – со знанием дела кивнул Вахаб. – Ты смотри, давно их не было. Думал – перевелись уже. Кого по нынешним временам на амбала подпишешь...? Все умные стали. Раньше народ проще был. За хлеб с сыром уговорить можно было.

– А я попался, как фраер... – с горечью сказал мишоппа.

– Абабиль, да объясни, наконец...!

– Амбал, братец, – это такой совершенно никчемный человек. Живет себе, никого не трогает. Работает где-нибудь, пока вдруг его ведьма себе в амбалы не выберет. Поднесет она тогда ему специальное пойло, которое на вкус и цвет обычный чай, а на самом деле страшная отравка...

– Кишки гниют. Жуткое дело, – вставил Вахаб.

– И вот тогда человек этот уже ни есть не может, ни пить ничего, а пухнет с каждым днем, живот, как пузырь, надувается газами от яда, и когда ему уже совсем плохо, вызывает его к себе ведьма и говорит: «Найдешь дом такого-то, пометишь его, как следует, со всех сторон тем, что у тебя внутри булькает, и будет тебе облегчение». И укажет, чей дом метить надо. Теперь понятно? Этих амбалов раньше вместе с нюхачами выпускали. Нюхач на след наводит, а амбал метит. Короче говоря, в паре работают, как полицейский наряд. А амбалами их называют потому, что вместо ведьмы сами в животе ее отраву таскают. Вот этот в рыжем свитере, пока я его с дерева сгонял, усох вполовину, если не больше, всю заразу из себя на дерево мое выпустил и в свое нормальное состояние вернулся...

– Их потому любым ветром и носит, что воздух один внутри, – снова встрял моряк.

– Чуть не пришиб его палкой. Только что с него возьмешь, урода, он после всего еле на ногах стоял...

– Там, где жирный худеет, из тощего дух вон выходит, – влез Вахаб со своими глупостями.

– ...пока он к дороге ковылял, дерево мое, где он пометил, уже светиться на-

чало, закряхтело, затрещало, листья посыпались. Я его кое-как сюда отогнал, подалее от всех. Еле двигалось, думал, не дойдем. Стал его здесь керосином оттирать, и известью, и купоросом, и стиральным порошком, тер до самого утра, пока силы еще были. Бесплезно. Кебире, гадина, свое дело знает. Заговор у нее быстрый. Хоть против человека, хоть против дерева. Сам видишь, что творится, – на глазах гниет. До праздника только и дотянет. Придешь меня в последний раз проведать? – всхлипнул мишоппа.

– Абабиль...! – в отчаянии воскликнул Искендер. – Скажи, что делать!

– Вот ты непонятливый, – широко хрустнув челюстью, зевнул Вахаб. – Сказано же, вариантов нет. Я его с самого начала предупреждал, не связывайся с ней. Перебрался бы в Сумгайыт, бульвар там хороший, а он заладил: «Хлебец, хлебец» – вот тебе и хлебец, ешь на здоровье...

Не обращая внимания на ворчанье моряка, мишоппа показал Искендеру правую руку:

– Смотри... – теперь уже кончики всех пальцев заметно потемнели, на ногтях выступили характерные древесные разводы, а кожа вокруг потрескалась. – Быстро деревенею. Может, и до праздника не дотяну.

– Абабиль...!

Мишоппа чихнул.

– Еще раз для ровного числа, – сказал Вахаб, а пока мишоппа морщился для следующей порции чиханья, наклонился к Искендеру и быстро прошептал, показывая на часы. – Мне на стройку пора. Ты, давай, выясняй, чего дальше с твоим хлебцем делать, пока он еще говорить может, и пойдём...

– Убью эту гадину...! – вырвалось у Искендера.

Мишоппа чихнул еще одиннадцать раз, отчего лицо его пошло пятнами. Отдышавшись, наконец, он хрипло спросил:

– Лампа не погасла вчера...? Знаю, что не погасла...

– Откуда?

– Каждому ноша дается по плечу. Это Вахаб верно говорит, – согласился мишоппа. – И зерна нашел?

Искендер кивнул.

– Молодец! Не спрашиваю, знаю, что страшно было. А с глазом что? Неужели сцепился с ним?

– Нет. Паук укусил...

Вахаб еще раз выразительно показал на часы.

– Сейчас, сейчас... – буркнул недовольно мишоппа. – Слушай, братец, все, что я обещал, выполнил. Там наверху, где лежанка Мовсюма, найдешь коробку. В нем молоко, три яйца – Симург, не сглазить, как часы работает, а зерна у тебя есть. Во вторник прямо с утра пойдешь к родственнице Вахаба, соседке твоей, замесите тесто, испечете хлебец. На праздник, вечером, надо, чтобы мама твоя все съела. Несложно. Без меня управисься.

– Я...

– Подожди. Дослушай. Что-то говорить мне тяжело.... Поспать, наверное, надо...язык во рту еле ворочается... – голос мишоппы внезапно словно угас, будто сели батарейки, речь замедлилась, он закрыл глаза, – ...голова кружится... пока не забыл, дядьку моего к себе возьми, пропадет он один... заботься о нем...корми часто...да... двери держи закрытыми... побегит – не догонишь...

Голос мишоппы теперь был едва слышен, а еще через секунду он тихонечко, как-то по-детски захрапел с полуоткрытым ртом, пуская слюну на подушку. Не зная, что делать, Искендер беспомощно посмотрел на моряка.

– Это он верно говорит, мышь она и есть мышь. Нагляделся я на них на своем пароме. А Мовсюм хоть и родственник получается, но клизма редкая! Намучаешься

еще с ним. Ты, главное, кошек ему не показывай и дверь открытой не оставляй – рванет так, что не угонишься. Тьфу, дал же бог родственников! Чтоб я сдох! У людей прокуроры с депутатами в родственниках ходят, а у меня мышь с четками! Сказать стыдно. Ни на свадьбу не позовешь, ни на поминки. Только в цирке его показывать. Потому нет мне в жизни везения, что дяди приличного никогда не было. А был бы дядя, ходил бы я на нефтяном танкере, а не на вонючем пароме. В нефти, брат, все деньги, – качая головой, возмущался Вахаб. – Уснул он, пойдем уже. Бери Мовсюма и продукты, я снаружи подожду. Дух здесь очень уж противный стал. Смертью пахнет.

Пока Искендер возился на втором этаже, внизу, не переставая, кудахтали и носились зачем-то куры. Уже только в машине, услышав из багажника птичью возню, Искендер догадался, чего это они переполошились.

– А что? – пожал плечами Вахаб. – С паршивой овцы хоть шерсти клок. Абабилю-то птицы уже ни к чему. Все равно ведь пропадут. У индоутов, кстати, мясо очень диетическое. Если его с черносливом потушить...

В этот момент Искендеру захотелось треснуть моряка по голове.

В коробке, куда вместе с матрасом устроил он измученного волнениями и переездом Мовсюма, помимо ингредиентов для хлебца, обнаружил Искендер адресованный ему конверт. Внутри оказалось написанное от руки на тетрадных листах очень подробное завещание мишоппы.

Завещание

«Я, Абабиль (далее следовал список из 98 имен, который занял почти целую страницу), находясь в очень здравом уме и удовлетворительном самочувствии, определяю следующее:

Хранителем тела (коряги) вышеозначенного Абабиля назначается его брат и друг Искендер, проживающий по адресу: Баку, 4-й микрорайон, улица Мир Джалала, дом 22А, квартира на третьем этаже.

Тело (приблизительные размеры: 149 мм х 40мм) следует хранить в полном соответствии с правилами по уходу за ценными породами дерева, приличиями и благородством, а именно:

- 1. Проветривать ежедневно;*
- 2. Натирать канифольным маслом (банка с маслом у входа на второй этаж сразу за ширмой);*
- 3. Предохранять от древоточцев;*
- 4. Содержать в чистом сухом помещении вдали от легковоспламеняющихся материалов;*
- 5. Сообщать последние новости;*
- 6. Беречь от сглаза и использования ведьмами и прочими злонамеренными лицами в их поганом ремесле.*

Все мое движимое имущество, за исключением Карагача и вещей дяди Мовсюма, переходит к мишоппе Вахабу (Моряку), как особо нуждающемуся (тебе-то это все ни к чему, и по размеру не пойдет, а он, хоть и придурок, но все-таки родственник).

Далее, радиомикрофон, малиновый пиджак, диск с эстрадными записями, зонтик с черным камнем, три метра зеленой ткани с люрексами и полтора мешка овса (все, кроме овса, найдешь в сундуке, овес на кухне за ширмой) переходят моему верному компаньону по бизнесу Агоппе, чтобы вспоминал добрым словом и не держал зла, как и положено между честными бизнесменами (вообще-то, ему и деньги кое-какие полагаются, но ты ему не говори, перебьется, а будет спрашивать, отвечай, что ничего не знаешь).

По наступлению естественной кончины Карагача от подлого заговора дерево необходимо сжечь, а место его нахождения удалить из памяти.

Дорогой мой брат Искендер!

Хлебец с матери твоей проклятье снимет. Это слово тебе от Карагача. Но хорошо бы вам после этого квартиру поменять. С ведьмой в одном подъезде жить, – ничего хорошего не будет. Рано или поздно она опять какую-нибудь пакость устроит. Надеюсь, соседка твоя, Вахаба родственница, уговорит вас. У нее в рукаве тысяча и один фокус припрятаны, и столько же пирогов. Мой тебе завет: впредь с ведьмами не связывайся. Ни с плохими, ни с хорошими. У всех у них натура одна – дикая. На то и ведьмы.

Теперь самое главное! На кухне в Карагаче на полке найдешь банку из-под масла «Тексун». Банка с одного боку чуть примята. Открой ее, только когда рядом никого не будет. Сверху присыпано рисом, под ним в черном пакете завернуты деньги: 1653 маната нашими, 4 николаевские десятки и 6 олимпийских рублей. Это тебе наследство от Абабиля, все, что накопил. Трать по-умному, только в самом крайнем случае. На глупости не разбазаривай, а то прокляну. Разберешься как-нибудь. А Вахаб пускай индоутами давится.

*Твой друг на всю жизнь,
Абабиль.*

Список лекарств для Мовсюма и мобильный телефон Рены ханым (врача) прилагаю.

Записано моей собственной рукой в половине одиннадцатого утра в среду при полном отсутствии свидетелей».

Глава четырнадцатая

Четвертый Вторник (Земля)

В пятницу привез отец тетушек. И сразу три штуки! Тетки все, как на подбор, были похожи на покойную свою старшую сестру Секине, бабушку Искендера, только носы у всех были почему-то разные. У одной крючком вниз, у другой крючком вверх, а у третьей вроде ровный, но приглядишься – кривится набок. Тетушки были маленькие, юркие, но ужасно бестолковые. Даже больше, чем бабушка. А самое неприятное, что всем было понятно, чего он их привез: с мамой становилось все хуже. Она уже, считай, и не вставала. Только иногда в себя приходила между уколами, пока боли не начинались, звала его к себе, расспрашивала. Все распирало его рассказать ей про мишоппу, про хлебец, ободрить, чтобы знала, – совсем немного осталось, пусть держится, но нельзя. Только все дело испортишь.

А тетушки первым делом Марьям-ханым обидели. Не понравилось им, что она еду им тащит. Типа, спасибо, конечно, соседка, но мы тут уж сами всем заправлять будем, нечего нам бесплатные обеды устраивать. Тем более, что в долму, уважаемая, мяты вы наложили, а в нашей деревне мяту класть не принято, а наоборот, только кинзу, петрушку и базилик. У Марьям-ханым от возмущения стекла очков запотели, глаза темной зеленью налились, искрить начали. Искендер в этот момент за тетушек даже испугался немного. Марьям-ханым – не Кебуре, но предупреждение мишоппы из завещания он хорошо запомнил. Соседка тетушкам ничего в ответ не сказала. Сдержалась. Кастрюли свои забрала и к себе спустилась. Только вид у нее при этом был... как бы это сказать, – очень опасный.

А тетушки, как три курицы безмозглые, пошушукались между собой на своем птичьем языке и все трое бросились на кухню. Одна что-то варит, другая овощи стругает, третья в холодильник без конца лазит, пар и гарь по всей квартире, раковину

засорили, поспорили, переругались между собой почти сразу, Искендера в магазин четыре раза гоняли. То специю какую-то забыли, то зелень, то соли в доме мало, то полкило курдюка им не хватает. Еще и окна мыть затеяли салфетками и старыми газетами, которые с собой зачем-то привезли, стали стекла оттирать по очереди, чуть вниз не свалились. Так что, когда отец вечером на ужин заскочил, Искендеру от злости говорить с ним не хотелось. Справлялись же как-то потихонечку без этих дурацких тетушек. А отец, кажется, и сам был уже не рад, что из деревни их выписал. В квартире все кувырком. В раковине грязная вода стоит намертво, в ней луковые очистки плавают, в коридоре целый мешок мокрых газет. В еду столько жира и масла бухнули, что ложками черпать можно. А они, довольные дальше некуда, носы свои над тарелками нагнули, ломти хлеба жадно прямо в кастрюлю обмакивают и так энергично вставными зубами мясо перемалывают, что жир струйками по морщинистым подбородкам течет. В общем – противно смотреть даже. Искендер так ничего и не поел. Позже на кухне куском пирога с капустой от Марьям-ханым закусил, пока тетушки, вырывая друг у друга пульт, перед телевизором бранились. Одно только хорошо оказалось: без своих многослойных жакетов, платков и накидок все трое были маленькие, сухонькие, компактные, – на одном раскладном диване в гостиной как-то разместились. Перед тем, как спать лечь, облачились они в байковые ночные рубашки – точно, как светофор: у одной в желтенький цветочек, у второй в красненький, у третьей сплошная зеленая ботва. Протезы зубные снимали и, продолжая сплетничать и переругиваться уже без зубов, долго волосы свои в седые косы заплетали, словно девицы на выданье. Только что не пели.

– Ага, – жаловался матери Искендер, – принц к ним сейчас явится на белом коне, увезет за синие горы, чтобы они его там своим жирным соусом до поноса довели...

Мама прыснула:

– Нехорошо так говорить, они помочь приехали. Не обращай внимания. Просто глупые...

– Как курицы! Пусть он их обратно увезет. На кухню зайти невозможно!

– Тише, услышат!

– И в ванную тоже...

Чтобы поменьше видеть тетушек, каждый день выходил Искендер из дома. В школу идти было не надо, каникулы. А с прошлого вторника ни толстячок с родинкой, ни Лятиф под окнами больше не маячили. Ветром их сдуло. Оно и понятно, дело они свое черное сделали, до Карагача добрались, так что гулять по микрорайону опять можно было свободно. Само собой, с Мовсюмом за пазухой. Не оставлять же его одного с тетушками. Они в минуту найдут и уничтожат.

Забот, кстати, с ним оказалось немало. Даром, чтомышь. Вовремя накорми, усы и лапы после каждой кормежки оботри, насыпь семечек, таблетки в порошок истолки и с молоком подай, подстилку замени, майки постирать не забудь – штаны, понимаете ли, он не носит, а майку каждый день меняет. Лимон ему нужен от давления, мята от сердцебиения, чернослив от запоров, утром глаза ватой протирай, ночью уши ватой затыкай. То ему дует. То ему жарко. То газами так бедный мучается, что глаза, того и гляди, из орбит повыскакивают, сам, вроде, размером всего с ладонь, а шум от него, как от взрослого дядьки в туалете. Но все равно присматривал за ним Искендер почти с удовольствием. Самоотверженно. Жаль только, Мовсюм молчун оказался. Говори с ним сколько хочешь, он один глаз приоткрывает, слушает, кивает иногда, но отвечает редко.

Ходил Искендер с ним два раза на стройку к моряку, уговаривал его съездить к Абабилю. В первый раз не застал, а во второй Вахаб отшил его сразу. Говорит, сам каждый день навещаю и достаточно. Нечего его без дела беспокоить. Тем более, что в спячку мишоппа впал. Как медведь. Силы экономит, замедляет обмен веществ в

организме, чтобы до светлого праздника продержаться. Если бы не спал, давно одеревенел бы, а так пока только по колени снизу и по локоть сверху. А поедут они все к нему уже 21-го в полдень, потому что накануне у моряка дело срочное. Услышав такое, Мовсюм из-за пазухи Искендера изловчился и смачно плюнул в Вахаба. В гриву попал. Хорошо, в этот момент моряк вдруг раззевался во всю пасть, ничего не заметил.

Город к празднику готовился, народ по распродажам бегал, а у Искендера настроение было хуже некуда. Если не Мовсюма кормить, допоздна бы дома не появлялся. С этими неугомонными тетушками квартира совсем чужая стала. В каждом углу они свои порядки навели. Только в мамину комнату пока не добрались. Но ее как будто и нет уже. Как Абабиль – спит все время, от укола к уколу. Как-то спросил он у нее, снится ли ей что-нибудь?

– Нет, – ответила она, вздохнула. – Ничего. Как проваливаешься в темную яму. А если и видишь что-нибудь мельком, не те это сны, сынок, чтобы помнить. Не дай бог никому таких снов.

А в пятницу днем подслушал Искендер, о чем она с отцом говорила. Тетушки как раз в шали свои закутались и по магазинам пошли. Хотели и его с собой взять, чтобы не заблудиться по дороге, но Искендер наотрез отказался – еще не хватало с ними по микрорайону разгуливать. Сказал, что голова и горло болят. Они, само собой, не поверили, стали противными руками, от которых луком и мясом разило, ему миндалины щупать, но он так орать начал, что они отстали. Хоть бы заблудились совсем!

Искендер сидел перед телевизором, когда услышал, как родители тихо между собой разговаривают – дверь в спальню оказалась открытой. Вот он и не удержался, тихо выскользнул в коридор.

– ...ты же сам знаешь... недолго уже совсем... – услышал он голос матери. И сразу было понятно, о чем это она. Отец, который обычно начинал сердиться, когда она говорила такие вещи, на этот раз ничего не ответил. – Обещай, что обменяешь квартиру. Я не хочу, чтобы вы здесь с ним оставались...

– Ну, что ты опять начинаешь... – вздохнул отец. – Сейчас не об этом нужно думать.

– Прошу только об этом. Переезжайте отсюда, как можно скорее... Пока она всех не извела! Это единственная моя просьба. Думаешь, я глупости говорю – каждую ночь во сне ко мне приходит. Только это не сон... встанет прямо вот тут, около кровати, улыбнется. «Ты, – говорит, – не сдохла еще? Скоро уже, часы тикают...». Я ей хочу сказать, чтобы убиралась прочь, а не могу, рот как будто нитками зашили...

– Хватит! Это у тебя все от лекарств...

– Нет...! Не в этом дело... Она мне уже и день сказала... 21-го. Утром. – Голос ее сорвался, стала она плакать.

– Глупости все это... вбила себе в голову... – отец резко поднялся с места. – Успокойся. Все будет нормально. Ладно, потом поговорим, мне уже собираться надо...

Искендер на цыпочках вернулся на диван, стал делать вид, что кино смотрит. Но какое тут может быть кино, когда тебя словно ведром ледяной воды окатили? Руки и ноги холодные, а лицо, наоборот, горит, как от солнечного ожога, в голове мысли путаются. Убить эту ведьму мало...! Что же еще останется делать? Если с хлебцем ничего не выйдет... Мало ли, что там Абабиль обещал? Он даже себя спасти не может...И куда девалась Марьям-ханым? Уже который день после разговора с тетушками она нигде не показывается, вот уж услужили старухи, ничего не скажешь! Из-за двери соседки ни звука не доносится, в глазке свет не горит, и даже вкусоностями, как раньше, не пахнет. Обычно она в день по несколько раз из дома выскакивала. За покупками, по каким-то своим неведомым делам, энергии в ней, как в шаровой молнии. Только что, вроде, на кухне еду по тарелкам раскладывала, а через минуту видно в окно, как она, из подъезда выбежав при полном параде, торопится к автобусной

остановке. Непонятно, когда это она переодеться успела? И вот, пока ты, доедая, об этом размышляешь, не удивляйся, если через полчаса она опять у вас на кухне появится с кастрюлей печеного: снова в выглаженном фартуке, пахнущая холодом с улицы, кардамоном и корицей. Все-таки пока Марьям-ханым была рядом, Искендеру было не так тоскливо, как с этими бестолковыми тетушками. И пусть в доме у нее что-то странное творится, ему-то какое дело! На то и шаровая молния. Может темноту разогнать, а может так рвануть, что после нее воронка глубже любого молочного колодца окажется.

А что, если она уехала? Кто тогда поможет хлебец испечь?

...На последний перед праздником вторник тетушки едва не спалили квартиру. Готовиться они к этому начали, собственно говоря, еще с воскресенья, когда отправились зачем-то через полгорода на рынок, хотя все прекрасно можно было бы купить и в лавках около дома. На этот раз Искендеру отвертеться не удалось. Пришлось с пересадками тащиться на «Зеленый базар». В автобус тетушки забирались, как во вражескую крепость. Шли неразрывной цепью напролом, суетились, громко подбадривали друг друга и вообще вели себя так, как будто в их богом забытой деревушке до сих пор передвигаются на ослах. В деревне этой Искендер был лишь один раз в глубоком детстве, ничего об этом не помнил, но был уверен, что транспорт там обязательно имеется, а тетушки ведут себя так исключительно по своей природной бестолковости. Захватив несколько сидений, они просили подряд всех входящих пассажиров предупредить их, когда нужно сходить. На рынке шупали товары на прилавках, зачем-то нюхали их, даже картофель и морковь, с ходу шумно бранились с продавцами, а услышав цены, показывали на них пальцами, словно на диковинных зверей в зоопарке. Хорошо, хоть обратно не пришлось ехать автобусом – отец подбрал их на своем такси.

Вернулись они обратно только через четыре часа. Бедный Мовсюм, обеденное время которого Искендер вынужденно пропустил, лежал на своем матрасике в полнейшей прострации, театрально раскинув лапы в разные стороны и закатив глаза. Искендер испугался не на шутку. Стал его в чувство приводить, заметался по комнате, прикидывая, что теперь делать. В больницу бежать...? Только в какую? Какой врач на него смотреть станет, прихлопнет тапком – и все! К ветеринару, что ли...? В последний момент вспомнил про врача, про которого Абабиль в завещании написал.

– Давно он ел...? – спросила она, выслушав его сбивчивые объяснения. – Это у него гипогликемия, резко упал уровень глюкозы в крови. С учетом массы его тела... дайте ему грамм пятьдесят фруктового сока или четверть конфеты. А потом пусть обязательно поест. И вообще, старайтесь, чтобы он принимал пищу вовремя...

Выпив айвового компота, Мовсюм постепенно пришел в себя, после чего, вопреки морду от извиняющегося Искендера, стал рассерженно барабанить лапой по краю коробки. Окончательно отошел он лишь к ужину, когда тетушки, наконец, подпалили кухню.

Что там толком произошло, выяснить не удалось. Но в результате толкотни вокруг газовой плиты загорелось чайное полотенце, огонь перекинулся на занавеску, пока в дыму сбивали пламя, сорвали карниз и залили пол кипящим бульоном. Вывалившаяся из кастрюли недоваренная курица вместе с двумя луковичками закатилась под диван. Очень шумно вышло. Соседи из квартир повыскакивали. Все, кроме гадки и Марьям-ханым.

В ночь с понедельника на Вторник Земли проснулся Искендер от кошачьей возни. Вскочил на кровати и ошалел: вся комната от стены до дверей кишит черными котами! Сверкая глазами, шипят они, толкаются, шерсть дыбом стоит, хвосты распушили.

– Брысь...! – кричит на них Искендер, они и ухом не ведут.

– Брысь...! – дурным голосом орет с края качающейся люстры Мовсюм. Тут, распрямившись, будто сжатая пружина, один из котов выпрыгивает с места, пытаясь дотянуться до него. Следом другой, третий. Прوماхиваются, падают друг на друга, визжат. Искендер хочет с кровати сойти, но внизу буквально ступить некуда, весь пол котами шевелится.

– Помоги, чтоб тебя...! – орет Мовсюм, носится от одного края люстры к другому, от котов уворачивается. Искендер хватается подушку, начинает ею колошматить по изогнутым спинам шипящих тварей, и вдруг кошачьи когти глубоко впиваются ему в голую лодыжку, рвут кожу, брызжет кровь. Морщась от боли, Искендер отпрыгивает к стене. Коты следом на кровать запрыгивают, скалят клыки, острые, как шипы.

– Одеялом их, одеялом накрывай! – подсказывает Мовсюм. Сдернув стеганое одеяло, Искендер набрасывает его на копошащихся внизу ночных тварей. И тут они завопили ужасно, в унисон, будто одним голосом, так что кровь в жилах застыла, под одеялом началась бешеная возня, а потом прямо в середине оно стало быстро набухать, подниматься вверх – это под ним коты, запрыгивая друг другу на спины, выстраивались в подобие раскачивающейся башни, которая вскоре уже была почти вровень с люстрой. Оставшиеся еще на полу черные твари яростно карабкались по ней вверх.

– Прыгай! – крикнул Искендер. И Мовсюм прыгнул. К нему метнулись оцетинившиеся когтями лапы, но Искендер оказался проворнее: поймал мышь прямо в воздухе и, прижимая ее к груди, с грохотом приземлился с кровати на пол.

И опять в комнате включился свет, на пороге стоял взерошенный спросонья отец, но теперь, вместо мамы, из коридора на него испуганно глядели беззубые тетушки в цветных рубашках.

Царапины на лодыжке, кстати, оказались самыми настоящими, пришлось йодом мазать.

Наконец, наступил последний вторник.

Говорят, Вторник Земли – самый спокойный из четырех. Сразу после него – Новруз. Это когда день и ночь уравниваются, а жизнь и смерть становятся половинками одного целого, секунда в секунду. Как объяснял мишоппа, если одно отнять от другого, в остатке выйдет ноль. Это когда ни жизни, ни смерти нет, а есть лишь развилка на дороге. И вот, стоя на этой самой развилке, раз в году только и можно переменить судьбу.

Утром, как только отец ушел, выскользнул следом за ним и Искендер. Глупые тетушки и очнуться не успели. Пока они там на кухне придумывали и решали, за чем его еще в магазин посылать, Искендера и след простыл. Пусть теперь кудахчут, сколько им влезет. Ему не жалко.

Сбежал он на этаж вниз, но прежде, чем позвонить к Марьям-ханым, прислушался. Опять за дверью тишина. Ну, ни единого звука! Ни шороха! Не шипит, как раньше, масло в сковородках, ничего не булькает в кастрюлях, не хлопает дверца духовки. И запаха еды уже никакого не осталось. От волнения у Искендера вспотели ладони. Как же это может быть, чтобы на праздничный вторник Марьям-ханым ничего не готовила? Неужели и вправду уехала? Волнуясь, нажал он на кнопку звонка. Весело зазвучала знакомая трель...и ничего. Так же тихо, как секунду назад. Искендер обождал немного и снова позвонил, в этот раз настойчивее, наглее, требовательнее – палец на кнопке держал так долго, что он затекать уже начал, а когда отпустил – впору было расплакаться. Сел он потерянню на ступеньку, коробку со всеми так тяжело добытыми ингредиентами рядом поставил, стал думать, что делать ему дальше. В этот самый момент щелкнул засов соседней квартиры, дверь приоткрылась, и оттуда показалась кудрявая женская голова, темно-оранжевая от хны:

– Марьям-ханым ищешь, сынок? А ее нет, который день не вижу.

– Уехала, что ли?

Муж кудрявой соседки был военным, а дочь, на два класса старше Искендера, занималась гимнастикой.

– Уж не знаю, уехала или как, только из дома давно не выходит. И тихо очень.

– А... – хотел было сказать что-то Искендер.

– Думаешь, что-то случилось? – соседка высунулась из двери по пояс. – Вот и я беспокоюсь, может, говорю, полицию вызвать...? Слишком уж тихо у нее. Ее кухня у меня за стенкой, слышно все хорошо: который день не готовит...!

– Я...

– Вот-вот, все-таки одна живет, вдруг с сердцем плохо или еще что-то. И, как назло, прямо под праздник! Может, говорю, умерла, не дай бог...! – вздохнула она. – Лежит там сейчас, бедная... Запах уже есть?

– Чего...?

– Как чего? – возмущенно покачав головой из-за несообразительности Искендера, кудрявая соседка выбралась на площадку целиком и, подойдя на цыпочках к двери Марьям-ханым, стала ее по-собачьи обнюхивать.

– Вроде не пахнет еще, – шепотом сказала она и как будто немного расстроилась. – Акиф мой сказал, что полицию звать можно, только если запах будет... Так вроде пока не пахнет. А вдруг она в ванне померла? Или, не дай бог, в туалете... Стыд какой!

Тут вдруг дверь почти бесшумно распахнулась, и растерянная соседка оказалась лицом к лицу с Марьям-ханым.

– Ой, – всплеснула она руками, пятясь назад, – а я уже беспокоиться начала! Думала, не видно вас давно... не заболели ли....

Не зря она пятилась, скажу я вам! Марьям-ханым была не похожа на саму себя. Волосы ее, всегда безупречно уложенные, торчали теперь всклокоченными прядями во все стороны, словно в них влетела шаровая молния. Лицо было опухшее, как после долгого сна, и какое-то темное, очки сидели на носу криво, а фартук, повязанный поверх совершенно мятого платья, был весь забрызган то ли подсохшим томатом, то ли еще чем-то красным, неприятным. Вокруг рта залегли глубокие морщины, которые прежде не были видны. И даже ее глаза удивительного цвета на этот раз были почти совершенно бесцветными. Искендер даже оробел.

Неприязненно оглядев рыжеволосую, Марьям-ханым перевела на него взгляд и сухо сказала:

– Заходи.

– Я говорю, с наступающим вас праздником, дай бог внуки ваши... – все лепетала соседка, но Марьям-ханым, не слушая ее, пропустила Искендера в квартиру и без всяких церемоний захлопнула перед ней дверь.

Зеркало в коридоре оказалось плотно завешенным белой простыней.

– Раз уж пришел, пошли печь. – Шлепая босыми ногами, прошла она на кухню.

В отличие от пустой ободранной комнаты, здесь всего было вдоволь: и мебели, и посуды. Все сверкало и блестело, каждая вещь, казалось, лежит на положенном ей месте. Весенний ветерок из открытой форточки покачивал веселые занавески в ярко-красных шашечках с рюшами, в горшке на подоконнике покачивал листьями разлапистый фикус, начищенные казаны и сковородки самых разных видов теснились плотными рядами на верху кухонных шкафов под цвет занавесок, шеренгами стояли нарядные баночки со специями, а стол был накрыт идеально белой скатертью. Все было настолько празднично и красиво, что Искендер невольно застеснялся своих заляпаных джинсов и носков с дыркой на пятке.

– Ну? – спросила она, не глядя на Искендера. – Все принес?

Спросила она не то, чтобы холодно, а вроде как устало. Словно появление Искендера было ей в тягость.

– Принес.

– Молоко, яйца, зерна?

– Все здесь.

– Хорошо, – сказала Марьям-ханым и только тут опять посмотрела потухшим взглядом на Искендера.

– Есть хочешь?

Он замотал головой. Марьям-ханым чуть пригладила рукой свои всклокоченные волосы:

– А я поем. Четвертый день голодаю... Сиди тихо, не отвлекай.

Молча вышла она на балкон и вернулась оттуда с огромной кастрюлей, в которой обычно готовят на множество гостей. Поставила ее на плиту греться и снова вышла на балкон. На этот раз вернулась с эмалированным тазом, накрытым сверху крышкой, оставила его на полу. Снова ушла, принесла еще один такой же. Достала из холодильника дуршлаг, в котором горкой лежали всякие овощи и пучки зелени, достала баллон с маринованными баклажанами, плошку йогурта, пачку сливочного масла, шмат белого сыра, а уж затем из ванной зачем-то принесла еще и пустое ведро, и главное, все молча, сосредоточенно, не глядя на Искендера. Устроилась Марьям-ханым за столом, поставила перед собой тарелку, облизнулась как-то похищному, и такое началось...!

В первом тазу оказались четыре запеченные куры со сладкой начинкой. Разрывая их руками, принялась она их есть, обсасывая чисто каждую крупную косточку, хрустела мелкими, горстями в рот начинку забрасывала, вместе с кусками курятины втискивала в себя за обе щеки соленья, пучки зеленого лука, огурцы, сыр, тянула губами йогурт из плошки. Брызгая соком во все стороны, раскусывала помидоры и жевала, жевала, жевала, как машина, перемалывая все подряд. Со всеми четырьмя курами так скоро управилась, что у Искендера только челюсть от удивления отвисла. Когда на тарелке остались одни кости, сбросила она их в ведро, стряхнула крошки с заляпанной скатерти и шумно рыгнула в салфетку. Лицо у нее при этом чуть посветлело, и даже морщины вокруг рта стали сглаживаться. Оттолкнув ногой пустой таз, подвинула она к себе следующий. В нем оказались четыре запеченные в духовке рыбины, и тоже с начинкой. С ними Марьям-ханым разделалась даже быстрее, чем с курами.

Да что у нее там внутри, пустая цистерна, что ли? Как это все в нее лезет?

– Точно не голодный? – спросила Марьям-ханым, проглотив, словно комодский варан, не жуя, средних размеров помидор. Было видно, как, продвигаясь по горлу, помидор протиснулся внутрь нее. Какой тут может быть голод! От одного только вида еды Искендера уже слегка подташнивало. А она, заметно повеселев, подмигнула ему левым глазом, который, между прочим, из бесцветного снова сделался прежним, золотисто-медвяным. Не дождавшись ответа, утерла Марьям-ханым подбородок и губы краем скатерти и, сняв с плиты булькающую кастрюлю, поставила ее перед собой на стол. Кастрюля до самого верха была полна долмы из виноградных листьев. Опрокинув в нее остатки йогурта, она так набросилась на еду, словно до этого не съела ни крошки. Зачерпывала дымящуюся долму полными горстями, закидывала их себе в рот, будто семечки, и заглатывала быстрее, чем успевала зачерпнуть новую порцию. В какой-то момент принялась она даже работать обеими руками. Не женщина, а мельница! Еды было человек на двенадцать, не меньше, но очень скоро опустошила она и кастрюлю. Еще и хлебом весь сок подобрала. Только после этого, как-то успокоилась.

– Ну, – сказала она, отдуваясь, – закусили, теперь можно и печь. На пустой живот печь нельзя никогда. Сейчас приберусь, сынок, и начнем.

Подхватив пустую кастрюлю с тазами, прошла она с ними в коридор, толкнув плечом, открыла дверь в комнату и, словно выбрасывая мусор, пошвыряла все туда. Туда же, как на помойку, полетели изгаженная вконец скатерть и заляпанный фар-тук. Зашла Марьям-ханым в ванную.

Не было ее довольно долго, Искендер успел заскучать, но все равно сидел смиренно, все еще под впечатлением от увиденного, а уж когда она, наконец, появилась – ее было не узнать. Прежняя Марьям-ханым. Волосы опять словно только что из салона, на ней выглаженное зелененькое платье с желтыми цветами, поверх – сияющий белизной фартук, лицо светлое, чистое, веселое, в глазах знакомые искорки, смотрят на Искендера внимательно и чуть с насмешкой. У него прямо от сердца отлегло. Теперь пойдти пойми, как это в одной небольшой Марьям-ханым два таких разных человека уместиться могут. Глядя на эту Марьям-ханым, ведь и в голову не придет, что другая может овощи целиком заглатывать, не хуже жабы из молочного колодца.

Обмахнула она чистым полотенцем стол, высыпала на середину горкой муку из пакета, добавила щепотку соли и обернулась к Искендеру:

– Ну? Чего сидишь? Доставай, что принес...

Дальше дело оказалось несложным. Разбила она яйцо в муку – хоть и от огненной птицы, но яйцо было самое обыкновенное, может, только желток темнее куриного, пшеницу в блендере в порошок измельчила, сверху насыпала, туда же нарезала кубиками подтаявший кусок сливочного масла, шафран, добавила ложку меда, стала подливать молока из колодца и быстро-быстро замесила тесто. А пока месила, напевала что-то незнакомое. Голоса у нее, может быть, особого и не было, зато слух оказался хороший.

Тесто вышло у Марьям-ханым плотное, яркое, будто глянцевый ком. Присыпав его мукой, убрала она его в миску «доходить», сверху чайным полотенцем накрыла и только тогда напевать перестала. Уткнула Марьям-ханым руки в бока и, глядя на Искендера, как всегда, поверх очков, сказала:

– А я ведь только сейчас отошла. Хорошо, что сам пришел, а то бы пропустили день. Я, конечно... – понизила она голос, – не Кебире какая-нибудь, но, если бы не твоя мама, я этих трех тупых куриц в порошок истолкла и в туалет спустила.

В глазах Марьям-ханым полыхнули такие искры, что Искендеру даже стало страшновато за бестолковых тетушек.

– Не веришь?

– Верю, – быстро согласился он.

– Они бы и понять не успели, что с ними случилось! – голос Марьям-ханым зазвенел от ярости. – Им бы Кебире эта...

Она вдруг развернулась к газовой плите, над которой на нити, зацепленной за край вентиляционной решетки, покачивался тот самый глазастый и черный, как смола, паук, и, резко выбросив руку, схватила его. Искендер отчетливо услышал, как паук, хрустнув у нее в кулаке, будто ореховая скорлупа, громко пискнул. Марьям-ханым разжала ладонь: раздавленное насекомое, тарашка на них стеклянные глаза, еще дергало конвульсивно мохнатыми лапками.

– Им бы эта Кебире детским садом показалась, – усмехнулась Марьям-ханым, отряхивая остатки паука-шпиона в мусорное ведро. – Знаешь, почему это...?

У Искендера запершило в горле, а во рту пересохло так, что языком было неприятно ворочать. Привстав с табурета на ватных ногах, он выдавил из себя едва слышно:

– Вы тоже... как Кебире...

Марьям-ханым удивленно вскинула брови.

– Ведьма, что ли...? Да нет, сынок! – рассмеялась она, поправляя на носу очки тыльной стороной пухлой ладони. – Да ты сам посмотри, какая из меня ведьма! Что ты...! Просто приятная женщина на пенсии, с хорошим аппетитом. Садись... Садись... Нечего, как столб, стоять.

Подойдя к кухонной раковине, она пустила воду и стала тщательно намыливать руки.

– Вот бабушка моя, покойная, та точно была самая настоящая. Ее, как собаку, боялись. И правильно боялись. Ходила вся в черном, старая такая была, что на подбородке уже борода расти начала. Точно тебе говорю! По паспорту ей сто семьдесят лет получалось, а на самом деле все сто шестьдесят! Сейчас я тебе ее покажу...

Насухо обтерев руки полотенцем, соседка приставила к кухонному прилавку стул и вскочила на него, как девчонка, несмотря на комплекцию и количество съеденного, без всякого «аханья» и «оханья». Из верхнего шкафчика достала она большой семейный альбом с фотографиями в каком-то пушистом переплете. Продолжая стоять на стуле, перелистала назад несколько страниц.

– Иди сюда! Сам взгляни.

На старинной фотографии цвета темной охры с залихватской подписью снизу «Ателье М. Шамраева» ровно сидела тощая старуха с руками на коленях в многослойной бесформенной одежде, из-под края келагаи выглядывало ее лицо, больше похожее на обтянутый кожей череп с недобрыми глазами, уставившимися прямо в объектив. За спиной у нее была разрисованная каким-то пейзажем стена, а сбоку – большое зеркало. Искендер пригляделся внимательнее: сомнений не было – то самое зеркало со странной рамой, которое в прихожей висит!

– Точно, точно... Заметил! Зеркало от нее досталось. Видишь, какая? Только в глаза ей долго не смотри, приснится потом. – Марьям-ханым резко захлопнула альбом и сказала очень тихо. – Она и после смерти никак не успокоится, возьмет иногда, да и появится.

– Как это появится?

Соседка посмотрела на него внимательно:

– Кто как, а эта в зеркале. В ее зеркале.

Положив на место альбом, она спрыгнула со стула.

– Ходила только прямо, будто кол проглотила. Ветер могла на ночь вызывать. Точно тебе говорю! Сама видела. Просто так, для забавы. Скучно ей становилось, так она ураган устраивала. Извини уж, конечно, что такое рассказываю – грудь у нее почти до колен висела. На плечи приходилось закидывать и подвязывать. Как и положено настоящим ведьмам... И умерла не по-человечески. От скуки.

– От скуки?

– Ага! Что-то все ей вдруг надоело. Встала утром, как всегда, выпила девять сырых яиц перед завтраком, а потом вдруг говорит: пойду умру, скучно что-то, сил нет. Легла и умерла. Вначале думали, что спит. Такое с ней бывало, могла спать три дня подряд. А когда с нее кожа слезть начала, похоронили. Под кожей у нее ни грамма плоти не было – кости и сухожилия одни... Да садись уже, чего стоишь? Испугался?

– Нет, – покачал головой Искендер, хотя мороз по спине пробежал.

– А мне от нее только хороший аппетит и достался. Ну, и знания кое-какие. Не проголодался?

– Нет! Нет!

– Ладно, чайник пока поставлю. Тесто вот-вот подойдет.

Под села Марьям-ханым к столу, задумалась ненадолго.

– А тетушки твои, уж извини, дуры безмозглые. Это же хорошо, что я сдержалась, а то если мне хвост как следует прищемить, ничего уже перед собой не вижу. Редко такое бывает. Но если случается – самой потом страшно становится. После переживаю, простить себе не могу, но поздно. Ты думаешь, чего это я без мужа одна осталась? Ведь у меня муж был, и очень даже ничего, старший бухгалтер на стекольной фабрике. Кроссворды любил разгадывать. Гостей домой собирал. Я принимала с удовольствием. Однажды только ошибся... – поправила Марьям-ханым очки на носу, покашляла, – ...спутался с одной там из своей конторы. Ты мальчик большой, понимаешь, о чем говорю. Хотя, конечно, не твоего ума это дело... А я молодая была.

И понесло меня.... Вспоминать страшно. Помню, стою посередине комнаты, не двигаюсь, в глазах темно, в голове туман, а вокруг стулья, книги, подушки, занавески хороводом носятся, как будто их ветром крутит, не веришь...? Посуда побилась вся. Мы раньше с ним в большой квартире на Монтино жили. И зеркало то, что сейчас в коридоре, тогда в гостиной висело. Сколько я так стояла – не знаю, а когда в глазах немного посветлело, глянула я в зеркало: а вместо меня там бабка моя покойная собственной персоной улыбается, ведьма проклятая. Не скучно ей на том свете...! Улыбается и язык мне показывает, мол, не забывай, чья ты внучка есть. Никуда от себя не спрячешься. Тебя обидели, и видишь – все темное в тебе пробудилось. Я за голову схватилась, думаю, что же это я натворила? Квартира как после погрома. Ни одного стекла целого не осталось. Потолок закоптило как после пожара, соседи в дверь колотят, а муж мой бедный в кресле скрючился, за сердце держится. Вызвала «скорую», в больницу поехали, врачи сказали, обширный инфаркт. Через семь дней умер. Так я без мужа осталась. Еще кое-что скажу...

Марьям-ханым наклонилась над столом и, бурявая взглядом молчащего Искендера, сказала вполголоса:

– Я уж только потом узнала: дура та, с которой он спутался, в тот же день под грузовик попала. До сих пор без костылей до туалета пройти не может. Я, думаешь, радовалась...? Радовалась, конечно, но только самую малость и недолго. Слово себе дала: что бы ни случилось, бабку проклятую, которая во мне по наследству засела, наружу не выпускать, пусть лучше со скуки сдохнет, чем такое безобразия устраивать! Ведь вся жизнь наперекосок пошла, пироги печь некому. Совсем одна я в этой бетонной коробке, сколько лет уже... А в тот день, когда родственницы твои меня рассердили, не знаю, что на меня вдруг опять нашло. И дело-то ведь пустяковое было, курицы глупые, что с них взять, но спустилась я к себе, подошла к зеркалу и вижу, опять ее лицо сквозь мое проглядывает! Испугалась, быстро валерьянки выпила, сразу четыре таблетки «донормила», на всякий случай в комнате заперлась, подушками голову обложила, уснула кое-как. Так и спала с того дня, пока ты в дверь трезвонить не начал. В общем, повезло тетушкам...Сейчас, слава богу, у меня уже и злости не осталось. Тьфу на них! Однако заболтались мы с тобой, братец, пора делом заняться.

Поднялась соседка с места, поправила фартук, взяла с холодильника миску с тестом, откинула полотенце.

– Красивое получилось.

– Марьям-ханым...

– Чего? Проголодался? Дам пахлавы с чаем?

– Нет... Мишоппа... Абабиль...

– Ну?

– Он, что, теперь... умрет?

Соседка обернулась к Искендеру, вздохнула:

– Эти не умирают. Деревенеют только. Так у них положено. Я думаю, хорошо это, все-таки лучше, чем в холодной земле навозом лежать.

– Не хочу! – с жаром сказал Искендер. – Как его спасти...? Все сделаю, вы только подскажите! Если надо куда залезть, забраться, достать что-нибудь, я готов!

– Эх! – вздохнула соседка и погладила его по коротким волосам. – Никак ты в толк не возьмешь, сынок. Не всех можно спасти, да и не всех надо. Это ведь только врачи клятву Гиппократу дают. Им по профессии положено лечить всех подряд, даже тех, кого уже и лечить нельзя и не нужно. А в жизни все по-другому устроено. Может, друг твой мишоппа и не хочет, чтобы его спасали. Ты у него самого хоть спросил? Может, он сам в корягу превратиться мечтает...

– Кто же захочет дурацкой корягой стать? – возмутился Искендер. – Только псих какой-нибудь...

– Ты даже не представляешь себе, как много тех, кто мечтал бы в корягу обратиться. Когда жить противно становится, коряга – не самый худший вариант, – улыбнулась соседка. – Возьми хотя бы бабушку мою, например. Так ей противно от скуки сделалось, что она и померла. И не спросила никого. Хорошо, что закусила перед смертью. На пустой живот как-то не то. Вот, может, и Абабилю твоему все надоело. Сам подумай, сколько же можно от сводной сестры бегать? Да еще такой паскудной, как наша Кебире...

Искендер от удивления икнул.

– ...по пустырям и помойкам и с деревом прятаться – кому хочешь, надоест. Запомни, братец: те, кто всех спасать рвется, вроде тебя, делают это потому, что это им самим нужно, а не тому, кого они спасать собрались. Вот ты думаешь, маме твоей, бедняжке, в ее состоянии так уж сильно жить хочется? После всей этой боли и мучений? Смерть ей сейчас избавлением кажется. Благом. Заснула бы, и все. Это она за тебя переживает, потому и продолжает за жизнь цепляться. Ты ее как канатом привязал и держишь. И еще страх. Только страха с каждым днем все меньше становится, а ты – вот он, перед глазами! В колодец лезешь, древнюю жабу тревожишь, с покойниками по микрорайону шастаешь – все знаю! Доложили уже. А все почему? Потому что тебе это очень надо, а не ей. Вот такая, братец, правда...

Искендеру бы задуматься о словах соседки, но кто в его положении такое принять согласится? Упрямо тряхнул он головой:

– Все равно! Пусть так, пусть мне это нужно... Как спасти мишоппу? Не хочу, чтобы он корягой стал, и все!

– Хм! – хмыкнула Марьям-ханым и поцокала языком. – Не зря все говорят, что ты осел упрямый и, как любой осел, – невоспитанный.

– Лучше, что делать, скажите!

Соседка задумалась. Золотистые глаза ее остекленели, словно мутной пленкой подернулись, замерла, уставившись в одну точку на стене. Будто шнур выдернули из розетки. Искендер заволновался, чего это с ней? Может, не все снотворное из нее вышло или наоборот, озверевает сейчас, как сама рассказывала. Перевел он взгляд туда, куда Марьям-ханым глядела – просто стена. Тихо окликнул ее по имени – не отвечает. Сидит за столом, как статуя. Даже как будто не дышит. Оцепенела.

Долго Марьям-ханым так сидела, несколько минут точно. Потом встрепенулась, лицо опять ожило, глаза засверкали.

– А ты хоть знаешь, чего это Кебире к мишоппе твоему прицепилась?

– Я спрашивал, он не говорит...

– Еще бы! – воскликнула она. – У него свой резон есть, не говорить. Хитрый этот мишоппа, сил нет! А хочешь узнать, почему...?

И рассказала. В самых, между прочим, подробных деталях, о которых только близкие люди знать могут. Да еще так рассказала, что Искендер все как на экране увидел. Но об этом, пожалуй, потом. Сейчас с хлебцем надо бы разобраться...

Закончила она свой рассказ и спросила, прищурившись:

– Ну, что, милый, все еще думаешь Абабилю спасти?

– Абабиль – мне брат, – твердо ответил Искендер.

– Ну, раз так... – вздохнула Марьям-ханым. – Дело это непростое. Даже невозможное, если подумать. Друг твой – ее словом и ядом помеченный, остановить это уже нельзя, никакой хлебец в мире не поможет. Так уж все, понимаешь, устроено. С мамой твоей все проще: заклинение обычное. Сильное, но обратимое. А с мишоппой совсем другая история. Тут она саму смерть вызвала. Уж не знаю, через зеркало или воду, а может, еще как-то, способов много, братец, я хоть сама и не ведьма, и то штуки четыре знаю.

Вскинула она бровь и посмотрела на Искендера так, что у него опять мурашки по спине побежали.

– Теперь, понимаешь, либо ведьму, либо мишоппу – но кого-то одного смерть с собой утащить должна. Другого варианта нету. Долго сейчас объяснять, почему так, да и не все тебе знать нужно. Но в этом деле правила такие особые.

– Тогда убить ее надо, и все... Воздух чище станет! – насупившись, сказал Искендер.

– Ну, ну! Убить... – покачала она головой. – Правильную ведьму просто не убьешь, если она сама не захочет. А Кебире – ведьма самая что ни есть правильная. Профессиональная. Со стажем. В ней два ведра яда и литров семь желчи плещется. И лет ей больше, чем всему четвертому микрорайону. Ты еще ее в молодости не видел. Тогда с ней совсем сладу не было. Если мимо кладбища шла, мертвецы прочь разбегались. В шестьдесят восьмом году на моих глазах начальника склада фабрики Володарского Шамиля Мамедовича в карданный вал от трактора МТЗ превратила. Такой видный мужчина был! Всегда выбритый, умытый, никакой грязи под ногтями... Эх...! С возрастом сил она, конечно, подрастеряла, но все равно – близко к ней не подойдешь... Иди-ка сюда! – поманила она его пальцем. Искендер перегнулся через стол, и Марьям-ханым зашептала ему на ухо:

– Вот если бы волос ее достать, хоть немного, – тогда кое-что, может, и получится.

– Просто волосы?

– В том-то и дело, что не просто это. Она даже одежду свою на балконе не сушит, опасается. Знает, что будет, если потерять что-нибудь из своего...! А уж гребни и расчески всегда только при себе держит, в специальной шкатулке. Черной, полированной, с замочком. Где ни сядет, рядом с собой поставит на видном месте. Туда же волосы свои собирает, когда перед сном расчешется. Что уж потом она с ними делает, я не знаю. Но точно не выбрасывает. Так что до них нам не добраться... Понял?

– Что же делать тогда?

Марьям-ханым руками всплеснула, рассмеялась, в глазах хитрые искры сверкнули:

– Как что...? Печь будем, конечно! Самое верное дело! Бабка моя, ведьма старая, так учила: если не знаешь, что делать – начни печь, если и не придумаешь ничего, так хоть голодным не останешься.

И добавила:

– Заодно пахлавой с чаем закусим, в пустом желудке мыши заводятся, как сказал бы мой племянничек Вахаб.

...Хлебец, скажу я вам, вышел что надо, прямо как на рекламных постерах: идеально круглый, с глянцевою от яйца верхней корочкой, пахло от него молоком и сладостью на всю кухню.

Рассказ Марьям-ханым

А теперь, как обещал, вот что Марьям-ханым Искендеру рассказала. Но сразу предупреждаю, чтобы потом не возмущались: для удобства и экономии многое сократить пришлось, слишком уж мало времени до праздника осталось!

Значит, так:

...За два года до смерти папаша Абабиля, которому тогда еще совсем мало лет было, новую жену с ярмарки привез. Не удивляйся, братец, и не такое в жизни бывает. Привез с маленьким чемоданом и аккордеоном. Но, прежде чем в дом ввести, сначала у первой жены, то есть матери нашего мишоппы, как у них это положено, разрешения спросил. Она понятливая была, возражать не стала и новую жену хорошо приняла, вроде как младшую сестру. Да и та на деле оказалась женщиной чи-

стоплотной, хозяйственной, культурной. А что еще надо? Талия тоненькая, зато ноги крепкие, виноград на уксус давила так, что не успевали бутылки подставлять. Волосы особыми травами мыла, которые сама где-то на холмах собирала. Вечерами на аккордеоне «Амурские волны» играла. Уколы умела делать. Только жару плохо переносила. Это потому, что глаза у нее и так светлые были, северные, как две стекляшки, под стать ее волосам, а в августе в самое пекло прямо белыми становились.

В общем, через пять месяцев девочка у нее родилась. Все, конечно, сказали, что не выживет. Только сильно ошиблись! Еще как выжила! Мать ее каждый день особый хлеб пекла с куркумой и маком, мякину выковыривала и ребенка в хлеб укладывала, как в люльку. Говорят, она еще в тесто кровь свою добавляла, палец ножом протыкала. Так и выходила. Главное, девчонка ни капли на мать не походила. Та была, как сметана, ложкой есть можно, женщины в бане видели, а эта чернявая, крикливая, родилась сразу с кудрями, как у взрослой женщины, и еще притом со всеми зубами! Полный комплект. Так что пришлось ее сразу с ложечки кормить. Не выдирать же зубы. В полтора месяца отродье это ходить начало. Какое там ходить, носилась повсюду! И всех подряд кусала. Кроме матери своей. До крови, до кости укусит и хохочет. Ковры, косынки, шали, занавески – все в клочья раздирала. Пес у них во дворе размером с маленькую лошадь жил, Гошкар ом звали, ухо ему наполовину откусила, когда он ее вокруг дома катал. С тех пор он, как ее видел, пятый угол себе искал, где спрятаться.

...Перед Новрузом дед Абабиля с бабкой, которые на чердаке, поближе к запасам жили, в один день не проснулись. Обоим лет двести было, не старые еще. На каждый праздник три ведра риса запросто могли умять, еще и место оставить для сладостей. Они обычно от этот кусачей стервочки на засов запирались. Однажды как-то недоглядели, так она на чердак к ним влетела, кожаный патронташ и кирзовые сапоги в ошметки изгрызла. Дед Абабиля, естественно, озверел, за волосы ее оттащил, а она, извернувшись, ему фалангу пальца напрочь откусила. Чуть не прибил он ее тогда, с трудом мамаша ее оттащила. И ровно через два дня после этого оба старика утром не проснулись. Пришли их к завтраку будить, а на подушках две черные коряги лежат. Та, что ближе к стене, в ночной рубашке, а другая – в майке и теплых трусах с начёсом. Представляешь...?

И посыпалось, как из драного мешка! Не успели по старикам поплакать, Мовсюм вдруг с мышинной болезнью слег. А он всегда насчет здоровья очень внимательный был. Прививки все вовремя делал. Манную по утрам ел. Водку пил только на майские выходные. Он же до болезни на агронома учился в Кировабаде. И вдруг с такой гадостью слег. Когда его к волосатому дервишу повезли, у матери Абабиля в дороге горлом кровь открылась. Хлестала, как из крана. Кляпом пришлось затыкать. Тут еще молоко в доме стало киснуть. Во всех крынках и бидонах один сплошной творог. И тот прогорклый. Самое свежее молоко через минуту сворачивалось. А когда по ночам маленького мишоппу во сне кошки душить начали, он чуть не онемел: слово сказать хочет, а из рта сразу комочки шерсти лезут. Тут мать его что-то такое заподозрила.

Короче говоря, выследила она новую жену, когда та в матрас Абабиля мерзость всякую запихивала: птичий помет, велосипедную цепь, голову черной курицы, фото Сталина с выколотыми глазами, ржавый замок, сопли какие-то в пузырьке. Как говорится, доказательства налицо. Отец мишоппы, увидев все это, чуть ума не лишился, схватил новую жену, стал по щекам ее хлестать, тут отродье ее на ногу ему запрыгнуло, как обезьяна, и пока он от себя ее отодрать пытался, искусала в кровь! Все в горло ему хотела вцепиться. Раны на руках нитками зашивать пришлось.

В тот же вечер затолкал он свою светлоглазую ведьму вместе с ее аккордеоном в мешок и на ветку Карагача подвесил. Собирался утром обратно везти туда, где взял. А девчонку хотел у себя оставить, дочь как-никак.

Но пока они спали, девчонка в двери дыру прогрызла, из дома выбралась, мешок разодрала и вместе с матерью сбежали.

Соседи потом рассказывали, что видели, как мать с дочерью, будто дикие звери, по холмам на четвереньках скачут. В одном тряпье каком-то, почти голые. Еще за рекой объединенных телят и овец находили. Думали, волки или собаки их подрали, только следы вокруг человеческие были. Одни крошечные совсем, вроде детские, другие побольше. А через несколько месяцев отец мишоппы на болоте утонул. И без них тут не обошлось: пока его, значит, ночью из болота тянули, говорят, далеко в лесу кто-то играл «Амурские волны» на аккордеоне. Такая вот жуть.

Надо тебе знать, что у этой зубастой сводной сестры Абабия целых 98 имен. На одно только меньше, чем у самого мишоппы. Это потому, что он старше. Отец их на имена щедрый был. Хотя, конечно, дурак, в женщинах плохо разбирался. Но первое ее имя, самое главное – Кебуре! Так что с соседкой твоей проклятой мишоппа брат и сестра получают. Такие вот чужие семейные разборки, в которые ты, сам того не зная, влез по неосторожности.

Сила в ней темная, ужасная. Злоба ее переполняет. На мишоппу, на родителя покойного, на весь свет. И ничего ей не страшно, и никого она не боится! Только мышей, конечно. Но этих многие женщины не любят. Спроси у Мовсюма. Я редкое исключение. По мне – ерунда все это. Мышь, не мышь, главное, чтобы человек был стоящий.

Глава пятнадцатая

Волосы Ведьмы (Накануне Новруза)

Вот и наступил праздник! Дожили! Еще один год прошел. Куда это, спрашивается, мчимся? Годы как в копилку складываем, все надеемся потом на стол перед собой вывалить, спокойно пересчитать, взвесить каждый, как золотой песок. Задokumentировать. Только пустая это надежда. Как Абабия говорит: в копилку не годы забрасывать надо, а деньги бумажные, постельное белье, ну, и приятные воспоминания. Как же без них! Только с последними расторопнее быть надо, очень уж материал ненадежный, того и гляди, выдохнется, если крышкой плотно не закрыть. Как одеколон. Поэтому лучше всего их аккуратно на листочках записывать или на камеру телефона снимать. Случится что-нибудь хорошее, сразу доставай телефон. Потом на досуге посмотришь. Веселее от этого не станет, но зато не так скучно будет, как покойной бабке Марьям-ханым.

Тьфу, ты, опять я оговорился! Конечно, не праздник наступил, канун праздника! Сам праздник-то после полуночи явиться должен. Но все одно...

И вот пока все, кому ни лень, в микрорайоне с раннего утра к вечернему застолью готовились, в квартире Искендера усатый сантехник разводным ключом и ножовкой орудовал. А что еще делать? Неуемные тетушки так постарались, что теперь и в ванной канализация совсем встала. Мало им было кухни. На полу вонючая вода повсюду, раскуроченные трубы из-под раковин щетинятся, сантехник густой ус зубами прикусывает, понять ничего не может. Тетушки немного присмирели после того, как отец на них прикрикнул, нахохлились, словно куры, на краешке дивана сидят, как на жердочке, перед ними тазы на журнальном столике с рисом, мясом, луком – режут, чистят, перебирают. Вздыхают по очереди. Одна начнет, следом вторая, потом третья. По кругу. И жалко их, бестолковых, – отец реально очень уж на них наехал, как школьник на всю квартиру отчитывал, – с другой стороны, проку от них никакого, бардак один. Сестра их старшая, бабушка Секине, все-таки поумнее была. Скорее бы уж уехали они обратно в свою деревню.

До полудня провозился сантехник с канализацией. А в половине первого, как уговаривались, соседка позвонила, попросила отца, чтобы Искендер в магазин сбежал. Искендер уже готовый был. Куртку спортивную с капюшоном, которая ему на размер больше была, заранее надел. Она на нем мешком висела – то, что надо! Еще и карманы глубокие и мягкие, Мовсюму будет удобно.

Выскочил он из квартиры, глянул в просвет между этажами. Вроде тихо. Марьям-ханым знает, о чем говорит, Кебире на праздники не принимает никого. Особенно на такой, как сегодня. Стал он перепрыгивать через ступени, совсем, было, забыл, что в кармане у него пожилая мышь сидит, но та о себе ему сразу же и напомнила, прямо сквозь куртку пребольно куснула. Искендер вскрикнул от неожиданности, чуть ногу не подвернул.

– Заходи, заходи! – Марьям-ханым открыла сразу. Видно, за дверью уже ждала. – Ну, что, готов ты? А где... приятель твой?

Мовсюм из кармана морду чинно высунул, кивнул соседке, с праздником поздравил, извинился, что без подарка пришли. А как любезностями с ней обменялся, вскарабкался по куртке к самому лицу Искендера и, потрясая кулачком, злобно шикнул:

– Еще раз будешь, как козел, прыгать, искусаю...! Так и знай! Сколько можно предупреждать! – и, обернувшись к соседке, нажаловался: – Вы извините, ханым, но ведь все кишки растряс, проклятый! Верите, чуть завтрак из меня не вышел... Летишь, как Гагарин в центрифуге.

Марьям-ханым посочувствовала Мовсюму:

– Ай, ай, ай! Молодой он еще, в голове один ветер. В самом деле, братец, что это ты? Забыл, что мы люди пожилые...

Главное, говорит вроде серьезно, а сама улыбку прячет. Еще бы, попробуй не улыбнись, когда мышь с плешинной, поперек которой тщательно начесана длинная прядь, чтобы лысину меньше видно было, из себя выходит. Уж побрил бы голову, в самом деле, совсем наголо, чем позориться. И удобно, и brutally!

Собрались они, наконец, и пошли. Марьям-ханым в нарядном платье темно-зеленом, сверху красивая накидка с люрексом (Агоппа бы позавидовал), туфли новые надела, лаковые, рядом Искендер с тяжелым подносом, накрытым сверху салфеткой, в кармане у него Мовсюм. Спустились они до первого этажа. Молча, ни слова друг другу не сказав, как будто не в гости собрались, а на поминки. На втором этаже сосед с пустым мусорным ведром им повстречался. С праздником поздравил, и они его. Он от любопытства чуть шею не вывернул. Очень уж сосредоточенно они по лестнице спускались.

Переглянулась Марьям-ханым с Искендером, накидку блестящую, как змеиная чешуя, поправила и коротко в дверной звонок позвонила. Ждали они после этого недолго. В коридоре свет включился, кто-то в глазок посмотрел. Послышалось, как за дверью двойняшки между собой шушукуются, возятся, видимо, друг друга отпихивают, чтобы до глазка добраться. А Марьям-ханым для надежности еще раз позвонила. Двойняшки шушукаться перестали и едва слышно – на цыпочках, что ли, – от двери отошли. Искендер вопросительно посмотрел на Марьям-ханым.

– Сейчас, сейчас, – ободрила она его в ответ, – идут сестре докладывать. Без нее там даже мышь не проскочит...

Услышав такое, Мовсюм недовольно заворочался в кармане. Не понравилось ему про мышь.

Прошла еще минута. Или больше. Двойняшки к дверям вернулись, но уже по-другому: шумно, издали наперебой выспрашивая «кто там», будто до этого в глазок не они смотрели.

– Я это, девочки, Марьям-ханым, соседка...

Защелкали замки и задвижки.

– С праздником, красавицы мои! – сказала она самым елейным голосом, на который была способна, просто патока, аж во рту приторно сделалось. – Кебире-ханым дома? Дельце у нас к ней небольшое... Уж извините, что на праздник беспокоим, очень уж нужно.

«Красавицы» мерзкие плечами повели, от комплимента носы кверху задрали, а сами на Искендера дружно покосились. У каждой родинка над губой, словно муха на стене, так и хочется прихлопнуть! Переминаясь с ноги на ногу, Искендер кивнул, будто подтверждая слова Марьям-ханым.

– Сестра...!

– Сестра...! – обернулись они в полутемный коридор и наперебой стали объяснять:

– Тут соседка...

– ...Марьям-ханым с сыном...

– ...Джамили пришли...

– ...просят принять...

– ...очень!

Повисла небольшая пауза. Искендер от волнения вспотел: как ни крути, а заходить в квартиру гадалки было страшно (хотя не скажу, что страшнее, чем нырять в колодец). Да и Марьям-ханым, кажется, волновалась не меньше. Опасное они дело затеяли.

В дверях комнаты показались два жирных кота.

– Ладно, пусть проходят, если уж пришли!

– Ой, спасибо тебе, соседка! – облегченно вздохнула в ответ Марьям-ханым, проходя в коридор. – Еще раз прощения просим, что беспокоим в праздник...

На первый взгляд, квартира гадалки показалась Искендеру самой обыкновенной. Уж не знаю, чего он там себе нафантазировал, чего увидеть ожидал, квартира, как квартира. Может, разве что темная очень из-за плотно зашторенных окон, и как будто зеркал многовато. На каждой стене по одному висит, друг друга отражают, от этого в глазах даже не двоится, а сразу четвериться начинает. И только когда к большому обеденному столу подсели, огляделись, сообразил Искендер, что тут не так. Каждой вещи в комнате оказалось строго по паре: два кресла, два буфета (вместо посуды в них одни фарфоровые куклы, плятятся на тебя с каждой полки нарисованными глазами), два коврика на полу, две пластмассовые пальмы по углам, две настольные лампы, сестры-двойняшки вокруг крутятся, люстра какая-то, тоже двойная, даже котов и тех пара, хотя из-за зеркал казалось, что целое стадо пасется. Короче говоря, с ума можно было сойти от всей этой симметрии!

Гадалка, возлежавшая на подушках в чем-то черном, бархатном и с косынкой, повязанной на голове, при их появлении присела на диване:

– Уж извини, соседка, голова с утра раскалывается.

– Неужели приболела, Кебире-ханым, ай-ай-ай! – всплеснула руками Марьям-ханым. – Как же нехорошо, и прямо на праздник! А я тут пекла, дай, думаю, зайду, поздравлю по-соседски.

– А ты разве не знаешь, что у меня на праздники всегда голова болит? – спросила гадалка, морщась. – Девочки...! Чего без дела стоите? Подайте чай.

Двойняшки наперегонки бросились вон из комнаты.

– Все эти хлопушки проклятые! – покачала головой Марьям-ханым. – Спасенья от них нету. Сколько же можно палить...

– Ладно, Марьям-ханым, не тяни, рассказывай, что за дело ко мне у тебя вдруг появилось, не про хлопушки же ты ко мне разговаривать пожаловала. Еще и не одна пришла...

Тут только в первый раз за все это время глянула она на Искендера. И опять его морозом проняло. Болит голова или нет, а взгляд у нее все тот же пронзитель-

ный, колючий, словно под кожу тысячи мурашек вползают. Выдержать его невозможно. Хуже, чем у всякой колодезной рептилии, чтоб я сдох!

– Как мама твоя? – спросила она холодно и, поднявшись с места, подседа к столу напротив них. Но прежде, чем сесть, с кофейного столика взяла с собой резную шкатулку – все точно так, как Марьям-ханым рассказывала! Прямо перед собой поставила. – Все болеет?

– Болеет! Ужас, как болеет, бедняжка! – торопливо ответила за Искендера Марьям-ханым. – Такое несчастье...

В это время близко за окном подряд сразу несколько петард рвануло.

– Чтоб руки отсохли...! – поморщилась Кебире, натягивая платок на лоб пониже.

Чувствует Искендер – коты на него зелеными глазами глядят, трутся у его стула, все принохиваются подозрительно, жирные хвосты, как антенны, стоят. Наверняка Мовсюма учуяли! Он хоть и не мышь, и мышами пахнуть не должен, но кто ж знает...

Двойняшки тем временем к чаю стол накрыли. Вначале скатерть расстелили, такую Искендер раньше не видел: скатерть плотная, вся в черно-белых квадратах, как шахматная доска. Стали с подносов выкладывать вазочки с вареньем, стаканы, тарелки, и каждую вещь аккуратно в отдельный квадрат ставят. Расставили все быстро, идеально, друг напротив друга, опять симметрия проклятая! Даже варенье в вазочках подали не из обычных ягод, а из арбузных корок, нарезанных ромбиками, хорошо еще, стаканы не квадратные оказались.

Двойняшки накрывать закончили, молча в сторонке встали, а Кебире стол внимательным взглядом окинула, блюдечко одно слегка пододвинула, ложечку переложила, удовлетворенно кивнула и пальцами щелкнула. Двойняшки опять, как по команде, бросились на кухню, прибежали обратно с янтарным мундштуком с уже заправленной в нее сигаретой. Кебире мундштук с сигаретой приняла, от поднесенной зажигалки закурила и закрутила сизый дым в причудливую спираль над столом.

– Ну? Так что вдруг за дело у тебя ко мне, соседка?

(Если уж шахматная доска, то кто за черных играет, без слов понятно!)

– Ой, Кебире-ханым, только ты и можешь помочь! Не зря про тебя говорят, что ты великая целительница! – льстиво ответила Марьям-ханым, подвигая свой стакан на одну клеточку вперед, однако ни прежней сладости в лице, ни в голосе ее уже не было. Наоборот, кожа вокруг глаз в хитрые морщинки сложилась.

– Так ведь я не только излечить могу, – насмешливо парировала гадалка, – а и наказать, если надо. Да так, что день ночью покажется. Ко мне за разными вещами ходят. Неужели не знаешь?

Выпустила она еще одну струйку сигаретного дыма, но теперь вместо спирали свернулась она в подобие ватного кома и повисла темной тучей прямо под люстрой.

– Да что ты, Кебире-ханым, на себя наговариваешь? Все знают, добрее тебя человека нет! Вон сколько к тебе народу ходит, каждый день очередь...

– Ну, а если так, что же ты, соседка, все мимо двери моей бегаешь, как будто квартира моя заразная? Никогда не остановишься, не поговоришь...

Искендер был не совсем уверен, но показалось ему на секунду, что в сигаретной туче над столом сверкнула крошечная молния. Может, еще и дождь хлынет?! Какой получится фокус, хоть в интернет выкладывай! Ой, не просто с гадалкой дело иметь, что ни ход, то ловушка, пришлось Марьям-ханым свой стакан обратно на белую клетку передвинуть.

– Да что ты! Я бы и рада зайти, только ты все время занята! Как мимо ни пройду – люди ждут... Что ж, мне тоже в очередь становиться? А моя дверь для тебя всегда открыта, только-то на один этаж подняться, заходи, когда хочешь! Свежая выпечка и чай у меня всегда найдутся.

Дымная тучка над столом качнулась и рассеялась. Марьям-ханым с насока не возьмешь. Кажется, и гадалка это поняла: кивнула холодно, спросила снисходительно:

– Ладно, найду как-нибудь, раз приглашаешь. Ты говори, зачем пришла?

– А разве я не сказала?

– Да нет.

Марьям-ханым полные локти на край стола выставила, над розеткой с вареньем нависла:

– Не для себя прошу, Кебире-ханым, и даже не за Джамилю – мальчика жалко. Нельзя ему без матери остаться.

Искендер на стуле поерзал. Покосился на котов, сидящих прямо посередине комнаты: хвосты у них по-прежнему столбом стоят.

– Я-то что могу сделать? – вскинула Кебире толстую, как зубная щетка, бровь. – Тут с врачами решать надо. Говорят, они сейчас чудеса творят.

Затянувшись, выдула она вверх голубое марево, из которого отчетливо выглянул череп с пустыми глазницами. Криво ухмыльнувшись, он через секунду рассеялся.

– Трудно ему, конечно, придется. Кто спорит? Джейхун – парень хотя и спокойный, но не очень расторопный. Работает много. Только, соседка, и без матерей дети растут. Они же, как сорняки, к любой погоде приспособлены. Заодно и поумнеют быстрее.

Уставившись на нее, Марьям-ханым сцепила пальцы перед собой в замок, заговорила с жаром:

– Молодая она еще умирать, Кебире-ханым! Не сироть мальчика, прошу тебя! Прости ее, ради бога! Ты женщина сильная, не первый десяток по земле ходишь. Если что надо сделать – сделаем. Праздник же сегодня, обиды прощать нужно...

– Странные ты вещи говоришь, я тут причем? – улыбнулась Кебире и вдруг тоже, подавшись вперед, так что лицо ее оказалось совсем близко напротив лица Марьям-ханым, прошипела по-змеиному: – Не хуже моего знаешь, соседка, за обиды платить надо, даже если цена самая непомерная! Не я это придумала, так все до нас было уже устроено. Наказания без вины не бывает. Она меня прилюдно унизила, оскорбила. Если бы сразу пришла, в ноги упала, может, и наказание тогда не такое страшное оказалось бы. А сейчас поздно...!

Искендеру показалось, что еще немного – и между вытаращенными глазами соседок вспыхнет электрический разряд. Или пробежит шаровая молния, с таким ожесточением и ненавистью смотрели они, не мигая, друг на друга. Коты с мест повскакивали, шерсть у них распушилась во все стороны, так что они чуть ли не в пол-размера больше стали, двойняшки на пороге комнаты замерли. И тут уж Искендер понял, что медлить нельзя, ситуация самая подходящая. Как уговаривались до этого, согласно плану, потянулся он к своему стакану и будто случайно опрокинул его. Чай темным пятном разлился по шахматным клеткам, вскочил он с места, растерянно руками развел:

– Я нечаянно...

Соседки, словно очнувшись, друг от друга глаза отвели.

– Ай, ай, ай, что ж ты, Искендер...! Я сейчас сама уберу, Кебире-ханым... – заверещала Марьям-ханым.

– Сиди уж! А ну-ка...! – двойняшки подскочили с подносами, принялись со стола посуду убирать, а Искендер улучил возможность и выпустил Мовсюма из кармана. Тот с места сразу же на край скатерти запрыгнул.

– Мышь...! – закричала Марьям-ханым, показывая на Мовсюма пальцем.

– Мышь...! – заорала Кебире.

– Мы...

– ...шь! – отскакивая в разные стороны, подхватили двойняшки.

Коты, как обезумев, с воем и шипением на стулья попрыгали, оттуда, роняя посуду, на стол бросились за Мовсюмом, который, ловко маневрируя между тарелками и блюдами, стал гонять их от одного края до другого, пока женщины орала и бестолково вокруг носились. Громче всех, кстати, Марьям-ханым вопила. Еще и два стула опрокинуть успела для общей неразберихи. Посуда билась со звоном, чайные лужи повсюду, коты в варенье перемазались, печеное крошилось...

Мовсюм со стола на прилавок буфета запрыгнул, прицелился, дождался, а уже оттуда спружинил, как цирковой акробат, и точно приземлился на пышную грудь Кебире. У гадалки чуть глаза из орбит не выскочили!

Беспомощно размахивая над головой руками, завертелась она по комнате еще быстрее, сшибла с ног одну из сестер, а та на себя скатерть с котами сдернула. Крику стало больше. Вторая сестра, пританцовывая, словно пол был усеян раскаленными углями, хлопала вокруг себя чайным полотенцем. А тут еще задымился ковер от недокуренной сигареты.

...Когда в очередной раз полотенце, просвистев в миллиметре над Мовсюмом, со всего маха захлопнуло Кебире по лицу, он, изловчившись, уцепился на лету за его край и с груди близкой к обмороку гадалки через всю комнату перелетел на штору. Ну, точно – акробат! Быстро вскарабкавшись на карниз, пробежал он по нему до угла, спикировал на край зеркала на стене, едва не соскользнул, спрыгнул на верх буфета, оттуда на пол и бросился со всех ног в коридор, где Искендер уже успел приоткрыть для него входную дверь. Вслед за Мовсюмом с воем бросились перемазанные коты.

...Обхватив голову, гадалка театрально стонала на диване.

Вокруг нее суетились рыдающие хором сестры, отпаивали ее водой и валокордином, массировали плечи, пока Марьям-ханым, скорчив самую сочувственную гримасу, стояла в сторонке и тоже громко ахала и охала. Головокружительная симметрия комнаты, где все вещи, как фигуры на шахматной доске, чинно стояли друг против друга, была совершенно нарушена. Всего за несколько минут Мовсюм умудрился устроить такой грандиозный кавардак, что казалось, по гостиной пронесся ураган!

Кебире вдруг подняла лицо, оттолкнула руками двойняшек и, вперившись злобным, полным бешенства взглядом в соседку, медленно приподнялась с места.

– Уходи...! Уходи отсюда, Марьям-ханым...! И печеное свое забирай! Как принесла, так и уноси! Нам оно без надобности...

– Как же, Кебире-ханым... Я ведь от чистого сердца... – залепетала Марьям-ханым, пятясь задом к выходу.

Лицо гадалки с размазанным гримом, делавшим ее похожей на какого-то злобного клоуна, буквально светилось от ярости.

– И ты убирайся! – каркнула она по-вороньи Искендеру, вытянувшись в полный рост. Растрепанные волосы ее спадали по плечам чуть не до самого пола, будто крылья за спиной. – Имя твоей матери давно уже в книгу мертвых вписано! Самыми красными чернилами! Никто этого изменить не сможет! Так и знай! Завтра будете зеркала занавешивать! Иди, попрощайся с ней, пока еще есть время...!

– Да что ты...! – выкрикнула возмущенно Марьям-ханым, обнимая Искендера за плечи. – Не слушай ее, сынок... Что ты такое несешь...!

– Правду! Уходите оба и никогда, запомните, – никогда больше не стучите в мою дверь! А постучитесь – имя свое забудете! С праздником тебя!

...Выскочили из квартиры Марьям-ханым с Искендером, тяжелая дверь за ними с грохотом на весь подъезд захлопнулась, ни слова не говоря, побежали они по лестнице вверх. Искендер, само собой, впереди, но и соседка, надо сказать, не сильно отставала. Только в квартире Марьям-ханым отдышались оба.

– Ну, – спросила она его, запыхавшись, – успел?

– А как же... – вытащил он из-под мешковатой куртки черную шкатулку. – Я сразу... как только Мовсюм на нее прыгнул, стащил. Боялся, что выроню.

– Вот же ведьма сумасшедшая! Ну-ка, посмотрим, что у нас тут. – Открыла она шкатулку. С самого верха аккуратно три больших гребня лежали на красной бархатной обивке. Гребни были с массивными резными ручками, костяные. – Смотри, какие! Сразу видно, дорогие. Такие в магазине просто не купишь.

– Там ни одного волоска! Все зря получается! – разочарованно воскликнул Искендер. Марьям-ханым глянула на него поверх очков:

– Погоди еще. Эта вещь хитро устроена. – По бокам торчали два шнурка. Марьям-ханым прошла на кухню, шкатулку на стол поставила и, ухватившись за шнурки, вытащила верхнюю полочку с гребнями. Под ней оказалась точно такая же, но с расческами частыми и попроще. Каких там только не было! Лежали они тоже аккуратно, вплиты друг к другу, ни пылинки, готовые к использованию.

– Это как матрешка получается!

– Видно, китайской работы.

На следующей полке оказались совсем крошечные расчески, какие-то фигурные, причудливо изогнутые. За ней оказалась еще полка с одинаковыми стеклянными пузырьками, только жидкости в каждом были разного цвета. Потом вышла полка с тюрбиками, следом еще одна с порошками и пахучими травами в бумажных пакетиках.

– Ты смотри на нее, прямо целый парикмахерский салон! Что значит – ведьма! – поцокала языком Марьям-ханым.

Наконец, добрались они до последнего, седьмого уровня шкатулки. И тут как раз и хранились волосы Кебуре. Скрученные, перепутанные, лежали они на дне одним большим спрессованным комом, словно отвратительная мочалка.

– Ага! – сказала Марьям-ханым торжествующе.

– Ура! – выкрикнул Искендер.

– Все, соседка, запомнишь ты сегодняшней день, если переживешь! – криво усмехнулась Марьям-ханым, зажигая самую большую газовую конфорку. Подцепив волосающей ком кончиками пальцев, сжала она его в ладони, к самому лицу поднесла, дунула в горсть, сказала что-то очень быстро, так что услышать было невозможно, и бросила в огонь. Однако странным образом ничего не произошло! Попробуйте сами поднести волос к огню: он сразу затрещит, вспыхнет, сгорит в одно мгновение, а тут – ничего! Огоньки пламени сквозь ком пробиваются, со всех сторон его лизут, но ни треска тебе, ни дыма – не горят волосы, только выются в пламени, как живые, во все стороны пружинами распрямляются!

– Что значит сучье отродье! Огнеупорные...

Искендер подошел к газовой плите поближе.

– Не горят!

– Потерпи. Скоро займутся. Ей с такой головой пожарником бы стать, а не гадалкой.

Живо представив себе Кебуре в форме пожарника с брандспойтом в руках, Искендер улыбнулся.

Между тем иссиня-черные волосы, накаляясь, словно металлическая проволока, постепенно сделались багровыми и начали мерцать в ровных язычках пламени.

– Ничего себе!

– Не стой так близко, мало ли что... – только и успела сказать соседка, когда волосающей ком вдруг весь вспыхнул высоким факелом, лизнул жадно потолок, затрещал и прямо на глазах выгорел до кучки серого пепла. И тотчас громыхнуло где-то внизу, то ли в подвале, то ли даже под землей, будто выстрелили из пушки. Дом сильно трянуло, прямо по стене за газовой плитой, по кафельной плитке поползла широкая трещина, а из прорези вентиляционной шахты полыхнуло горячим воздухом. Люстра закачалась из стороны в сторону, что-то со звоном посыпалось в комнате, фикус отчаянно замахал широкими листьями, словно решил вылететь в полуоткрытое окно, чуть с подоконника вместе с горшком не свалился.

На лестничной площадке уже голосили соседи, лязгали дверные засовы. Кто-то заорал на улице. Искендер ухватился за стол. А Марьям-ханым, пока все трещало и качалось, стояла посередине кухни, уткнув руки в полные бока и широко расставив ноги, будто моряк-Вахаб на корабельной палубе во время качки, хохотала себе в голос, так что Искендеру даже не по себе стало.

– Проняло-таки тебя, гадину? Вырвали твое поганое жало...? Учись теперь гадать на кофейной гуще, чтобы с голоду не сдохнуть! Больше ты уже ни на что не годная! Слышишь меня, Кебире...?

Зрелище, скажу вам, еще то. Не на шутку расходилась Марьям-ханым. Голос ее звучал так, что посуда в шкафах дребезжала.

...Наконец, качка прекратилась. Собственно говоря, длилась она недолго, меньше минуты, наверное, просто страшно было очень, особенно когда паркет под ногами разъезжался.

Это только потом уже стало известно, что на первом этаже у гадалки газ взорвался. Говорили, что двойняшки не доглядели. Мол, огонь на плите сквозняком задуло, газ в помещение набрался, а тут Кебире с сигаретой своей. Хорошо, хоть день выдался теплый, и окна открытые были. А то взрывом бы всю квартиру снесло. Обошлось, короче. Ну, кухню, конечно, основательно отремонтировать придется, коридор и ванную тоже, но главное, что все живы и здоровы остались. Вот только с гадалкой...

Высочил Искендер от Марьям-ханым со шкатулкой под курткой, запрыгал вниз по ступенькам. Это соседка ему велела от шкатулки избавиться. Сказала, нечего эту пакость дома держать, а сама опять печь принялась. Соседи на улице машину «эмчез» и «скорую» ждут, а она даже из квартиры выйти не захотела, опять про внуков стала рассказывать, которые уже завтра прилететь должны, а в доме нет ни крошки и не прибрано. Какую-то телеграмму стала Искендеру показывать. Телеграмму! Кто это, спрашивается, в наше время телеграммы посылает? Да их, кажется, и не осталось уже больше. Но Искендер, понятное дело, спорить не стал, напоследок только не удержался и обнял соседку. Без нее ничего бы не получилось. Марьям-ханым сначала растерялась даже. Чувствуется, что давно ее уже никто не обнимал. Неловко как-то похлопала его по спине, а потом сказала тихо:

– С праздником тебя, сынок! – на том и попрощались.

На первом этаже столпотворение. Вся лестница занята. Даже перепуганные тетушки здесь, глаза красные платочками трут, пристают ко всем с дурацкими вопросами. Искендер кое-как между ними втиснулся. Дверь в квартиру гадалки нараспашку, люди в форме «эмчез» входят и выходят с серьезными лицами, знают, что за ними, как в театре, публика наблюдает. Вроде ничего особенного не делают, а вид у них такой, будто в космос ракету запускать собираются. Подъехала «скорая». Врачей в квартиру пропустили. Носилки принесли. Кто-то стал кричать, чтобы соседи расходились и из подъезда немедленно вышли, но кого тут заставишь, когда такое зрелище, да еще и на праздник? Всем охота посмотреть, что с великой гадалкой случилось.

Потом Кебире из квартиры под руки вывели, и все прямо ахнули! Обгореть-то она не обгорела, только руки и лицо немного в копоти испачкались, но волосы – ее необыкновенные, роскошные волосы цвета вороньего крыла совершенно поседели, ни единого черного перышка. Сухими безжизненными клочьями торчали они во все стороны. Ничего не осталось от их пугающего блеска. И сама гадалка будто вся усохла, лицо старушечьими морщинами пошло, под запавшими глазами мешки, глядит потерянно, без смысла, словно внутри у нее кто-то свет выключил.

Шла она сама, носилки не пригодились, только с обеих сторон ее санитары поддерживали, сзади закопченные двойняшки в голос рыдали. Еще с утра была Кебире видной такой женщиной, хоть язык и не поворачивается сказать, – красивой, а тут по одной ступеньке вниз, шаркая ногами в тапочках, спускалась прямо глубокая старуха. Жуткое дело!

На полпути она остановилась, обвела замерших соседей пустым взглядом – на мгновение в глазах ее прежние красные искры вспыхнули – и не закричала, а завывала по-звериному, так что у людей мороз по коже побежал:

– Верните мои волосы...! Верните мои расчески...! Поймите проклятую мышь...!

Один из санитаров, сильно похожий на недавнего сантехника («Может, брат-близнец?» – мелькнуло у Искендера в голове), кивнул и сказал участливо:

– Поймаем, мать, обязательно поймаем. Только до больницы доедем и сразу начнем мышей ловить.

– И крыс тоже, – добавила идущая следом крошечная медсестра с заметными усиками, а услышав, как за спиной еще громче зарыдали перепачканные двойняшки, смутилась.

Больше Кебуре ничего не сказала. Молча, опираясь на руку санитар-сантехника, доковыляла до машины «скорой помощи», молча взобралась в нее и уехала, оставив соседей сплетничать и обсуждать происшествие. Насколько я знаю, она до сих пор ничего не говорит. И не гадает больше. Вяжет что-то. Не шапки, не варежки, не свитер. Что-то бесформенное, длинное, может, даже бесконечное. Кто видел, рассказывают, что полкомнаты уже ее рукоделие занимает. Двойняшки пряжу не успевают покупать. Жалуются, что денег на нее не хватает. Одна из них теперь в продуктовом магазине на одной стороне улицы работает, а другая точно в таком же – на противоположной в колбасном отделе за прилавком стоит. И продавщиц, и магазины почти не отличить. Даже в этом у них все симметрично получилось. Ну и слава богу, скажу я вам. Осталось им еще себе мужей одинаковых подобрать, не век же им в незамужних девках сидеть. К примеру, могли бы за сантехника с санитаром выйти, раз уж они так похожи.

Коты сгнули. Без следа. Увы, вместе с ними и Мовсюм пропал. Искендер до поздней ночи надеялся, что вернется. Не вернулся. В коробке его пустой матрасик, четки, лекарства остались, будто укоряя его за то, что не выполнил он последнюю просьбу мишоппы.

...Пока он, по сторонам озираясь, ведьмину шкатулку за кустами закапывал, все казалось ему, что кто-то следит за ним внимательными глазами. Может, Мовсюм это – раненый или с гипертоническим кризом лежит где-то рядом без помощи! Окликнул он мышь по имени, но в ответ ему с пыльных елей только вороны каркнули. Искендер голову поднял: на каждой ветке по черной птице сидит, макушки деревьев от их веса сгибаются. Расселись они неподвижно, выпуклыми глазами, окантованными золотой нитью, на присыпанную землей шкатулку глядят. Будто точное место хотят запомнить. А издали еще другие подлетают. Уже и места на елях не осталось. Никогда еще Искендер столько ворон в микрорайоне не видел!

...Когда у гадалки рвануло, соседи в 22Б, понятное дело, на балконы высыпали. И Гюльбадам-ханым со своими тремя балбесами тоже. Пока они там стояли, никто и не заметил, как милейший Гюльхош Мамедович в первый раз за все это время голову от подушки самостоятельно оторвал, глаза открыл, потянулся так, что кости захрустели, и с дивана поднялся. Оглядев изрядно раздавшийся живот, он даже опешил немного. Когда засыпал, живот был раза в полтора меньше. Заволновался бывший участковый (о том, что он уже бывший, он-то еще ничего не знал, ему же казалось, что он всего несколько часов спал после долгой бессонницы). Ощупал он осторожно себя, вроде не пучит совсем: может, тогда это страшная болезнь прицепилась?! Или, черт его знает, забеременел как-то – от нынешних продуктов что хочешь приключиться может. Свояк, у которого колбасный цех, рассказывал, что во все теперь сою добавляют, а от нее гормоны нарушаются. Решил Гюльхош Мамедович, прежде чем паниковать, сходить для начала в туалет. Ну, а там уже видно будет, может, еще рассосется как-нибудь. Это только потом выяснилось, что беременным как раз не он ока-

зался, а милейшая Гюльбадам-ханым: ровно через семь с половиной месяцев, всем на зависть и удивление, родила она еще одного крепкого сына. Чтобы не нарушать традиции, назвали его в честь великого поэта Хагани.

А сосед его по подъезду, несчастный Ляtif, сразу после взрыва чихнул. Да так, что из носа и ушей ватные шарики с вазелином прямо пулями повыскакивали, прилипли к потолку и люстре. В ужасе, что навалятся на него сейчас со всех сторон запахи, бросился он в спальню катать новые затычки, но, только пока трясущимися руками вату рвал, почувствовал, что никаких запахов уже не слышит. В том смысле, что все, как раньше, стало. Запахи-то есть какие-то: из кухни бараниной тушеной тянет и жареным луком, трюмо пахнет духами жены, только вот из чего эти запахи состоят, он уже понять не может. Неужели кончилась, наконец, его нюхаческая каторга? Сел Ляtif на край застеленной кровати и заплакал. Пусть поплачет. Как сказала гадалка, наказания без вины не бывает, нечего было во все свой длинный нос совать. Может, уроком станет.

Про амбала с родинкой, кстати, который за Искендером ходил и потом Карагач на гниение пометил, мало что известно. К гадалке он почти случайно попал, как говорится, по совету друзей. Что-то там у него с матрасным бизнесом не заладилось. Вот и попросил ее дурень на всю налоговую инспекцию разом порчу навести... Налоговая с тех пор как работала, так и работает, амбала же след простыл. Не иначе, как посадили за все его художества.

А дальше...?

Глава шестнадцатая

Новруз

А дальше, само собой, наступил праздник. Куда он денется? В полночь день с ночью сошлись, поравнялись, наступила настоящая, не календарная весна. А с ней и новый год.

...Искендер, когда молочный хлебец доставал, удивился – полдня в шкафу простоял, а на ощупь, как будто только что из духовки. Горячий! Вроде небольшой совсем – чуть больше чайного блюдечка, но пахнет вкусно на всю комнату. Завернул Искендер хлебец в салфетку, мимо тетушек и отца, засевших в гостиной за накрытым столом, пробрался в мамину спальню. В последние несколько дней его к ней, считай, не пускали уже. Пусть, мол, отдыхает, не беспокойте ее. Да он и сам занят был.

В спальне дух стоял тяжелый, болезнью пахло. Болью. Лекарствами. У кровати на тумбочке горел желтый ночник. Искендер присел рядом с матерью, стал осторожно будить ее. Долго будил. После уколов она засыпала так, как будто просыпаться уже не собиралась. Но мы-то знаем: Искендер, мало сказать, настойчивый, но и упрямый. Разбудил-таки ее. Только не до конца. Смотрела она на него мутными от мучений глазами, то, улыбаясь, узнавала и шептала что-то ласковое одними губами – когда-то пухлыми, мягкими, а теперь от них одни две бескровные полоски остались, по лицу гладила, то опять проваливалась, как в глубокую яму, в свое страшное забытье. Может, оттого и не просыпалась она до конца, что думала, будто Искендер ей снится с этим горячим хлебцем в руках, похожим на печеное солнце.

«Посмотри! Это тебе...», – шептал он.

Вздрогнула она во сне, глаза открыла:

«Красивый какой... Где ты его взял? Оставь на завтра...», – и опять веки у нее слиплись. Но Искендер твердо знает, если не съест она хлебец сегодня, прямо сейчас, – никакого завтра для нее уже не будет. Осторожно разломил он его (внутри хлебец совсем как сладкая вата, будто не из теста месили, в руках тает, пар ароматный по комнате стелется, вытесняя тяжелый дух болезни).

...Так он и накормил ее хлебцем. Между сном и явью. По маленьким кусочкам. Только-только до полуночи управился.

Приснился ему той ночью приятный сон. Будто просыпается он в своей комнате на воробьиный галдеж. А день за полуоткрытым окном такой яркий, такой весенний! На рассвете, видно, быстрый дождь прошел, скучные тополя и сосны и те посвежели. Солнце уже из-за 22Б наполовину выскользнуло, еще медное, – утро-то раннее совсем – но края его уже золотятся, плывут цветными бликами в соседских окнах. Совсем не хочется Искендеру вставать, приятно просто лежать, глядя, как за окном новый день начинается. Первый день настоящего нового года. И тут кто-то ерошит его отросшие волосы. Он еще не видит, кто это, но уже знает.

– Вставай, сынок, завтракать будем, – говорит мама. – Я омлет приготовила. Только тихо, чтобы клуши не проснулись... Хором храпят...

Смеется беззвучно. Лицо у нее все еще измученное, восковое, с запавшими щеками, но глаза уже блестят, как раньше. Тут только Искендер и сообразил, что не спит. Вот же она, рядом сидит в синем махровом халате. Влажные после душа волосы обмотаны полотенцем. Обхватил он ее, что было сил, уткнулся лицом в халат, страшно ему стало невыносимо.

– Ну, что ты, родной... – говорит она. – Уже не бойся, здесь я, здесь...

Хочет он что-то сказать, но такой ком в горле, что не продохнуть, только на душе легкость, которую и словами объяснить нельзя! Словно таскал он все время на плечах рюкзак, набитый тяжеленными камнями, а теперь скинул его прочь.

– Мама...

Смотрит она с улыбкой в окно:

– Слушай, мне такой странный сон снился... Сейчас вспомнила! Надо тебе его обязательно рассказать. Не пойму, к чему бы это... Значит, стою я на каком-то пустыре, вокруг мусор, сухая земля, а впереди дерево. Большое, ветвистое, и оно все облеплено гусеницами. Куда ни глянешь – полно их. И такие мерзкие, мохнатые, извиваются... И вдруг, значит, из дерева, из дупла, что ли, – вылезает маленький мужчина. Представляешь? В спортивной шапочке, в финках. Идет ко мне, сильно хромает. Смотрю – у него что-то вроде костыля под мышкой. Подходит ко мне и говорит:

«Здравствуйте, Джамия-ханым, с выздоровлением вас, чтобы всегда на ногах были...»

Я говорю:

«Спасибо». А сама думаю: откуда он это, интересно, знает, что я болела? Может, сосед?

«Я ведь тоже болел. Вот, смотрите...», – говорит. И, представь, задирает штанину, показывает мне ногу. А у него вместо ноги ветка торчит! С листочками зелеными...! Ерунда какая-то! А я ветку внимательно рассматриваю и спрашиваю его:

«Что это за болезнь такая?»

Он смеется:

«Могло быть и хуже. Надо спасибо сказать Искендеру за то, что я весь в корягу не превратился!» В смысле, тебе спасибо надо сказать! Я на него так удивленно смотрю, а он продолжает:

«Привет ему передавайте! Пусть за Мансура не беспокоится, он уже дома, отсыпается...»

– Мовсюма, – улыбнулся Искендер.

– Мовсюма...? Ну, да, Мовсюма, наверное... Ты, что, знаешь его?

– Немного.

– Откуда? Кто он такой? Я-то его не знаю, как же это он мне приснился, если я его раньше в глаза не видела?

– Мам, он такой! В любой сон пролезть может. Что-нибудь еще передавал?

Она недоуменно пожимает плечами:

– Да. Сказал, ждет тебя в гости. А потом знаешь, что сделал...? Повернулся, пальцы в рот сунул и свистнул громко, залиvisto, и оказывается, пока мы с ним говорили, гусеницы превратились в бабочек! Все до одной! И как он свистнул, они разом все вверх взвились: красные, желтые, синие, оранжевые! Просто тысячи бабочек! Не представляешь, как красиво! Порхают вокруг дерева... Крупные, как воробы! Да, забыла совсем, говорит: «Напомните Искендеру, что он мне десять манатов должен». ...Что за ерунда? Кому это ты денег должен? – спрашивает она недоуменно. – Сколько раз тебя предупреждала, чтобы ты ни у кого денег не брал...

– Мама, это же сон! – рассмеялся Искендер, а сам с волнением подумал: «Дереву бы спасибо сказать надо! Без него ничего бы не было. Только где его теперь искать? Поди знай, куда его Абабиль на этот раз перегнал? Хоть бы знак подал какой-нибудь...!»

Вообще-то мишоппа знак подал. Просто Искендер об этом узнал не сразу. Только через полчаса, когда к Марьям-ханым спустился, рассказать, что мама на ноги встала. Пока соседка от радости слезы платочком вытирала, Искендер с зеркала у нее за спиной взгляд не сводил. Там, где раньше на раме пустое место образовалось, теперь опять чудесный Карагач красовался. И из дупла его, приветственно подняв вверх обе руки, выглядывал улыбающийся мишоппа. Но кое-что и новое появилось – рядом с деревом знакомая сапожная будка, а позади школьный двор! Теперь уж понятно, где Абабиля с Карагачем искать!

– Ты подожди минуточку, сынок, я сейчас...! – засуетилась Марьям-ханым, спрятав платочек в карман своего белоснежного фартука. – Пирог только что из печки! Отнесешь маме, ей сейчас сил набираться надо...

Побежала она на кухню, стала греметь противнями, но Искендер ее ждать уже не стал. Не удержался просто. Выскочил в подъезд, будто ненормальный, поскакал вниз, опасно перепрыгивая через ступени, и всю дорогу до школы, пока мчался мимо гаражей и стройки, мимо дома торжеств, кутабной, девятиэтажки, словно заведенный бубнил себе под нос, как научил его когда-то Абабиль:

*Рыбий хвост покажет на Север,
Птичий клюв укажет на Юг,
Зеркала и свои отражения
Убери до срока в сундук.*

*Во дворце в глубоком колодце
Жаба сохнет от жажды на дне,
Птица-чудо и ведьмино жало
Вновь схлестнулись в священном огне.*

*Кровь и плоть твои стали тестом,
Между светом и ночью побудь,
Выходя на развилку дороги,
Выбирай срединный путь!*

*Справа Солнце, а слева Месяц,
Твой светильник уже не задуть,
Как проснешься от сна и от боли,
Не забудь мишоппу помянуть!*

Канада, Эдмонтон, 2021